Городецкий историко-художественный музейный комплекс
Нижегородская Археологическая Экспедиция
Костромская археологическая экспедиция

Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий

Материалы научного семинара

Выпуск 1

Нижний Новгород
2021

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий: материалы научного семинара. Нижний Новгород, 2021. Вып. 1. 179 с.

В сборнике публикуются материалы научно-практических семинаров «Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий», проходивших в 2016-2019 гг. в г. Городце.

В рамках работы семинаров были представлены результаты археологических исследований на территории Нижегородского Поволжья и соседних регионов, материалы исследований памятников, результаты изучения археологических коллекций и естественно-научных анализов.

ISBN 978-5-6047013-6-2

Содержание

В. А. Аверин, А. В. Аверина, П. Н. Чечулин

Стоянка каменного века Ягодино 3 во Владимирской Мещёре

Стоянка Ягодино 3 находится в Гусь-Хрустальном районе Владимирской области, на территории Национального парка «Мещёра». Она открыта в 2014 г. сотрудниками ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», в ходе разведочных работ в междуречье рек Бужа и Поль *(Чечулин, 2015; Аверин, Дроздова, 2017)*. Памятник располагается на низком мысу, в 150 м к юго-востоку от места слияния вышеназванных рек, и примерно в 700 м к востоку от д. Ягодино. Высота над современным (летним) уровнем воды в Поле и Буже – около 2,5 м, в период весеннего половодья мыс регулярно затапливается. Ориентировочная площадь памятника – исходя из топографии местности и результатов проведённой шурфовки – около 850 кв. м.

Первоначально, в 2014 г., на памятнике было заложено два разведочных шурфа, размерами 1х1 м каждый. Шурф № 1 (№ 9 – по общей нумерации разведочного маршрута) попал в центр стоянки, тогда как шурф № 2 (№ 10) оказался на её периферии. Он позволил определить северо-восточную границу объекта, не имеющую естественных рубежей в рельефе местности *(рис. 1)*. В этом шурфе – № 2 (№ 10) найдены лишь немногочисленные и маловыразительные отщепы кремня (11 шт.), обломок микропластины правильной огранки без вторичной обработки *(рис. 3:16)* и мелкие фрагменты керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом (10 шт.). Почти все каменные артефакты изготовлены из красно-коричневого кремня. Исключение составляет обломок микропластины, который сделан из красного кремня, по структуре и цвету отличающемуся от всего остального кремнёвого материала.

Наибольший же интерес представлял шурф № 1 (№ 9) 2014 г., именно о нём и пойдёт речь в данной статье. В 2016 г. на стоянке проведены дополнительные земляные работы, с целью уточнения сведений о ней – была осуществлена прирезка (5 кв. м) к шурфу № 1 (№ 9) *(Чечулин, 2017)*. Таким образом, на сегодняшний день вскрытая площадь памятника составляет 7 кв. м, из которых 6 кв. м приходится на шурф № 1 (№ 9). Несмотря на небольшой раскопанный объём, полученная коллекция оказалась весьма выразительной и вполне достаточной для определения культурно-хронологической принадлежности данного объекта.

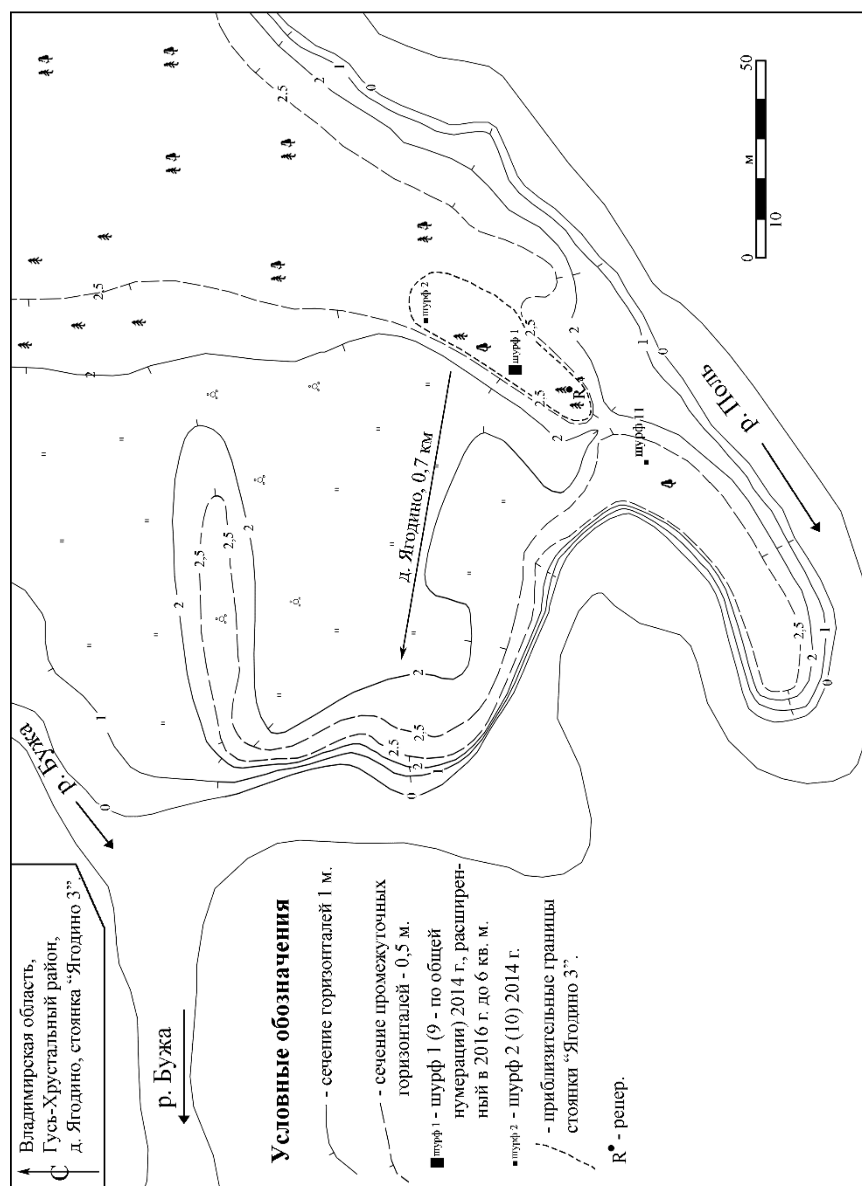

Рис. 1. Топографический план стоянки Ягодино 1

Прослеженная в шурфе № 1 (№ 9) стратиграфия сравнительно проста *(рис. 2)*: 1) дёрн – до 6 см; 2) тёмно-коричневая супесь – до 35 см; 3) светло-коричневая супесь – до 37 см; 4) пёстрый серо-рыжий суглинок с ожелезнениями – материк. Общая глубина шурфа составила около 80 (+/- 3) см. Археологический материал начал встречаться сразу под дёрном, однако изначально находок было мало. Основная масса находок прослежена на глубине 10–40 см от

дневной поверхности (-104 / -134 см от репера). Последние артефакты зафиксированы на глубине -139 / 140 см от условного нуля – реперная точка была взята в наиболее высокой части мыса *(рис. 1)*. Находки, в основном, залегали равномерно, не образуя скоплений. Исключение составили два небольших фрагментированных развала сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, просевшие в материковые отложения. Следует также отметить, что в нижних слоях артефакты залегали зачастую не горизонтально, а под углом или вертикально, что, на наш взгляд, свидетельствует о регулярном затоплении мыса и сильной волновой активности здесь в прошлом.

В общей сложности (за 2014 и 2016 гг.) в шурфе № 1 (№ 9) найдено 973 артефакта. Это так называемые «индивидуальные находки» – орудия труда, их заготовки и обломки, а также предметы вооружения, фрагменты керамики, единичные кальцинированные кости. Уже в ходе раскопок стало понятно, что культурный слой памятника неоднороден. Полученный материал отчётливо распадался на два комплекса, один из которых уверенно может быть отнесён к развитому неолиту, а второй – к более раннему времени. В данной работе мы условно обозначим эти комплексы как «ранний» и «поздний». Обратимся к характеристике полученных в ходе раскопок данных.

«Поздний комплекс» наиболее массовый. Он представлен находками каменных изделий и фрагментами керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Каменный инвентарь представлен орудиями труда, предметами вооружения, заготовками и отходами их производства. Сырьём для изготовления артефактов служил красно-коричневый и коричневый кремень среднего качества, основной заготовкой служили крупные отщепы и осколки кремня. Наряду с кремнём использовался сланец. Индивидуальные находки этого комплекса представлены следующими типологически выразительными предметами: 1) обломок ромбовидного наконечника стрелы, кончик и насад у которого отсутствуют *(рис. 3:1)*; 2) обломок деревообрабатывающего орудия на отщепе, лезвие оформлено пологой вентральной ретушью, края заготовки оформлены крутой дорсальной ретушью *(рис. 3:2)*; 3) обломок неопределенного шлифованного сланцевого орудия – возможно, орнаментира *(рис. 3:3)*; 4) нож на отщепе, лезвие обработано приостряющей

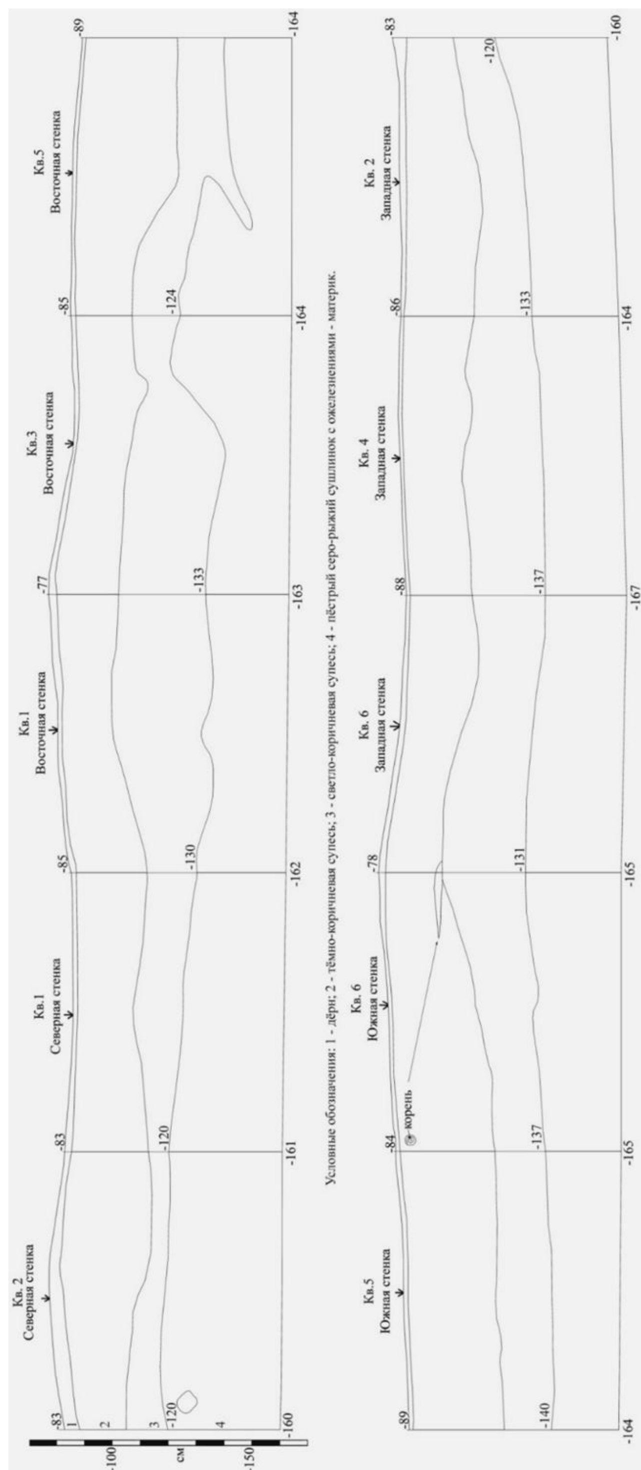

Рис. 2. Стратиграфия шурфа № 1 (№ 9) стоянки Ягодино 3

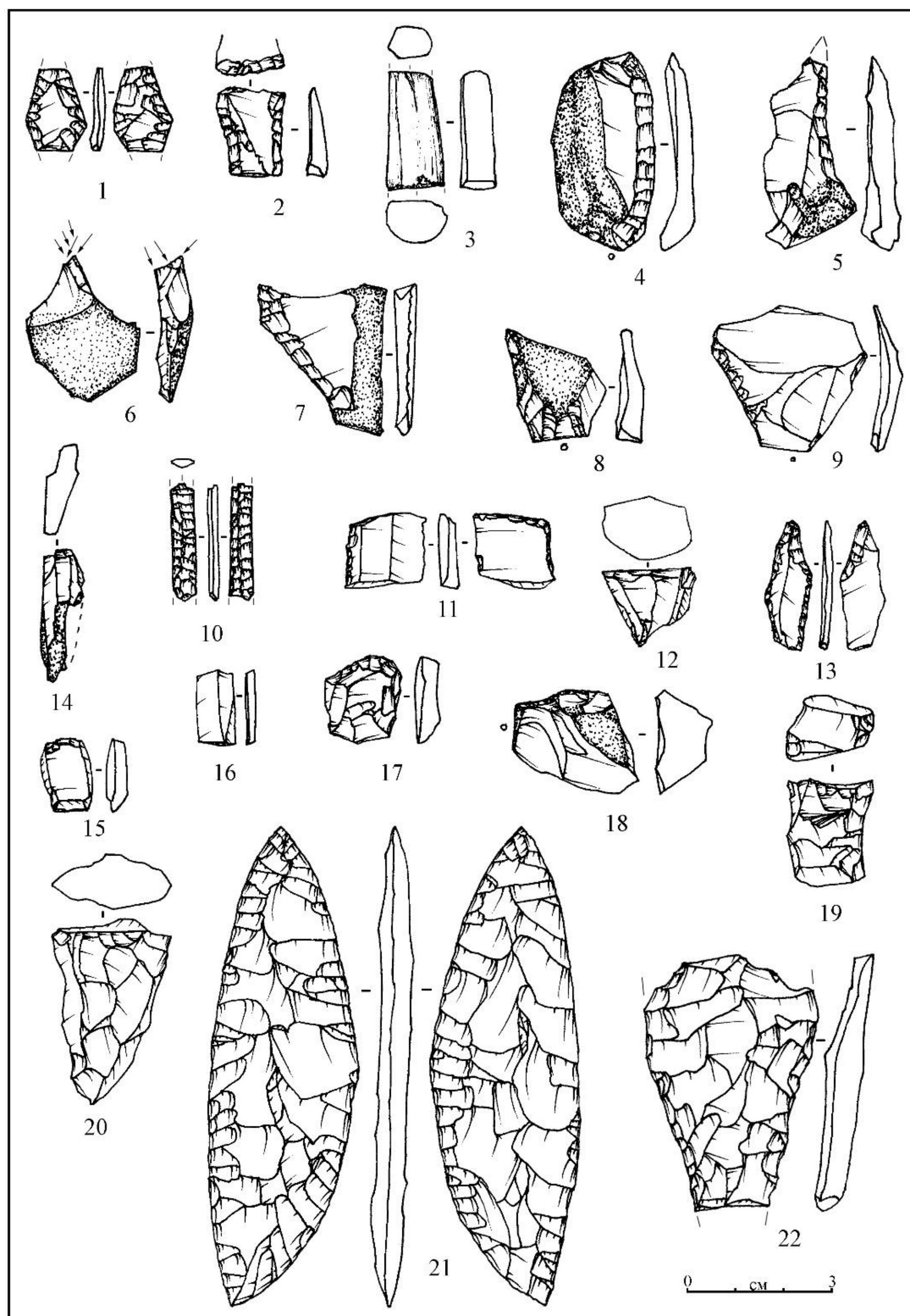

Рис. 3. Стоянка Ягодино 3, каменный инвентарь *(рис. А.В. Авериной)*

дорсальной ретушью по одному краю *(рис. 3:4)*; 5) обломок проколки на отщепе, край обработан крутой дорсальной ретушью, кончик сломан *(рис. 3:5)*; 6) нож на отщепе, лезвие обработано приостряющей вентральной ретушью по одному краю *(рис. 3:7)*; 7) проколка на отщепе, кончик выделен крутой дорсальной ретушью *(рис. 3:8)*; 8) отщеп с обработанным пологой дорсальной ретушью одним краем *(рис. 3:9)*; 9) проколка на продолговатом отщепе, кончик выделен плоской вентральной и полукруглой дорсальной ретушью, края заготовки обработаны крутой дорсальной ретушью *(рис. 3:13)*; 10) двусторонне ретушированное орудие, имеющее неправильную листовидную форму – вероятно, наконечник копья или дротика *(рис. 3:21)*; 11) сломанная заготовка дротика или копья на массивном отщепе, обработана одна сторона, вторая в начальной стадии оформления *(рис. 3:22)*. К этому же комплексу можно отнести аморфный скребок на обломке отщепа, лезвие которого обработано крутой дорсальной ретушью; острие на отщепе, кончик которого выделен мельчайшей вентральной ретушью; нож на отщепе, лезвие которого обработано пологой вентральной ретушью; три нуклевидных куска; шесть отщепов с ретушью, а также большое количество отщепов разных форм и размеров (включая так называемые «чешуйки») без вторичной обработки.

Керамический материал данного комплекса, как было сказано выше, представлен фрагментами сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией *(рис. 4:1-28; 5:1-15; 6:3-26)*, широко распространённых в развитом неолите. Черепки с примесью крупной дресвы и песка, хорошо и равномерно обожжены, на слом – прочные; цвета различные, но преобладают серо-жёлтые и серо-коричневые оттенки[1]. Толщина стенок колеблется в среднем в пределах 5–7 мм. Фрагменты с чёткими коническими и / или плоскими ямками, расставленными в ровные ритмичные ряды. На обороте черепков во всех случаях имеются выпуклости. Помимо ямок, из которых составлены широкие ямочные зоны или ими покрыта вся поверхность сосуда, в орнаментации использовались оттиски гребенчатых штампов. Венчики различные – прямые, скошенные,

---

[1] На наш взгляд, такой цвет керамика приобрела из-за сильной ожелезнённости вмещающих слоёв.

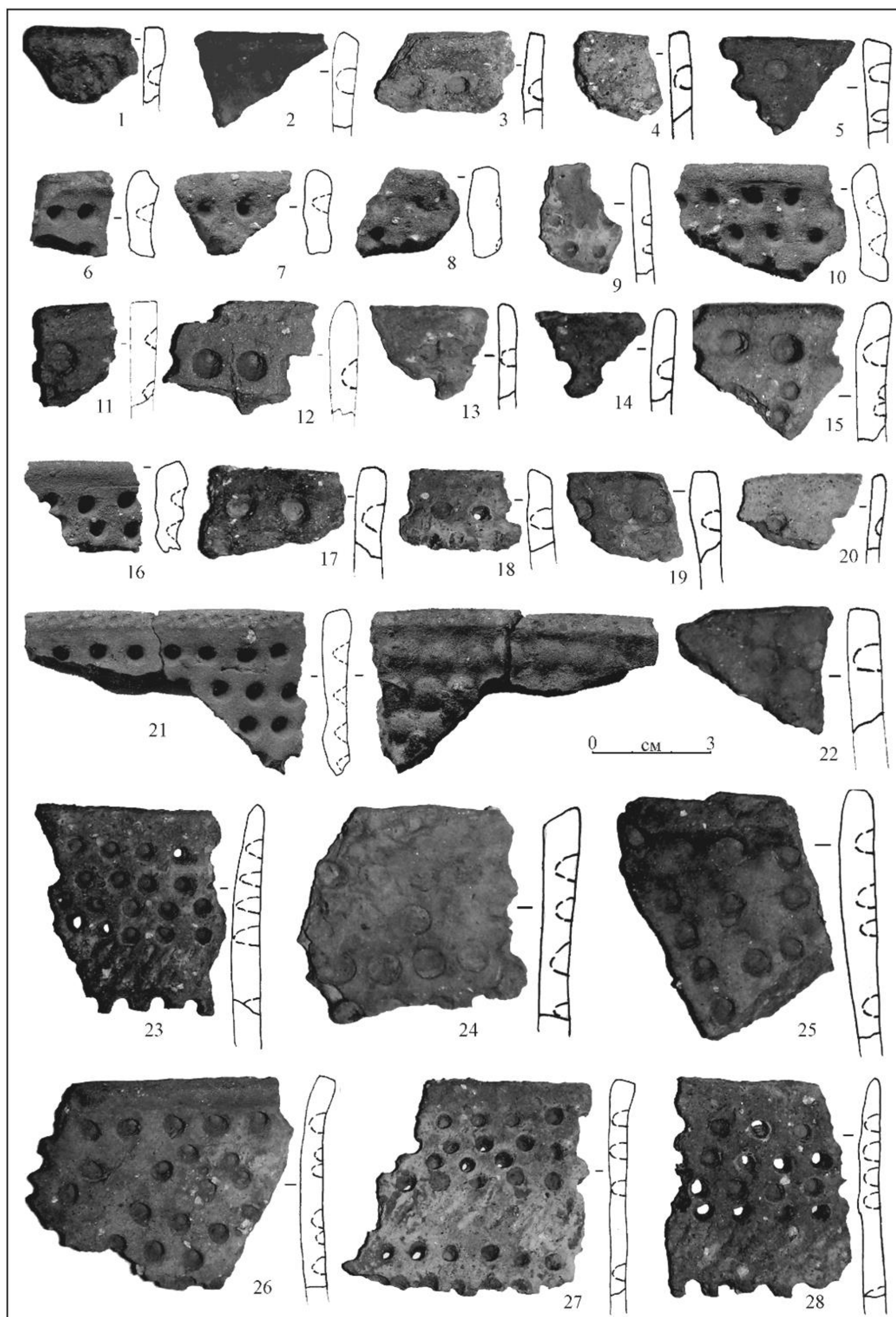

Рис. 4. Стоянка Ягодино 3, керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, венчики сосудов

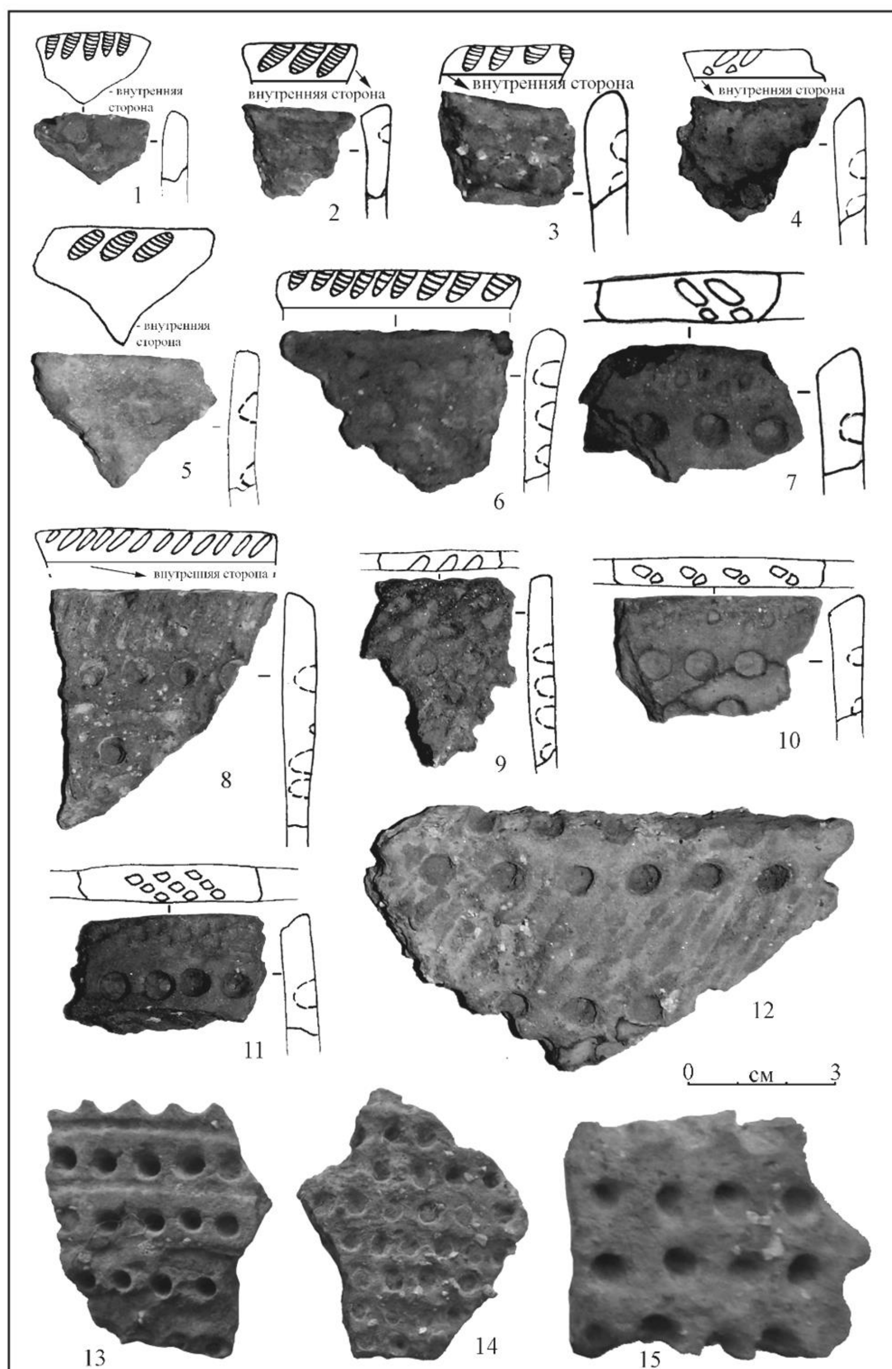

Рис. 5. Стоянка Ягодино 3, керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, венчики (1–11) и стенки (12–15) сосудов

выгнутые наружу, некоторые орнаментированы. Фрагментов днищ сосудов не обнаружено. Судя по обломкам венчиков и наиболее крупным фрагментам стенок, большинство сосудов имело средние размеры.

На основании изучения каменного инвентаря и керамического материала данный комплекс находок может быть уверенно отнесён к льяловской археологической культуре, входящей в крупную общность «культур ямочно-гребенчатой керамики».

«Ранний комплекс» представлен каменным инвентарём, имеющим совершенно иные типолого-технологические характеристики. Сырьём для изготовления каменных артефактов служил кремень разнообразных цветов и оттенков, среди которых чёрный, чёрно-коричневый, серовато-белый, бежевый, пёстрый и др. Изделия произведены как из приносного кремня высокого качества, так и из местного низкокачественного сырья. В отличие от «позднего» комплекса здесь обращает на себя внимание миниатюрность артефактов, изготовленных на небольших отщепах, реже – на пластинах. Каменный инвентарь (индивидуальные находки) представлен следующими типологически выразительными изделиями: 1) срединный (со смещением) резец на отщепе, кромка средней (6 мм) ширины *(рис. 3:6)*; 2) сечение пластины правильной огранки с обработанными крутой дорсальной ретушью одним краем и полукрутой вентральной ретушью концом *(рис. 3:11)*; 3) подконический нуклеус от микропластин, площадка без подправки *(рис. 3:12)*; 4) обломок торцевого одноплощадочного нуклеуса от микропластин, площадка без поправки *(рис. 3:14)*; 5) обломок концевого скребка на отщепе, лезвие прямое, обработано крутой дорсальной ретушью *(рис. 3:15)*; 6) аморфный скребок на отщепе, рабочие лезвия оформлены крутой дорсальной ретушью *(рис. 3:17)*; 7) боковой скребок на отщепе, лезвие прямое, обработано крутой дорсальной ретушью *(рис. 3:18)*; 8) сильно сработанный нуклеус от отщепов, изначальная форма не ясна, площадка подправлена поперечным сколом *(рис. 3:19)*; 9) одноплощадочный подконический уплощённый нуклеус от пластин и отщепов, площадка подправлена поперечным сколом *(рис. 3:20)*. К этому же комплексу, на основании типолого-технологических характеристик и / или сходства сырья, можно отнести обломок торцевого нуклеуса от микропластин, площадка которого подправлена поперечным сколом; обломок нуклеуса

неясной формы; обломок аморфного одноплощадочного нуклеуса от микропластин, с подправленной поперечным сколом площадкой; пять нуклевидных кусков; сечение ребристой микропластины неправильной огранки; микропластину неправильной огранки и несколько десятков отщепов.

Наряду с каменным инвентарём «раннего» облика в шурфе найдено шесть мелких фрагментов ранненеолитической керамики, с которой может быть связана часть вышеописанных изделий. Один фрагмент имеет накольчатый орнамент *(рис. 6:1)*, второй – с оттисками гребенчатого штампа *(рис. 6:2)*, а остальные четыре – не орнаментированы. Их объединяет состав теста, существенно отличающийся от ямочно-гребенчатой посуды. В качестве примесей в данном случае использовался шамот. Во всех случаях тесто тщательно промешано. Цвет черепков в основном серо-коричневый. Толщина стенок колеблется от 4 до 6 мм. К сожалению, малочисленность и сильная измельчённость вышеописанной керамики не позволяет нам говорить о размерах и формах сосудов. Отметим лишь, что подобная керамика имеет аналогии в материалах стоянок верхневолжской археологической культуры.

Часть найденных в шурфе кремнёвых артефактов, на наш взгляд, можно предположительно отнести к ещё более раннему времени. Это отщепы из высококачественного (полупрозрачного) приносного кремня, микропластины, а также торцевые и конические нуклеусы от отщепов и микропластин. Известно, что приносной кремень широко использовался на памятниках Волго-Окского междуречья в пребореальное время и в начале бореала. В более поздние периоды он практически не встречается, поскольку завершается процесс адаптации населения к местной сырьевой базе *(Жилин, 1998; Аверин, 2008; 2011)*. Конические, и тем более торцевые, нуклеусы от микропластин также не характерны для раннего неолита. Эти факты позволяют предположить, что первое заселение этого места произошло в мезолитическую эпоху.

Вероятно, территория памятника посещалась и в период бронзового века, но эти посещения носили кратковременный характер. На это может указывать, во-первых, наличие в культурном слое отщепов из качественного чёрного кремня, а во-вторых, найденный обломок двусторонне ретушированного ромбовидного в сечении «стержня» из такого же сырья *(рис. 3:10)*. Характер обработки последнего не вполне типичен для каменного века.

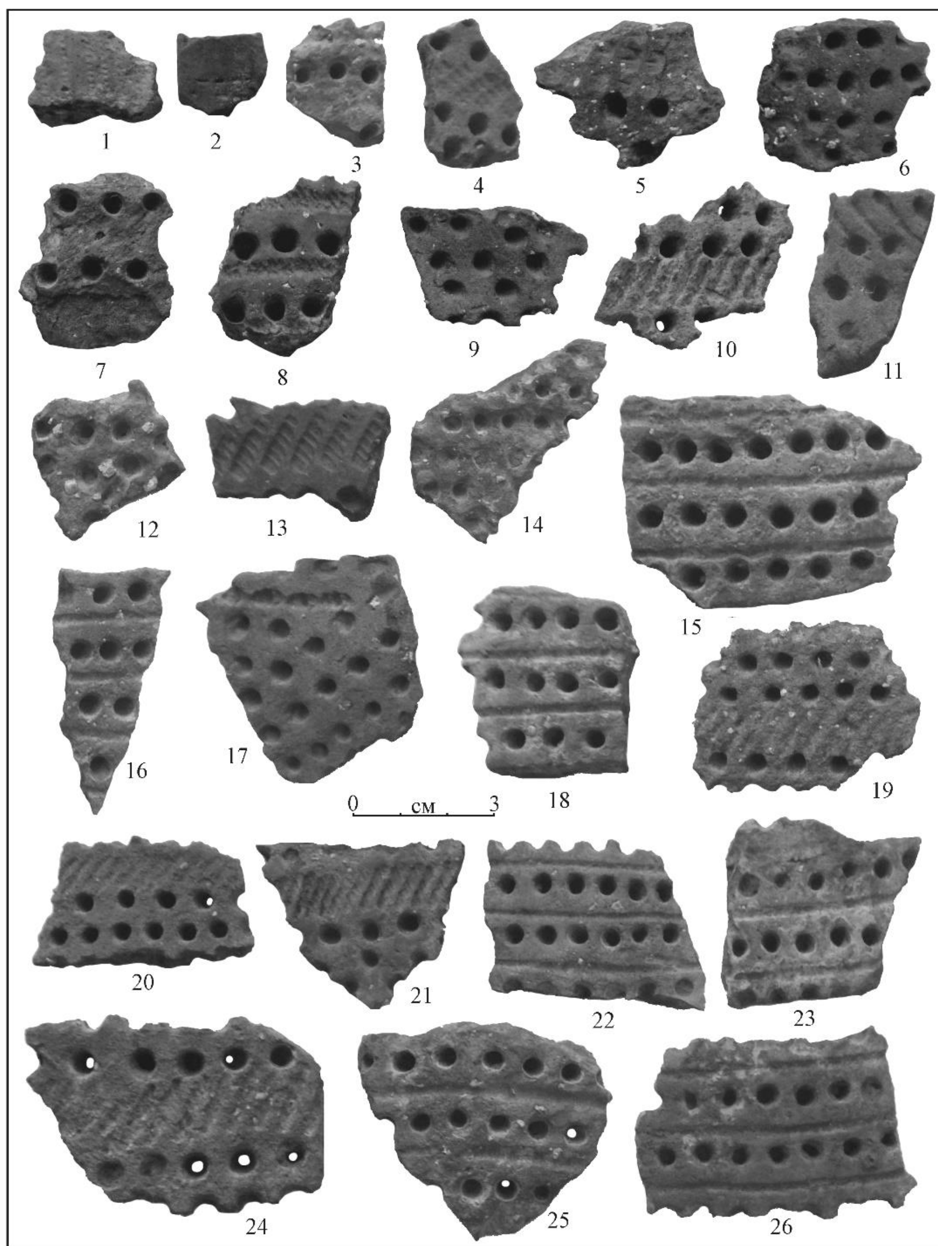

Рис. 6. Стоянка Ягодино 3, керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, стенки сосудов

Таким образом, на наш взгляд, на сегодняшний день можно говорить о том, что стоянка Ягодино 3 возникла ещё в мезолитическое время, а впоследствии функционировала в раннем и развитом неолите. Вероятно, посещалась она людьми и в эпоху бронзы. К сожалению, низкий мыс, на котором расположен памятник, регулярно затапливается водами рек Бужа и Поль, которые, судя по всему, неоднократно меняли русло. В результате этих процессов разновременные материалы оказались перемешанными. Разрушение памятника происходит постоянно, поэтому целесообразным было бы проведение его охранных раскопок на широкой площади.

Литература

Аверин В. А., 2008. Мезолит Волго-Клязьминского междуречья // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.

Аверин В. А., 2011. Ивановский край в эпоху мезолита. Иваново.

Аверин В. А., Дроздова З. Н., 2017. Археологическое наследие Национального парка «Мещёра» // Материалы XXII межрегиональной краеведческой конференции (21 апреля 2017 г.). Владимир.

Жилин М. Г., 1998. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь.

Чечулин П. Н., 2015. Отчёт о работах на территории Национального парка «Мещёра» в Гусь-Хрустальном районе Владимирской области в 2014 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 41642.

Чечулин П. Н., 2017. Отчёт о работах на территории Национального парка «Мещёра» в Гусь-Хрустальном районе Владимирской области в 2016 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 50679.

И. С. Аникин, Д. А. Антонов, Е. И. Бакулин, Н. Н. Грибов

Домонгольский керамический комплекс из Городца-на-Волге (по материалам раскопок 2016 г.)

Наиболее активная фаза средневекового освоения земель Нижегородского Поволжья приурочена к эпохе Золотой Орды. Изменения гончарной посуды, происходившие в этот период, удалось наметить по материалам раскопок Нижнего Новгорода и селищ его округи (*Грибов*, 2006). Более ранние керамические комплексы памятников «Суздальского Поволжья», где первые русские поселенцы появились не позднее второй половины XII в., пока малочисленны, не изучены сколько-нибудь подробно и пока не опубликованы. Единственным исключением являются материалы Наговицинского селища – одного из десятков сельских поселений, известных в окрестностях древнерусского Городца-на-Волге (*Коновалова*, 1995). Отмеченный досадный пробел не позволяет реконструировать целиком всю последовательную цепочку типовых керамических наборов русских памятников развитого средневековья обширного региона, географически тяготеющего к окскому устью. Отсутствие представлений об особенностях местной домонгольской посуды затрудняет решение вопроса о происхождении населения Городца и Нижнего Новгорода, не позволяет проводить надёжную атрибуцию сельских поселений, основанных до Батыева нашествия.

Не изученность нижегородских и городецких комплексов домонгольского времени обусловлена не столько недостаточной степенью исследования соответствующих памятников, сколько относительно непрерывным характером освоения их территорий. Археологически «агрессивный» промежуток второй половины XIII-XIV вв., когда Волжский путь превратился в участок трансконтинентальной торговой магистрали, что неизбежно повлекло за собой увеличение численности поволжского населения и активизацию его хозяйственной деятельности, оставил после себя обширные котлованы, оставшиеся от подземных частей построек различного предназначения. Эти относительно «поздние» углублённые сооружения очень часто нарушают целостность комплексов домонгольской поры – как в городах, так и на многих «долгоживущих» сельских поселениях.

Одним из счастливых исключений стала яма 23, представляющая собой подземную часть одной постройки в г. Городце-на-Волге, исследованной в 2016 г. на ул. А. Невского под руководством Е. И. Бакулина (*Бакулин, Антонов, Антонова*, 2020). Настоящая статья посвящена описанию комплекса средневековой керамики из её заполнения.

Яма 23 зафиксирована с уровня маломощной локальной прослойки с включением углей и крошки обожженной глины, перекрывающей стерильный оподзоленный горизонт погребённой почвы. Мощность прослойки – до 4 см, какие-либо находки в ней не обнаружены. Углубление представляло собой подквадратный котлован, линиями бортов ориентированный по сторонам света (Рис. 1). Его размеры по уровню бровок бортов 3,3х3,3 м, глубина 1,4 м. Судя по расчищенным на дне котлована пристенным канавкам, его почти отвесные стенки некогда были забраны деревянным каркасом, состоящим из вертикально врытых плах. Пазухи между стенками каркаса и материковыми бортами котлована были забутованы материковым грунтом. Его остатки в виде вертикальной, расширяющейся к низу, прослойки зафиксированы на всех бортах ямы. По расположению пристенных канавок размеры каркаса – 2,8х2,8 м. Заполнение ямы разделяется на три основных горизонта – верхний, средний и нижний.

Верхний горизонт образует, главным образом, «слой облегания», заполнивший западину ямы в процессе боковой эрозии (плоскостного смыва), активизировавшейся после возобновления освоения территории городища в XVII–XX вв. Это линза однородной серой супеси мощностью до 50 см (слой 1). Кроме средневекового инвентаря в ней обнаружены материалы XVII–XX вв.: часть румпы от печного изразца, фрагменты позднейшей русской гончарной керамики – морёной, красноглиняной с прозрачной поливой, красноглиняной неполивной, осколки позднейших изделий из фарфора и фаянса, тянутые железные гвозди. Средневековые находки, кроме фрагментов керамической посуды, представлены железным рыболовным крючком, железной накладкой с треугольным щитком и петлёй для подвешивания, четырьмя преимущественно фрагментированными ножами, семью железными коваными гвоздями, фрагментом бронзового трёхпроволочного браслета, стеклянной зонной глазчатой бусиной, фрагментом шиферного пряслица и двумя кресальными кремнями[1].

[1] Большая часть находок из ямы 23 опубликована, см.: *Бакулин, Антонов, Антонова,* 2020. С. 56, рис. 8.

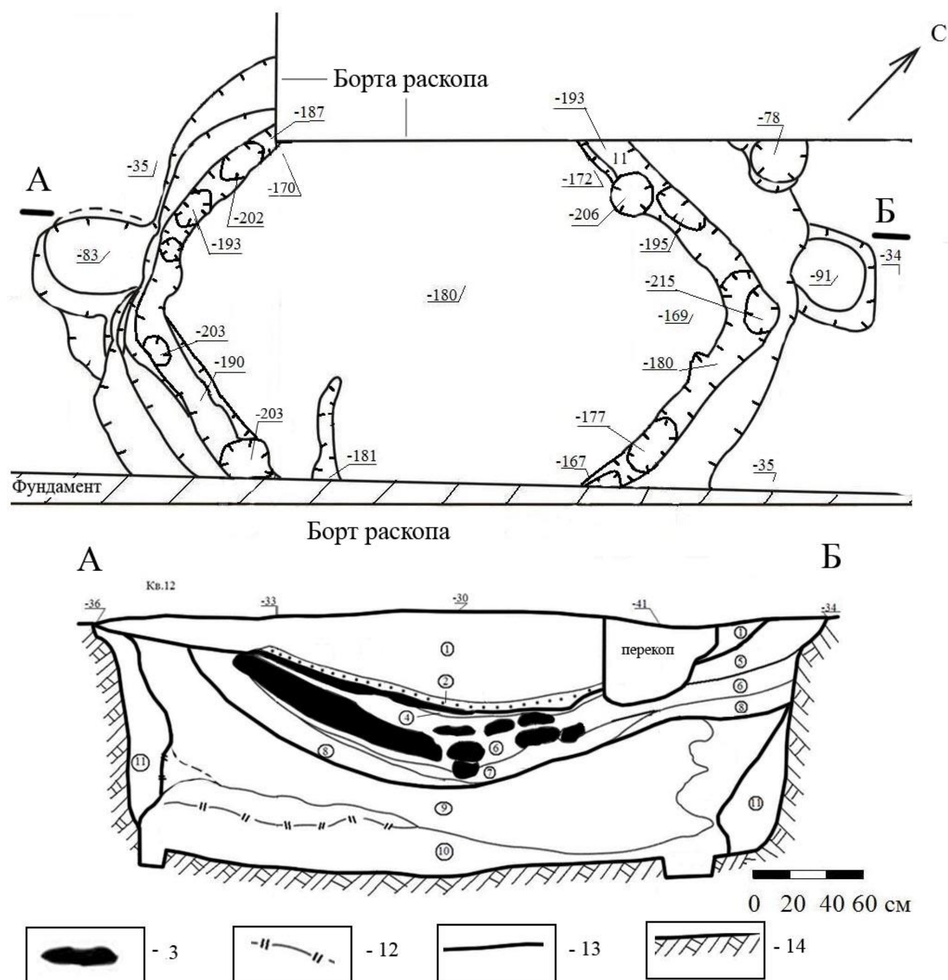

Рис. 1 План и разрез ямы 23.
Верхний горизонт: 1 – серая супесь (слой 1); 2 – органосодержащие прослойки (слой 2).
Средний горизонт: 3 – грунт развала глинобитной печи; 4 – тёмно-серая супесь (слой 3); 5 – коричневая супесь с включением углей, материкового песка и крошки печины (слой 4); 6 – серая супесь с крошкой печины (слой 5); 7 – тёмно-серая супесь с включением угля (слой 6); 8 – серовато-коричневая супесь с включением углей (слой 7).
Нижний горизонт: 9, 10 – грунт обрушения пристенной забутовки (слои 8, 9); 11 – пристенная забутовка (слой 11). 12 – тонкие прослойки древесного тлена; 13 – границы горизонтов; 14 – материк.

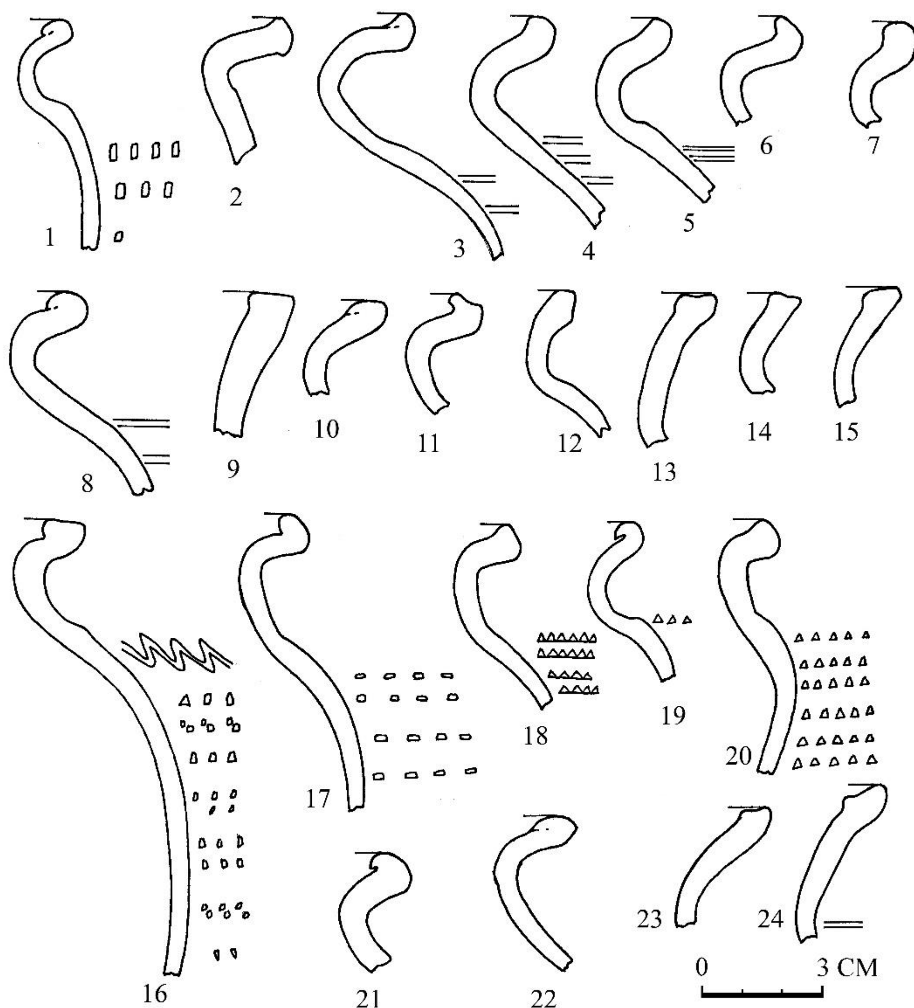

Рис. 2. Венчики русских средневековых сосудов из верхнего горизонта ямы 23. Слой 1: 1–15. Слой 2: 16–24.

Подошву линзы маркируют две маломощные, насыщенные мелкораспылённой органикой, коричневатые прослойки (слой 2), оставшиеся, скорее всего, от двух последовательных дёрновых покрытий западины котлована. Их суммарная мощность – около 10 см. В них обнаружены железный язычок от пряжки, совокупность одинаковых сложенных вместе подпрямоугольных пластин из кожи с многочисленными мелкими сквозными отверстиями, два кресальных кремня. Керамика из органонасыщенных прослоек –

исключительно средневековая (Рис. 2, 16–24). По своему происхождению большая часть включений, наверное, связана с наземной частью сооружения, обозначенного ямой 23. Однако, среди них могут быть вещи и керамика преднамеренно сброшенные в западину ямы (захороненные в качестве отходов) спустя значительное время после завершения функционирования связанного с ней сооружения.

Средний горизонт заполнения ямы 23 образован просадкой развала глинобитной печи и, вероятно, деревянного перекрытия. Образующий его грунт – пёстрая, неоднородная коричневато-серая, местами серая, супесь с отдельными локальными внедрёнными углесодержащими прослойками и линзами печины. Объёмы линз обожжённой глины печного развала – значительны (72, 255 и 531 литров), что указывает на несостоятельность предположения о преднамеренном захоронении в яме откуда-то перенесённых остатков печи – изначально не входящей с ней в единую конструкцию. Подошва среднего горизонта образует неровную вогнутую поверхность. Латерально границы горизонта отделены от остатков пристенной забутовки грунтом нижнего горизонта. Находки: два железных ножа; два железных рыболовных перемётных крючка; железный вток в виде свёрнутого из железного листа конического колпачка с одним (сохранившимся) сквозным крепёжным отверстием по краю (длина изделия 10,6 см, диаметр – около 3 см); небольшой фрагмент железной накладки с крепёжным гвоздём; фрагмент железного калачевидного кресала (с язычком); шесть железных строительных кованных гвоздей; бронзовый пластинчатый разомкнутоконечный с сужающимися концами неорнаментированный браслет; бронзовый с шаровидными окончаниями осей и шаровидным средокрестием нательный крест; две стеклянные бусы – эллипсоидная гладкая чёрная непрозрачная с накладными нитями из белого и зелёного стекла и зонная (близкая к шарообразной) жёлтая полупрозрачная, диаметром 14 мм; половинка шиферного пряслица; одиннадцать кресальных кремней. Здесь же обнаружен неполный развал керамического горшка средних пропорций (H/D=0,91), украшенного почти по всему тулову (за исключением придонной части) прокаткой зубчатого колёсика. На внешней стороне донца изделия читается клеймо в виде знака, напоминающего песочные часы (Рис. 5, 16).

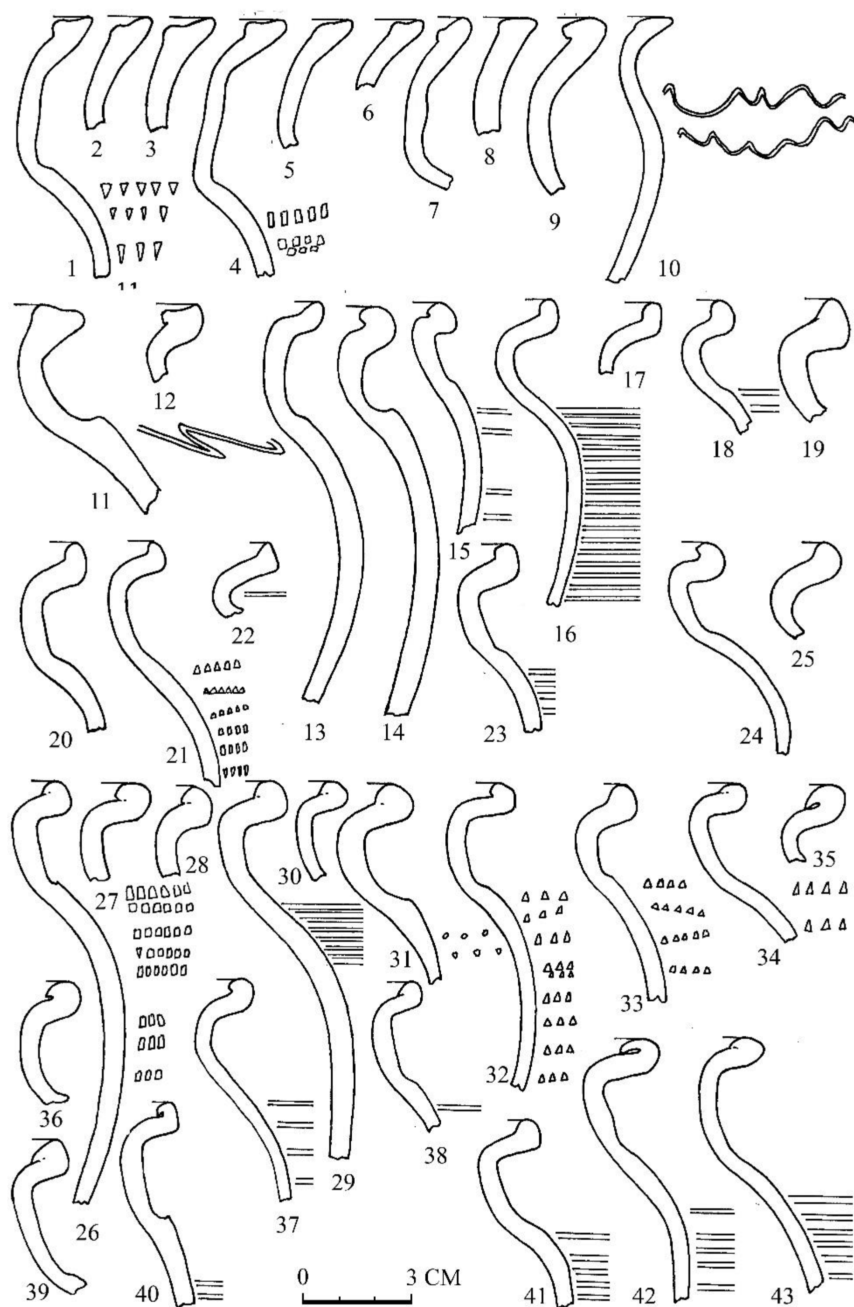

Рис. 3. Венчики русских средневековых сосудов из среднего и нижнего горизонтов ямы 23. Тип 1: 1–9; тип 2: 10; тип 3: 11; тип 4: 12; тип 5: 13–15 (5а: 13; 5б: 14; 5в: 15); тип 6: 16–43 (6а: 16–23; 6б: 24–38; 6в: 39–41; 6г: 42, 43).

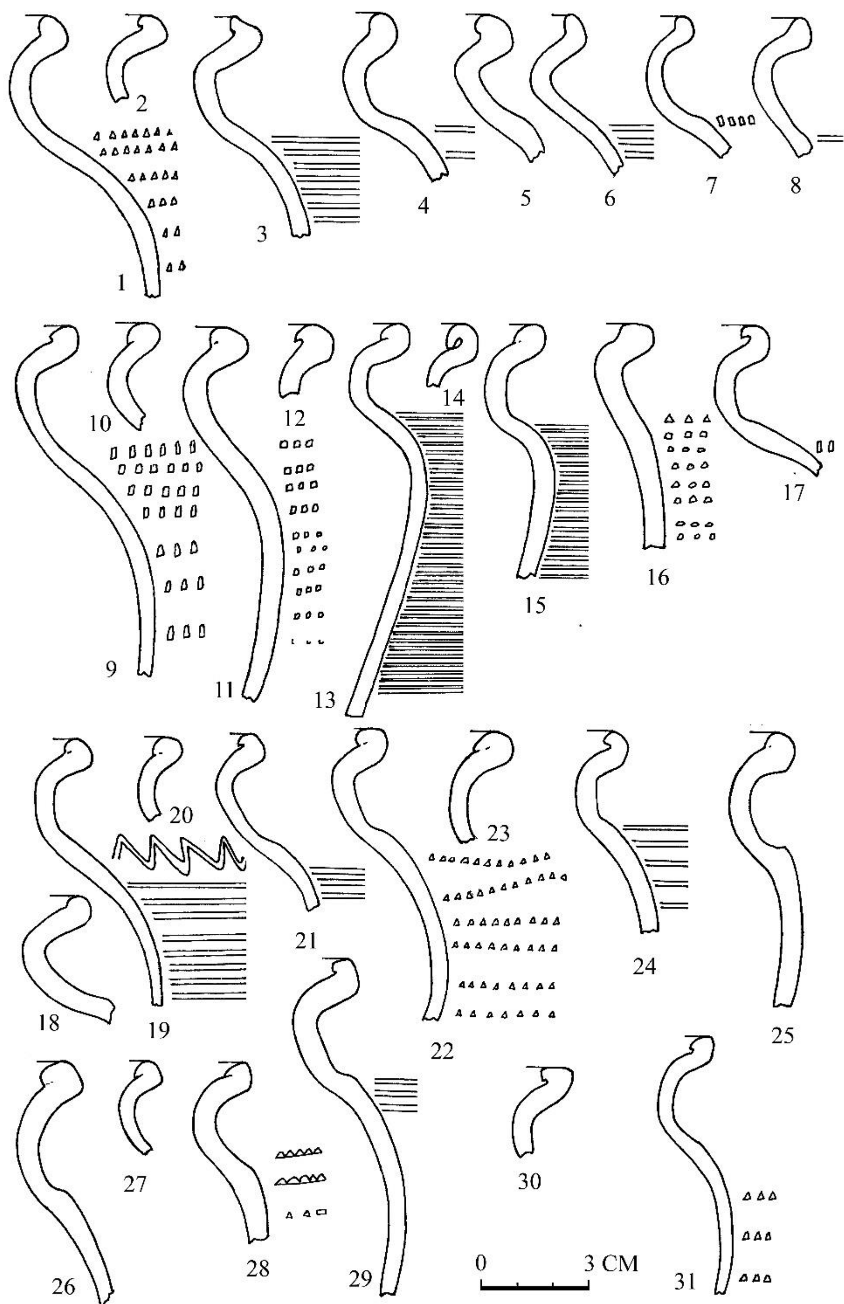

Рис. 4. Венчики русских средневековых сосудов из среднего и нижнего горизонтов ямы 23. Тип 7: 1–31 (7а: 1–8; 7б: 9–25; 7в: 26–29; 7г: 30, 31).

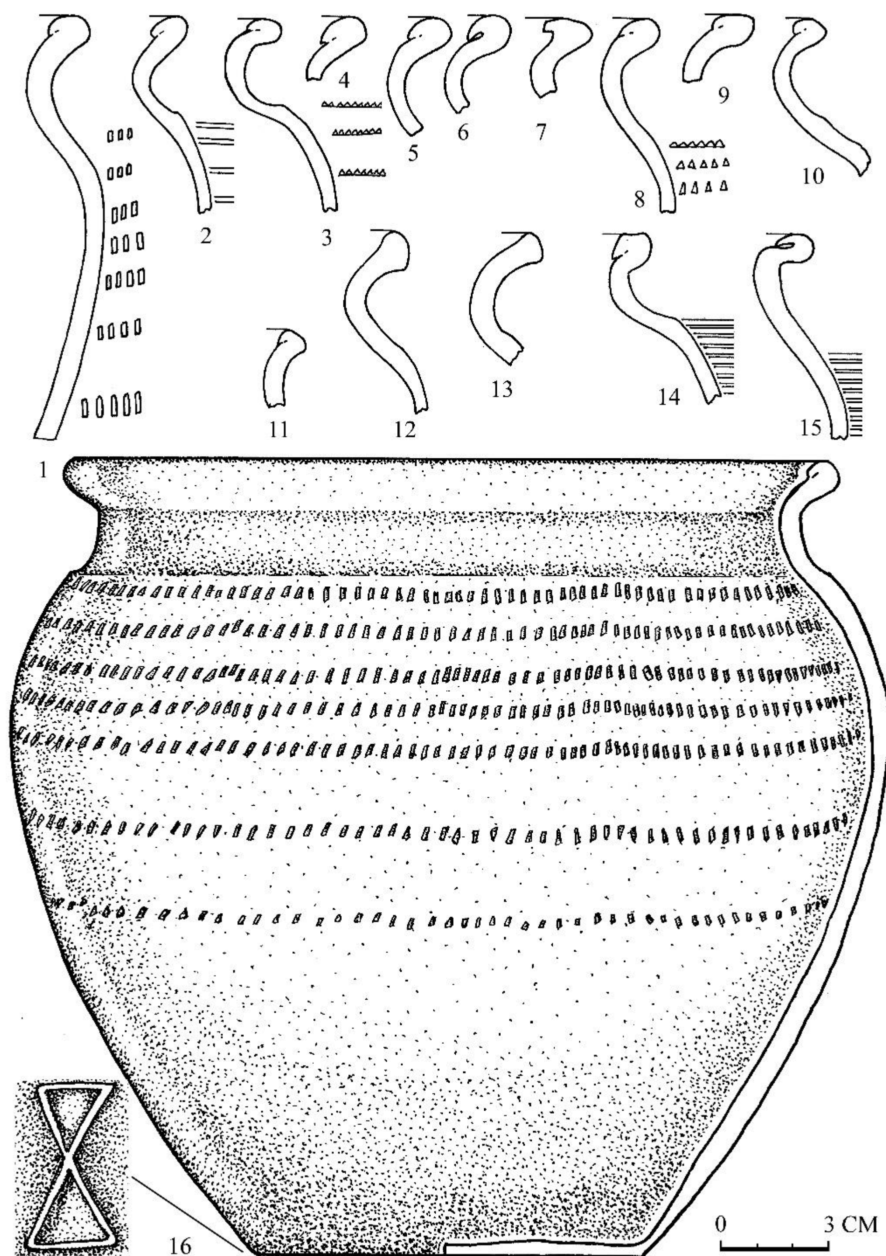

Рис. 5. Русская средневековая керамика из среднего и нижнего горизонтов ямы 23. Венчики типов 8 (8а: 1-8; 8б: 9; 8в: 10), 9 (11), 19 (12, 13). Венчики сосудов из беложгущейся глины: 14, 15.
Реконструкция горшка из красножгущейся глины (16).

Нижний горизонт заполнения ямы образован в результате обвала пристенной забутовки. Это неоднородный слоеватый грунт линзовидно-полосовидной текстуры, состоящий преимущественно из серой супеси с хаотичными включениями материкового песка, комков супеси оподзоленного почвенного горизонта, мелкораспылённого древесного тлена. Вблизи дна ямы порошкообразный древесный тлен образует тонкие локальные прослойки, сохранившиеся, скорее всего, от обломков плах пристенного каркаса. Кровля горизонта имеет воронкообразную поверхность, доходящую у стенок ямы до уровня бровок её бортов. В центре котлована его мощность – около 33 см. Находки из нижнего горизонта представлены фрагментом керамического тигля, тремя кресальными кремнями, осколком стенки стеклянного сосуда и кремневым отщепом.

Средний и нижний горизонты заполнения сформировались, скорее всего, единовременно – при разрушении наземной части постройки, от которой сохранился котлован ямы 23. Поэтому находки из них могут быть объединены и рассмотрены совместно в качестве единого комплекса.

При его описании использованы отдельные термины, введённые ранее для характеристики способа формовки краевых окончаний венчиков (*Грибов*, 2006. С. 65, 66). Формовочная масса керамических сосудов охарактеризована только по визуально определяемому цвету обожжённого глинистого сырья (красно- или беложгущееся). Среди примесных частиц отмечалась исключительно их минеральная составляющая (песок, дресва), представленная в наибольшей концентрации. Для изучения примесей использовалась 10-кратная геологическая лупа с измерительной насадкой (ЛИ-3-10х).

Набор керамики из нижнего и среднего горизонтов заполнения ямы состоит из 1960 фрагментов минимум от 90 выделенных по венчикам средневековых сосудов. Незначительная часть из них (1,3 % – 25 фр., минимум от двух сосудов) изготовлена из беложгущейся глины с включением как дресвы, так и средне- и грубозернистого песка (Табл. 1). Сочетание запесоченного теста с формой горловины и профилировкой венчиков позволяет предположить происхождение отдельных белоглиняных изделий из Поочья – Муромской или Рязанской земель (Рис. 5, 14, 15).

Большую часть керамического комплекса образуют обломки сосудов из красножгущейся глины (98,7 % – 1935 фр., минимум от 88 сосудов). Преобладающий вид включений в формовочных массах – мелко-среднезернистый[2] песок (60 сосудов из 88), присутствующий в сравнительно небольшой концентрации, позволяющей сомневаться в искусственном происхождении этой примеси (Табл. 2). Доля сосудов с добавкой песка крупно- и грубозернистой фракций[3] составляет около 20 % (18 сосудов). Из них только у пяти изделий тесто – запесочено (с концентрацией песка более $^1/_3$–$^1/_4$). В формовочных массах 10 сосудов (11 %) обнаружена дресва магматических горных пород, очевидно, моренного происхождения (скорее всего, крупнозернистые граниты).

Почти половина всех фрагментов изделий из красножгущейся глины имеют следы орнаментации (44 % – 777 фр.) (Табл. 2). Преобладает декор, нанесённый прокаткой зубчатого колёсика («штампованный»; 63 %). Почти вдвое меньше декорированных обломков с линейным орнаментом (34 %). Образующие его прочерченные параллельные линии, как правило, наносились либо на небольшом удалении друг от друга (до 3–5 мм), либо – очень часто, с зазорами до 1–1,5 мм. Орнамент этих двух видов, как правило, покрывает большую часть тулова – от верхней границы плечика до придонной части, «спускаясь» заметно ниже уровня максимального расширения сосуда. Суммарная доля волнистого и линейно-волнистого орнамента – невелика (3 %). Единичные фрагменты (в количестве четырёх) имеют следы многорядного и зонного орнамента, нанесённого специальной вилкой или гребёнкой.

По профилировке венчиков – сочетанию их длины, степени и характера отгиба, способа формовки краевых окончаний – выделено десять эмпирических типов (Рис. 3–6).

Тип 1 (9 сосудов – 10,3 %) объединяет изделия с высокой цилиндрообразной или раструбообразной горловиной. У большинства из них краевые окончания (в виде «шпоры») сформованы точечным усилием, приложенным к внутренней поверхности стенки черновой ленты по направлению к оси вращения сосуда (разновидность 1 а). Изделия с такой профилировкой горловины характерны для многих древнерусских памятников XII-XIII вв. (*Коваль*, 1996. С. 107,108. ХИВ-1).

---

[2] С размером зерна до 0,5 мм.

[3] С максимальным размером зерна более 1 мм.

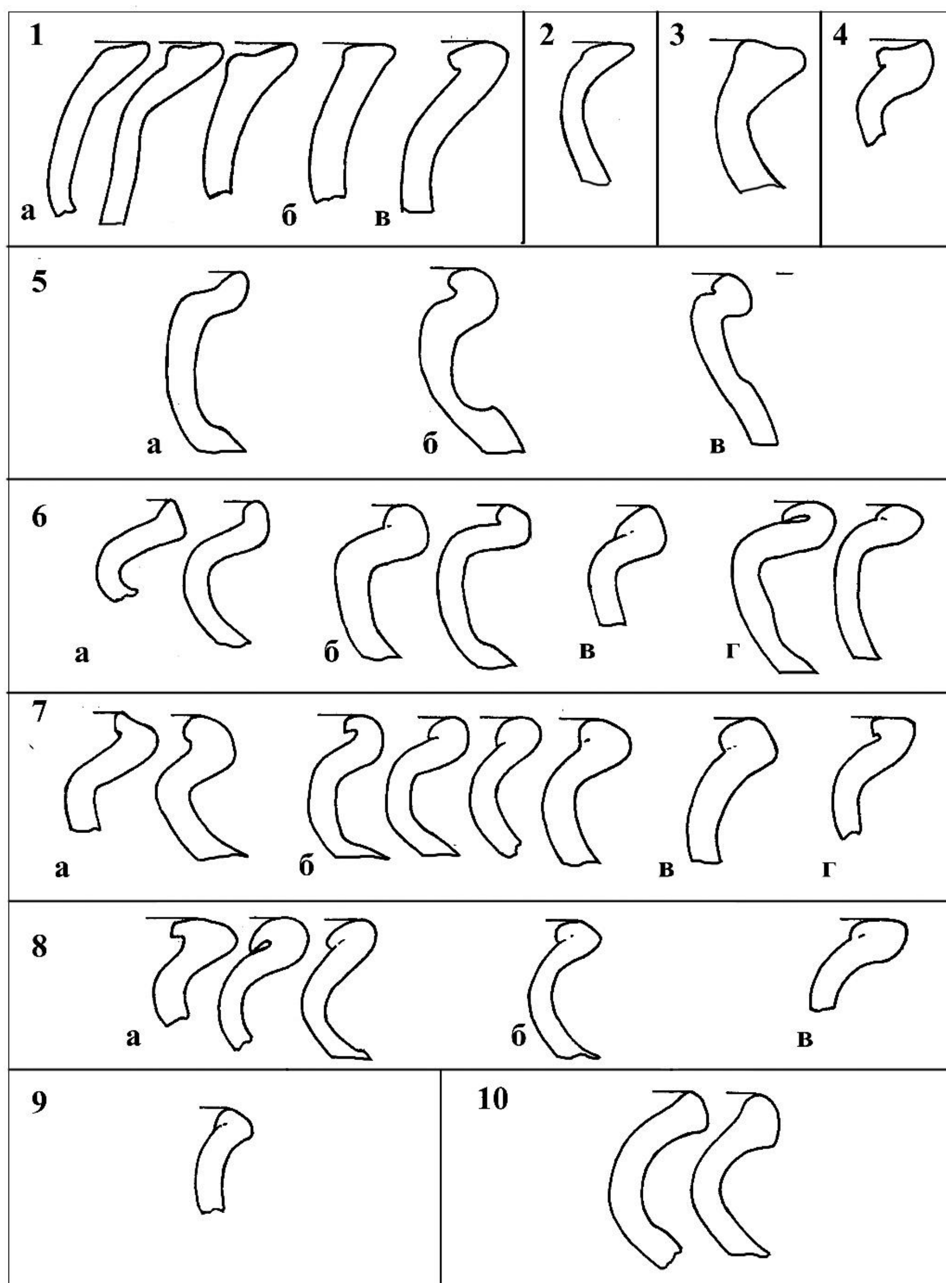

Рис. 6. Систематика венчиков русских средневековых сосудов из красножгущейся глины из среднего и нижнего горизонтов заполнения ямы 23. Типы 1–10.

Тип 2 (1 сосуд – 1,1 %) характеризует изделие со слегка и плавно отогнутым венчиком с подтреугольной формой сечения краевого окончания, сформованного заглаживанием (деформацией) торца и внутренней поверхности черновой ленты по направлению к оси вращения гончарного круга.

Тип 3 (1 сосуд – 1,1 %) выделен по одному изделию, которое, скорее всего, являлось не горшком, а корчагой. Сосуд имел короткую невысокую горловину и венчик с краевым окончанием в виде «шпоры» (как у разновидности 1 а).

Тип 4 (1 сосуд – 1,1 %) отличается специфической формовкой краевого окончания путём сильного точечного нажима на первоначально вертикально ориентированный торец черновой ленты с усилием, имеющим составляющую по направлению к оси вращения гончарного круга. Венчики с таким оформлением закраины характерны для русских памятников Валдая (г. Торжок, см.: *Малыгин*, 1991. С. 209, рис. 5, тип VII Б) и Тверского Поволжья (*Лапшин*, 2009. С. 442, рис. 192, тип VI).

Типы 5–8 объединяют близкие формы краевых окончаний. В основе их формовки – нажим на торец черновой ленты, направленный вверх под углом к оси вращения гончарного круга. При этом изменчивость формы сечения краевых окончаний в большинстве случаев обусловлена только разным масштабом смещения формовочной массы. Завершение венчика может образовывать «козырёк», отгиб которого соответствует направлению приложенного усилия (разновидности 5 а, 6 а, 7 а); округлое (разновидности 5 б, 6 б, 7 б) или слегка подгранёное, но изометричное, утолщение (разновидности 6 в, 7 в, 7 г); внутренний наплыв по форме сечения напоминающий овал (разновидности 5 в, 6 г, 8). Типы 5–8 различаются характером и направлением отгиба венчика. В целом они очень широко представлены в гончарной посуде памятников второй половины XII–XIII вв. разных земель Древней Руси.

Тип 5 (3 сосуда – 3,4 %) включает в себя изделия с вертикально поставленными либо слегка наклонными внутрь венчиками, имеющими очень короткие горизонтально отогнутые участки вблизи краевого окончания. В Старой Рязани белоглиняные горшки с такими венчиками датируются концом XII - началом XIII вв. (*Стрикалов*, 1996. С. 151–154, тип 5Б).

Тип 6 (28 сосудов – 31,8 %) – один из самых распространённых в землях древнерусских княжений (*Коваль*, 1996. С. 108, ХИВ-2; *Стрикалов*, 2003. С. 372). Горшки этого «общерусского типа» имели короткую цилиндрообразную, либо слегка коническую (с наклоном внутрь, слегка прикрытую) горловину с субгоризонтально отогнутой наружу верхней частью.

Тип 7 (32 сосуда – 36,4 %) отличается от типа 6 меньшим углом отгиба верхней части горловины сосуда (близким к 45 градусам от вертикали) и общим её обликом, по моделировке близким, скорее, к раструбу, нежели к цилиндру. Различные варианты типов 6 и 7 по величине угла отгиба, порой сложно однозначно отделить друг от друга. Однако, отличающая их характеристика (угол отгиба), по нашему мнению, может иметь хронологическое значение, что и вынуждает дифференцировать соответствующие венчики на два разных типа.

Тип 8 (10 сосудов – 11,4 %) объединяет слегка отогнутые наружу венчики с овалообразным внутренним краевым утолщением, которое в ряде случаев может иметь лёгкое огранение. Этот тип – самый массовый в комплексах г. Нижнего Новгорода и нижегородских селищ XIII - начала XV вв. (*Грибов*, 2006. С. 89–91. Группа 22).

Формовку краевых окончаний венчиков типов 9 и 10 объединяет чередование направлений формообразующего усилия, ориентированного сначала к оси вращения сосуда, а затем – от неё.

Тип 9 (1 сосуд – 1,1 %) характерен для сосудов с низкой субцилиндрообразной горловиной. Субвертикально поставленные венчики, как правило, слегка, плавно (по широкой дуге) отогнуты наружу и увенчаны небольшим краевым утолщением в виде наружного «козырька». Горшки с такими венчиками довольно часто встречаются в ранних комплексах (середины XIII - начала XIV вв.) г. Нижнего Новгорода и его подгородных селищ.

Тип 10 (2 сосуда – 2,2 %) выделен по венчикам двух сосудов с короткими раструбообразными горловинами, увенчанными характерными «секирообразными» (двухсторонними) краевыми утолщениями.

По профилировке верхних частей сосудов (горловины и верхней части тулова) выделено 7 типов (Рис. 7). Для систематизации отобраны образцы от 53 различных сосудов, размеры которых позволяют реконструировать форму изделия до уровня максимального расширения тулова.

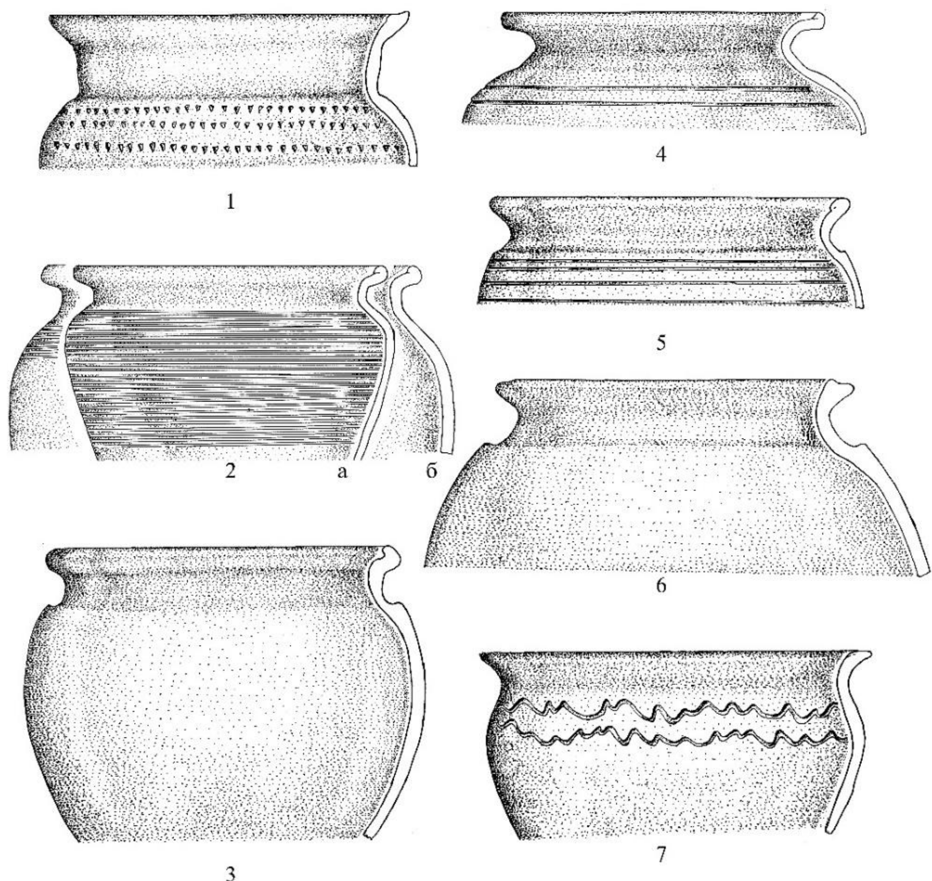

Рис. 7. Систематика верхних частей русских средневековых сосудов из красножгущейся глины из среднего и нижнего горизонтов заполнения ямы 23. Типы 1–7.

Тип 1 (3 сосуда – 5,7 %) объединяет изделия с высокой раструбообразной горловиной и покатым, слабо выступающим, плечиком. Венчики: тип 1.

Тип 2 (18 сосудов – 34,0 %) представляет горшки с короткой субцилиндрической шейкой и резко наружу отогнутым краем горловины. Выделены два варианта – со слабо (2 а; 6 сосудов) и сильно (2 б; 12 сосудов) выпуклым плечиком. Венчики: тип 6.

Тип 3 (22 сосуда – 41,5 %) отличается короткой близкой к цилиндру шейкой и очень коротким отогнутым наружу завершением

горловины. Последняя переходит в покатое плечико через заметный уступ. Венчики: тип 5.

Тип 4 (2 сосуда – 3,7 %) образован горшками с выпуклым плечиком переходящим в короткую раструбообразную горловину без явно выраженного «ребра». Венчики: тип 7.

Тип 5 (4 сосуда – 7,5 %) – это горшки с короткой раструбообразной горловиной, слабо выпуклым плечиком и характерным уступом в месте их соединения. Венчики: тип 8.

Тип 6 (1 сосуд – 1,9 %) выделен по одному толстостенному сосуду, который, скорее всего, представлял собой корчагу. Изделие имело короткий плавно наружу отогнутый венчик, переходящий в высокое выпуклое плечико через резкий уступ. Венчики: тип 3.

Тип 7 (3 сосуда – 5,7 %) определяют широкогорлые сосуды с короткой горловиной. Венчики, как правило, слегка отогнуты наружу, а их диаметры соответствуют или очень близки к размерам максимального расширения тулова. Сосуды этого типа, кроме горшков, могут быть представлены и мисками. Венчики: типы 2, 8.

Наиболее массовыми для рассматриваемого комплекса являются сосуды с профилировкой верхних частей типов 2 и 3. К ним относятся две трети (75 %) выделенных сосудов.

По своим обобщённым характеристикам керамика из ямы 23 заметно отличается от наиболее ранних керамических наборов г. Нижнего Новгорода и сельских памятников его округи. Среди венчиков превалируют S-видные венчики «общерусского типа» и типологически близкие к ним – с меньшим углом отгиба, слабо выраженной вертикальной постановкой (скорее, наклонные) и более короткой шейкой, напоминающей перехват. В основе формовки подавляющего большинства вариантов краевых окончаний (типы 5-8; 83,0 % сосудов) – одна и та же исходная операция с усилием, приложенным к торцу черновой ленты вверх под углом к оси вращения гончарного круга. Технологическое сходство способа изготовления отдельных разновидностей краевых окончаний обнаруживается при фиксации разных сечений венчика одного и того же сосуда (Рис. 8).

В составе ранних нижегородских комплексов преобладают слегка отогнутые наружу венчики с овалообразным внутренним утолщением по краю и сформованные двойным разнонаправленным отгибом края черновой ленты с наружным краевым утолщением. Первые (тип 8) в

рассматриваемом комплексе из Городца – весьма редки, вторые – отсутствуют. Такие же кардинальные различия наблюдаются в составе формовочных масс и орнаментике. Для нижегородских комплексов характерны искусственная примесь в виде дресвы и линейный орнамент, для керамического набора из ямы 23 – формовочные массы с редкой (вероятно, естественного происхождения) примесью мелко-среднезернистого песка и декор, нанесённый прокаткой зубчатого колёсика.

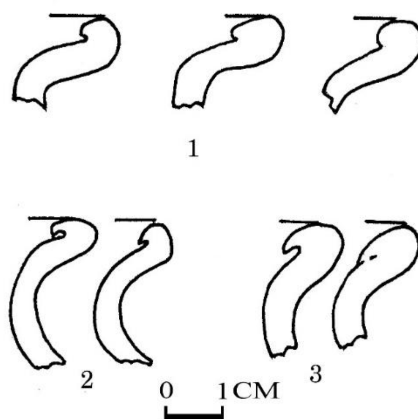

Рис. 8. Формы разных сечений венчиков от трёх различных сосудов (1–3) из заполнения ямы 23.

Сопутствующие индивидуальные находки позволяют датировать комплекс в достаточно широких пределах. Тип нательного креста из бронзы с шаровидными окончаниями осей и шаровидным средокрестием известен по Старой Рязани, костромским и владимирским курганам (*Бакулин, Антонов, Антонова*, 2020. С. 28, рис. 8, 2). Две подобные находки происходят из датированных комплексов Великого Новгорода: одна из слоя 20-50-х гг. XI в. (*Седова*, 1981. С. 50), другая – из слоя второй четверти XII в. (*Олейников*, 2019. С. 345, рис. 6, 15). Встречен один экземпляр такого креста и в Нижнем Новгороде (см.: *Ерёмин*, 1997. Илл. 37, 5). Бронзовый пластинчатый разомкнутоконечный с сужающимися концами неорнаментированный браслет по материалам Великого Новгорода может быть датирован в пределах X–XIII вв. (Седова, 1981. С. 103). Шиферные пряслица выходят из употребления к концу XIII в. (*Колчин*, 1982. С. 174). Основная масса (78 %) жёлтых зонных стеклянных бус из прозрачного стекла в

Великом Новгороде найдены в слоях XII и XIII вв. (*Колчин*, 1982. С. 169). Гладкие бусы эллипсоидной формы с полихромной инкрустацией появляются в XII в. и бытуют в течение всего этого столетия (*Колчин*, 1982. С. 169). Калачевидные кресала, в отличие от многих городов Древней Руси, в местных марийских могильниках нередко встречаются в комплексах XII–XIII вв. (*Архипов*, 1986. Рис. 44, 1–4; 45, 1–3). Таким образом, наиболее вероятное время сложения комплекса датирующих находок очерчивается рамками XII в. С учётом предполагаемой даты основания Городца-на-Волге (между 1164–1172 гг., см.: *Кучкин*, 1984. С. 91), указанный временной промежуток можно сузить до последней трети XII в.

Набор керамики из заполнения ямы 23 раскопа 2016 г. на ул. А. Невского, очевидно, даёт представление о гончарной посуде жителей Городца-на-Волге на начальном (домонгольском) этапе истории этого городского центра.

Литература

Архипов Г. А., 1986. Марийцы XII–XIII веков. Йошкар-Ола. 114 с.

Бакулин Е. И., Антонов Д. А., Антонова Н. М., 2020. Археологические раскопки на ул. А. Невского в г. Городце в 2016 г. // Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий: материалы научного семинара. Нижний Новгород, 2021. Вып. 1. С. 55–81.

Грибов Н. Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 10. Нижний Новгород. С. 62–91.

Ерёмин И. О., 1997. Отчёт об археологических раскопках на площади Театральной в г. Нижнем Новгороде в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1. Альбом иллюстраций. Том 4 (раскоп 3). № 22424.

Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии / Археологические памятники Москвы и Подмосковья // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. М. С. 103–133.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопкам Новгорода. М. С. 156–177.

Коновалова З. С., 1995. Средневековая керамика сельских поселений (по материалам раскопок селищ Городецкого района) // Городецкие чтения: Материалы научной конференции: Городец. 10–13 мая 1994 г. Городец.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М. 352 с.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993-1997 гг.). СПб. 540 с.

Малыгин П. Д., 1991. Типология и хронология Новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 198–216.

Стрикалов И. Ю., 1996. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань. С. 146–159.

Стрикалов И. Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и её округи // Русь в XIII веке. Древности тёмного периода. М. С. 372–381.

Приложение

Таблица 1. Состав набора керамики (XII–XX вв.) из ямы 23.

	ГОРИЗОНТЫ			Средний и нижний горизонты суммарно
	Верхний (слои 1, 2)	Средний (слои 3–7)	Нижний (слои 8, 9)	
Русская средневековая гончарная керамика				
Из красножгущейся глины	1287 фр.	1702 фр.	233 фр.	1935 фр. (98,7%)
Из беложгущейся глины	20 фр.	19 фр.	6 фр.	25 фр. (1,3%)
Всего	1307 фр.	1721 фр.	239 фр.	1960 фр. (100,0%)
Краснолощёная гончарная керамика Волжской Болгарии или Золотой Орды				
	5 фр.			
Русская гончарная посуда XVII–XX вв. (морёная, красноглиняная с прозрачной поливой, красноглиняная тонкая неполивная, красноглиняная с тонким тестом и горновым обжигом, фарфор, фаянс)				
	18 фр.			

Таблица 2. Распределение средневековой керамики из ямы 23 по орнаменту и примеси в формовочных массах сосудов

	ГОРИЗОНТЫ			Средний и нижний горизонты **суммарно**
	Верхний (слои 1, 2)	Средний (слои 3–7)	Нижний (слои 8, 9)	
ОРНАМЕНТ (по фрагментам)				
Линейный	191 фр. (52%)	221 фр. (32%)	46 фр. (49%)	267 фр. (34%)
Волнистый и линейно-волнистый	7 фр. (2%)	25 фр. (4%)	0 фр. (0%)	25 фр. (3%)
Прокатка зубчатого колёсика	171 фр. (46%)	437 фр. (64%)	48 фр. (51%)	485 фр. (63%)
Общее количество орнаментированных фрагментов среди стенок и венчиков	369 фр.	683 фр.	94 фр.	777 фр.
Доля орнаментированных фрагментов (без учёта днищ)	31%	44%	45%	44%
ПРИМЕСЬ (по выделенным сосудам)				
1. Песок	11 (73%)	63 (89%)	15 (88%)	**78 (89%)**
Мелко-среднезернистый с зерном до 0,5 мм	10	46	14	60 (76%)
в небольшой концентрации ($^1/_3$-$^1/_4$ или менее)	*9*	*42*	*10*	*52 (85%)*
с концентрацией более $^1/_3$	*1*	*4*	*4*	*8 (15%)*
Средне-крупнозернистый с зерном до 0,8-1,0 мм	1	14	1	15 (19%)

в небольшой концентрации ($^{1}/_{3}$-$^{1}/_{4}$ или менее)		*11*	*1*	*12 (80%)*
с концентрацией более $^{1}/_{3}$	*1*	*3*		*3 (20%)*
Крупно-грубозернистый с зерном до 1,5 мм		3		3 (5%)
в небольшой концентрации ($^{1}/_{3}$-$^{1}/_{4}$ или менее)		*1*		*1 (33%)*
с концентрацией более $^{1}/_{3}$		*2*		*2 (67%)*
2. Дресва	4 (27%)	8 (11%)	2 (12%)	**10 (11%)**
редкая	*3*	3	*1*	*4 (40%)*
частая	*1*	*5*	*1*	*6 (60%)*
ВСЕГО СОСУДОВ	15	71	17	88

Таблица 3. Распределение выделенных по венчикам сосудов из среднего и нижнего горизонтов заполнения ямы 23 по типам и их разновидностям

<table>
<tr><th colspan="22">ТИПЫ И РАЗНОВИДНОСТИ</th></tr>
<tr><th colspan="3">1</th><th>2</th><th>3</th><th>4</th><th colspan="3">5</th><th colspan="4">6</th><th colspan="4">7</th><th colspan="3">8</th><th>9</th><th>10</th></tr>
<tr><th>а</th><th>б</th><th>в</th><td rowspan="3">1</td><td rowspan="3">1</td><td rowspan="3">1</td><th>а</th><th>б</th><th>в</th><th>а</th><th>б</th><th>в</th><th>г</th><th>а</th><th>б</th><th>в</th><th>г</th><th>а</th><th>б</th><th>в</th><td rowspan="3">1</td><td rowspan="3">2</td></tr>
<tr><td>7</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td>8</td><td>15</td><td>3</td><td>2</td><td>8</td><td>18</td><td>4</td><td>2</td><td>8</td><td>1</td><td>1</td></tr>
<tr><td colspan="3">9</td><td colspan="3">3</td><td colspan="4">28</td><td colspan="4">32</td><td colspan="3">10</td></tr>
<tr><td colspan="3">10,3%</td><td>1,1%</td><td>1,1%</td><td>1,1%</td><td colspan="3">3,4%</td><td colspan="4">31,8%</td><td colspan="4">36,4%</td><td colspan="3">11,4%</td><td>1,1%</td><td>2,3%</td></tr>
<tr><td colspan="22">КОЛИЧЕСТВО
(число сосудов и %)</td></tr>
</table>

Н. М. Антонова

Гончарные клейма с селища городецкой округи Першино-1

Оттиски на днищах гончарных сосудов неизменно привлекают внимание исследователей. В культурных напластованиях средневекового г. Городца на Волге и его округи регулярно фиксируются находки клейменых днищ. Данный материал имеет несомненное значение в контексте изучения общерусских и локальных средневековых гончарных традиций Нижегородского Поволжья. Тем не менее, публикации, освещающие вопросы клеймения средневековой посуды г. Городца и тяготеющих к нему сельских поселений, отсутствуют[1].

Наиболее археологически изученным сельским поселением городецкой округи является селище Першино-1. Оно расположено приблизительно в 40 км к юго-востоку от городища Городец, в нижнем течении р. Санда. Селище представляет собой усадьбу, ограниченную частоколом, с постройками расположенными как внутри ограды, так и за её пределами. Площадь памятника составляет около 7000 кв. м. Материал, собранный в ходе раскопок (раскопанная площадь составляет 1100 кв. м.) на памятнике, позволяет ограничить время функционирования поселения периодом XIII в. (*Антонов,* 2016. С. 216, 225). Следует отметить, что площадка, на которой располагается селище, регулярно распахивается с XVIII в. и поэтому керамический материал, собранный из пахотного слоя, как правило, мелкофрагментирован. Это касается и клейменых днищ, зафиксированных как в закрытых комплексах, так и в слое пашни. Несмотря на то, что бóльшая часть массового материала селища Першино-1 изучена на предмет наличия днищ с оттиском, керамический комплекс памятника находится в стадии научной обработки. Поэтому выводы в настоящей работе носят предварительный характер.

Основная масса осколков глиняной посуды, собранной на селище, относится к типу русской средневековой гончарной керамики из красножгущихся глин, бытовавшей в Нижегородском

---

[1] Единственным опубликованным исследованием в этом направлении является статья Н. Н. Грибова о клеймах на селище Ближнее Константиново-1, тяготеющему к округе Нижнего Новгорода (*Грибов*, 2001. С. 38-55).

Поволжье в период второй половины XII – первой половины XV вв. Преобладает тесто с искусственной примесью дресвы, реже с примесью мелкого песка, песка и дресвы. Среди орнаментированных обломков зафиксировано устойчивое присутствие фрагментов с орнаментом в виде треугольных, квадратных или прямоугольных фигур, нанесенных штампом в виде зубчатого колесика. Категория русской средневековой гончарной керамики из беложгущихся глин XII-XIV вв. представлена малочисленным, но устойчивым в долевом соотношении количеством фрагментов, выполненных в различных традициях. Керамика, которую принято связывать с гончарными традициями Верхней Волги[2], характеризуется неполным окислительным обжигом, примесью дресвы, линейно-тычковым орнаментом в виде комбинации линейного орнамента и вдавлений, нанесенных косо поставленным, или диагональным, заостренным инструментом. Керамика, близкая к гончарным традициям Поочья, произведена из теста с использованием окатанного песка в качестве примеси, отличается качественным окислительным обжигом и имеет следы орнамента в виде разреженных параллельных горизонтальных линий (шириной 2-3 мм). Характерной особенностью комплекса является полное отсутствие фрагментов красноглиняной тонкой посуды высокотемпературного обжига с лощением или без лощения, которая является одним из хронологических маркеров комплексов середины XIV-XVII вв. в нашем регионе (*Грибов,* 2006. С. 70-71). Таким образом, на основании доступных на текущий момент самых общих характеристик керамического материала время функционирования поселения с долей вероятности следует ограничить периодом XIII — начала XIV вв.

В процессе изучения клейменых днищ сформировалось несколько методических направлений. К первому следует отнести исследование в первую очередь рисунка клейма, его морфологии. Исследователи используют так называемую морфологическую классификацию, адаптируя ее к особенностям материала того или иного памятника, а также учитывая нюансы эволюционных изменений знаков и семантику изображений (*Кадиева,* 2007. С. 172-174; *Кобозева,* 2014. С. 373). В ряде случаев авторы фокусируют внимание на морфологическом анализе рисунка оттиска в сочетании с такими технологическими аспектами

[2] Есть основания считать, что эта разновидность близка северо-западным гончарным традициям, в частности, торжокским. (*Малыгин*, 2011. С. 139-140).

локальных гончарных традиций, как характер донной подсыпки (*Коваль,* 2002. С. 125-135; *Хижняков,* 2009. С. 143) и рецепты формовочных масс (*Грибов,* 2001. С. 38-55). В рамках второго направления тщательному анализу подвергаются технологические аспекты клеймения посуды: трассологические особенности, локализация оттиска на днище, симметричность, профили валиков, образующих рисунок клейма, степень детальности проработки, разработана типология матриц по профилю вертикального сечения (*Бобринский,* 1972. С. 182-190; *Лапшин, Бисерова,* 2016. С. 272-287).

В настоящем исследовании использовались оба названных выше направления, а также результаты технико-технологического анализа при помощи бинокулярного стереоскопического микроскопа[3]. Все образцы являются фрагментами сосудов, изготовленных из красножгущейся глины с использованием зольной подсыпки. При составлении формовочной массы в исходное сырье в различных концентрациях вводились минеральные примеси в виде песка (12 %) и дресвы (100 %), а также активно использовались органические компоненты (88 %) в виде органических растворов.

На текущий момент коллекция обломков днищ с оттисками различной степени сохранности насчитывает 17 образцов, из которых 4 клейма сохранились полностью. Степень сохранности еще 4 клейм достаточна для достоверной реконструкции рисунка оттиска. В трех случаях рисунки клейм сохранились фрагментарно и их уверенная реконструкция затруднительна. Однако сохранившиеся детали рисунков позволяют сопоставить их с известными клеймами керамических комплексов других археологических памятников. Оставшиеся 6 образцов содержат мелкие и невыразительные элементы рисунка, не представляющие возможностей для их полной реконструкции. Рассмотрим основные варианты рисунков клейм.

Геометрические клейма сложные, имеющие в основе окружность. В этой группе выделяются 2 варианта. *Клеймо с изображением двойной концентрической окружности* (табл. 1, *1*), одно из самых распространенных на территории Древней Руси. Наиболее ранние образцы зафиксированы на памятниках Ярославского Поволжья второй половины XI в. (*Кадиева,* 2007. С. 175) В Новгороде такие

[3] Автор статьи выражает благодарность Швецовой Анастасии Александровне за проведение технико-технологического анализа керамического материала.

оттиски известны в напластованиях, датирующихся периодом X-XIV вв. Домонгольским периодом датируются подобные клейма в напластованиях Дмитрова (*Панченко,* 2007. С. 200), на памятниках Верхнего Подонья (*Гоняный, Кокорина, Свирина,* 1993. С. 155), в Суздале серединой XII - началом XIII вв., во Владимире концом XII - серединой XIII вв. *Клеймо с изображением окружности с точкой внутри (в центре)* – 2 экземпляра (табл. 1, *3, 9*). Также наиболее ранние аналоги характерны для курганных групп и селищ Ярославского Поволжья XI-XII вв. Клейма с таким рисунком зафиксированы в напластованиях Ростова, Усть-Шексны, Дмитрова периода конца XII – первой половины XIII вв. (*Кадиева,* 2007. С. 175; *Панченко,* 2007. С. 200-202). Оба клейма с изображением окружности с точкой внутри имеют идентичные характеристики исходного сырья, рецепт формовочной массы и концентрацию дресвы в тесте. Размеры отпечатков практически совпадают (внешний диаметр составляет приблизительно 24 мм, ширина валика, формирующего рисунок 1-1,5 мм, диаметр внутреннего круга ок. 4-5 мм). На обоих образцах в заглубленной части клейма присутствует отпечаток, соответствующий матрице, вырезанной на плоскости с продольным сечением древесины. Обозначенные сходства могут свидетельствовать об использовании одной и той же матрицы для изготовления сосудов, которым принадлежат указанные фрагменты днищ.

Геометрическое клеймо простое, с изображением креста представляет собой Х-образную фигуру с точкой в центре (табл. 1, *5*)**.** Оттиски с крестообразными рисунками также встречаются в Новгороде в слоях X-XIII вв., Усть-Шексне 1 половины XIII в. Единичные находки зафиксированы во Владимире и Ярославле в горизонтах конца XII – первой половины XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 177), в Твери в XIV в. (*Кобозева*, 2007. С. 375-376) на днищах, изготовленных с использованием зольной подсыпки.

Геометрическое клеймо, имеющее в основе прямоугольник (табл. 1, *4*)**.** Единственный экземпляр, сохранился в фрагментарном виде. Близкие, но не идентичные, по очертаниям клейма зафиксированы в Ростиславле в комплексах XIV - начала XV вв. Еще один возможный, но не полный аналог – редкие, но характерные клейма в виде прямоугольника со скругленными углами, встречающиеся в Новгороде в горизонтах X-XIII в. (*Панченко*, 2007. С. 157) и Твери в напластованиях середины XII-XV вв. (*Кобозева*, 2014. С. 374-375)

Геометрическое клеймо простое с изображением восьмилучевой «снежинки» или «звездочки» (табл. 1, *7*), сохранилось в фрагментарном виде. Оттиски с похожим рисунком на днищах с зольной подсыпкой обнаружены в Ростиславле Рязанском в комплексах второй половины XIII – начала XIV вв., а также XIV - начала XV вв. (*Коваль,* 2002. С. 128, 132). Клеймо с рисунком в виде семилучевой звезды зафиксировано на селище Ближнее Константиново-1 (*Грибов,* 2001. С. 41).

Силуэтное зооморфное клеймо типа «птичья лапка» (табл. 1, *6*)**.** Подобные клейма зафиксированы в Ростове и на поселении Усть-Шексна в комплексах второй половины XII - середины XIII вв., Новгороде в X-XIV вв., Ярославле в горизонтах середины XIII в., появление подобных клейм в Ростиславле Рязанском в XIV в. связывается исследователями с распространением гончарных традиций Верхнего и Среднего Подонья (*Коваль,* 2002. С. 128). Единичные находки днищ с аналогичным оттиском зафиксированы в Городце. Интересно отметить, что в некоторых случаях знак «птичьей лапки» встречается на днищах в сочетании с другими знаками. Так, на селище Ближнее Константиново-1, относящееся к округе Н. Новгорода и датирующееся концом XIII - началом XV вв., указанный оттиск идет в комбинации с небольшим кружком (*Грибов,* 2001. С. 41, 45). В Суздале в комплексе середины XII - начала XIII вв. было обнаружено днище с оттиском типа «птичья лапка» в сочетании с двузубцем. Поэтому некоторые исследователи относят клейма с подобными рисунками к т. н. «княжеским знакам» (*Кадиева,* 2007. С. 184–185; *Хижняков О. И.,* 2002. С. 140–141).

Клеймо в виде современной буквы «У» (табл. 1, *8*). Отличается от клейм с изображением двузубца своей несимметричностью. Оттисков с аналогичным рисунком клейма нам пока обнаружить не удалось. Подобные знаки хорошо известны на примере материалов (граффити) Хазарии (*Флерова*, 1997. С. 30, 109, 155).

Необходимо отметить, что клейма с изображением восьмилучевой звезды, «птичьей лапки» и буквы «У» зафиксированы в одном слое комплекса, интерпретируемого как подпольная яма.

Клеймо комбинированное с изображением креста в окружности, от которой отходят 6 лучей (табл. 1, *2*). Аналогичные рисунки клейм пока не обнаружены. Известны оттиски с похожим рисунком, когда

изображаются 2 концентрические окружности, соединенные меж собой лучами-отрезками, причем в меньшую вписан крест.

Два клейма, рисунки которых сохранились фрагментарно, предположительно, могут содержать изображения свастических знаков. Одно из них локализуется на днища с подсыпкой дресвы.

Таким образом, в керамической коллекции с селища Першино-1 присутствуют клейма с широко распространёнными на территории Древней Руси вариантами рисунка, а именно: 2 концентрические окружности, окружность с точкой, крест, «птичья лапа». Также зафиксированы оттиски с изображениями, аналогов которым не обнаружено: «крест в солнце», клеймо виде буквы «У» - возможно, имеющие локальное распространение.

В результате исследования статических отпечатков на внешней поверхности клейменых днищ в 8 случаях из 17 зафиксированы оттиски, характерные для древесины, распиленной вдоль. Наиболее часто встречающийся тип матриц по профилю вертикального сечения – тип сегментовидной матрицы. Исследование рисунков клейм было сопряжено с определенными трудностями по причине их недетальной степени проработки. В основном все клейма (кроме одного) имеют невысокий рельеф (в пределах 1–2 мм), нечеткие контуры линий. Практически все клейма, рисунки которых полные или достоверно реконструированы, симметричны (за исключением клейма в виде буквы «У») и локализованы в центральной части днища.

Гончарные клейма, как правило, датируются в пределах нескольких столетий. Период бытования селища Першино-1 на основании датирующего вещевого материала ограничивается рамками XIII в. Нам видится, что в действительности поселение функционировало менее столетия. Таким образом, коллекция представляет собой своеобразный срез, иллюстрирующий узко датированный набор одновременно существующих изображений оттисков и технологических характеристик клеймения. Дальнейшие работы по выявлению и изучению клейм селища Першино-1 в частности и исследование специфики керамического комплекса в целом позволят верифицировать, уточнить и расширить представленные наблюдения.

Литература

Антонов Д. А., 2016. Раскопки русского средневекового селища XIII в. Городецкой округи // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров, М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 216–226.

Бобринский А. А., 1972. О некоторых результатах трассологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. М.: МГУ. С. 182–190.

Гоняный М. И., Кокорина Н. А., Свирина А. Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Труды ГИМ. Вып. 82. М.: С. 143–160.

Грибов Н. Н., 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 38–55.

Грибов Н. Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета. Вып. 10. С. 62–91.

Лапшин А. Г., Бисерова А. В., 2016. Гончарные клейма древнего Владимира (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 272–287.

Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. Вып. 3. С. 173–188.

Кобозева Е. В., 2014. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затьмацком и Загородном посадах // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. Вып. 10. С. 371–392.

Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4. С. 125–135.

Малыгин П. Д., 2011. К изучению стратиграфии мысовой части тверского кремля // Вестник ТвГУ. Серия «История». Вып. 4. С. 137–143.

Панченко К. И., 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. Вып. 3. С. 197–204.

Флерова В. Е, 1997. Граффити Хазарии. М: Наука.

Хижняков О. И., 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

Хижняков О. И., 2009. Гончарные клейма из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. Вып. 5. С. 153–162.

Приложение

Таблица 1.

Технологические характеристики выполнения рельефных изображений.

№	Клеймо	Симметричность	Детальность проработки	Расположение клейма относительно центра днища	Профиль валика, формирующего рисунок клейма	Типология матриц по профилю вертикального сечения	Диаметр днища
1	Элементы свастики (?)	-	Недетально	-	Полукруг	-	
2		Симметричное	Недетально	По центру	Полукруг	Сегментовидная (?)	
3		Симметричное	Недетально	По центру	Полукруг	Сегментовидная (?)	
4		Симметричное	Недетально	С небольшим смещением	Полукруг	Сегментовидная (?)	
5		-	Недетально	По центру	Полукруг (?)	Сегментовидная	D 10 см
6	Неопределим	-	Недетально	-	Полукруг		
7	Элементы свастики (?)	-	Недетально	-	Трапеция	-	
8		Симметричное	Недетально	-	Полукруг	-	

9	Неопределим	-	Недетально	-	Полукруг	-	
10		Симметричное	Недетально	По центру	Полукруг	Плоская	D 6.7 см
11		-	Недетально	-	-	Сегментовидная	D 13 см
12		Несимметричн ое	Недетально	С небольшим смещением	Полукруг	-	
13		Симметричное	Недетально	С небольшим смещением	Полукруг	Сегментовидная, доп.окружность	D 4.7-4.9
14	Неопределим	-	Недетально	-	Полукруг	-	
15	Неопределим	-	Недетально	-	Полукруг	Сегментовидная	D 6-6.5
16	Неопределим	-	Недетально	-	Полукруг	-	
17	Неопределим «псевдоклеймо» (?)	-	Недетально	-	Полукруг	-	

Е. И. Бакулин, Д. А. Антонов,
Н. М. Антонова

Археологические раскопки на ул. А. Невского в г. Городце в 2016 г.

Город Городец на Волге известен как достаточно крупный средневековый городской центр XII–XIV вв. на восточной окраине Северо-Восточной Руси. С 1960-х гг. до настоящего времени в ходе работ археологов на территории городища собран значительный корпус материалов, но, к сожалению, лишь не большой их процент введен в научный оборот и опубликован. В настоящее время единственным источником новых археологических данных об истории средневекового города служат редкие охранные исследования. В связи с этим обстоятельством, публикация результатов даже небольших по площади раскопок имеет определенное значение для изучения истории освоения данной территории.

Раскопки 2016 г. проводились на месте д. № 31 по ул. А. Невского, напротив перекрёстка с ул. Ворожейкина, на месте проектируемого строительства жилого дома. Участок относится к территории, расположенной вокруг низины, в центре которой находится искусственный пруд. Поверхность участка и его окрестностей относительно ровная, с перепадом высот 1–1,5 м, с общим понижением в сторону водоёма. По всей видимости, естественные неровности рельефа здесь были постепенно «сглажены» при освоении. В историческом плане участок раскопок относится к центральной части городища. Об освоении этой территории в средневековье в общих чертах можно судить по результатам предыдущих исследований. Раскопами и шурфами были затронуты отдельные участки по ул. А. Невского (Рис. 1) (*Николаенко*, 2013. С. 264, 272, 273). В 1954 г. И. А. Кирьяновым поставлены шурфы на перекрёсте ул. А. Невского и пер. Рублёва, напротив д. № 13, в которых было изучено 7 захоронений XII–XIVвв. В различные годы, в окрестностях участка работ 2016 г., раскопками были изучены остатки средневековых построек в виде котлованов ям: в 1960 г. А. Ф. Медведевым в пер. Рублёва, между линиями ул. А. Невского и Гагарина, в различные годы Т. В. Гусевой исследовались площадки по ул. А. Невского во дворе детского сада (д. № 6), напластования на бортах коммуникационных траншей вдоль участка дд. №№ 35-41, на пересечении ул. А. Невского и пер. Рублёва были выявлены разрушенные погребения, а у д. № 25 углублённая в

материк постройка. Таким образом, исследования на соседних участках площадки строительства д. № 31 показали повсеместное наличие средневековых напластований, а на отдельных участках захоронений, датируемых широким периодом второй половины XII-XIV вв.

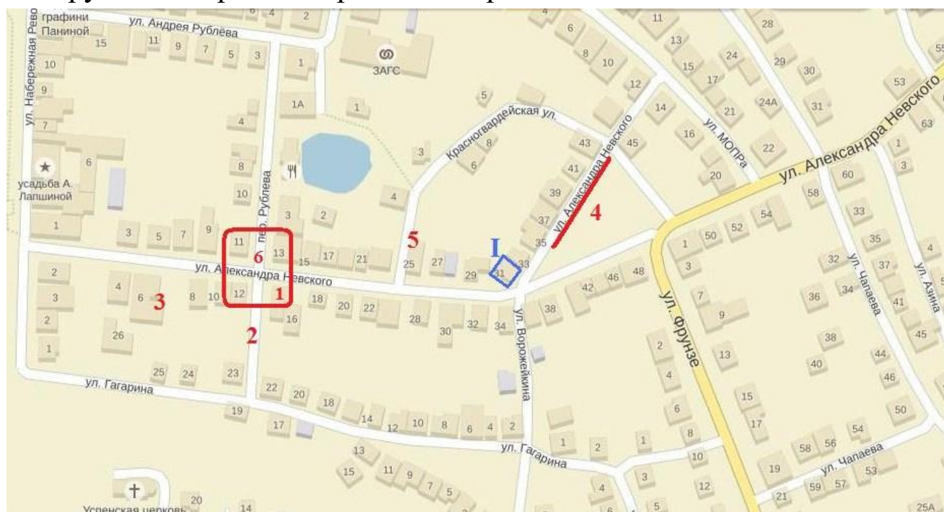

Рис. 1. Фрагмент плана г. Городца с указанием мест проведения археологических исследований (1 – 1954 г. Кирьянов И.А., 2 – 1960 г. Медведев А.Ф., 3 – 1990- г. Гусева Т.В., 4 – 1993 г. Гусева Т.В., 5-6 – 1995 г. Гусева Т.В.; I - синим цветом - участок дома № 31).

Общая площадь раскопок 2016 г. на участке д. № 31 по ул. А. Невского составила 44 кв.м. Форма раскопа определялась планом строительства дома - вытянутый по линии северо-восток – юго-запад прямоугольник, вплотную с линией фундамента (стена подвала) снесенного дома постройки второй половины XX в. Вскрытые в раскопе напластования разделяются на четыре основных стратиграфических горизонта, с разделением внутри каждой на отдельные прослойки, различных по морфологии грунтов, особенностям формирования и хронологии. Верхний горизонт (1 - состоящий из слоёв 1-3) XX - начала XXI вв., мощностью до 40 см, представляет собой остатки пашни, замешанной с бытовым и строительным мусором, с характерными включениями материалов этого времени, выбросов средневековых культурных напластований. Верхние напластования содержат и материалы XVII-XIX вв., с преобладанием предметов и фрагментов керамики XIX в. Сохранившихся напластований

периода XVII-XIX вв. в раскопе не выявлено и, по всей видимости, они были разрушены в XX в., вошли в состав общего горизонта 1, либо формирование этого горизонта происходило в непрерывном процессе в течение нескольких столетий. К этому времени относится и часть поздних хозяйственных ям («перекопы»), остатки построек с фрагментами деревянных столбов и конструкций, ямы от опорных столбов. Общая датировка их заполнения относится к XIX-XX вв., и, по всей видимости, это остатки застройки данного периода, существовавшей ещё до строительства снесенного д. № 31. К этому времени относятся ямы №№ 2-14, 16, 17, 19, 24-26, 33, 39, 46, 48, 49, канавки 1 и 3 (Рис. 2). Наиболее крупные из них перекопы 1-4 (котлованы подполий и погребов).

Не останавливаясь на детальном описание напластований и ям XIX–XX вв. охарактеризуем собранный при их разборе материал, который свидетельствует о хронологии и степени хозяйственного использования участка в позднее время. В слоях 1-3 были найдены предметы как относящиеся к средневековью, так и к более позднему времени (Рис. 3-4). Среди собранных материалов XVII-XIX вв. стоит назвать: фрагменты красноглиняных плоских изразцов без росписи с белой поливой и плоских полихромных изразцов с рельефной синей росписью по белому фону, в том числе часть карниза, медные и серебряные монеты XVIII - начала XX вв. мелкого наминала, советские монеты середины XX в., фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды, в частности фрагмент донца чашки фарфоровой с клеймом («АКСЕНО…»), стенки которой орнаментированы зелёной росписью в виде ветвей растения, а поддон украшен ободком краской золотого цвета.

Среди средневекового материала выделяется: части металлических весов, обрубки или обрезок бронзового слитка, в виде круглого в сечении прутка, с тремя кольцевыми поперечными насечками; овальное короткое кресало с прямоугольным вырезом; фрагменты стеклянных украшений - вставка от перстня стеклянная восьмигранная полупрозрачная красного сильного цвета, с гранёным туловом, выпуклым основанием и острым краем, бусина стеклянная призматическая пятигранная со скошенными углами бесцветная полупрозрачная, бусина костяная бочонкообразная.

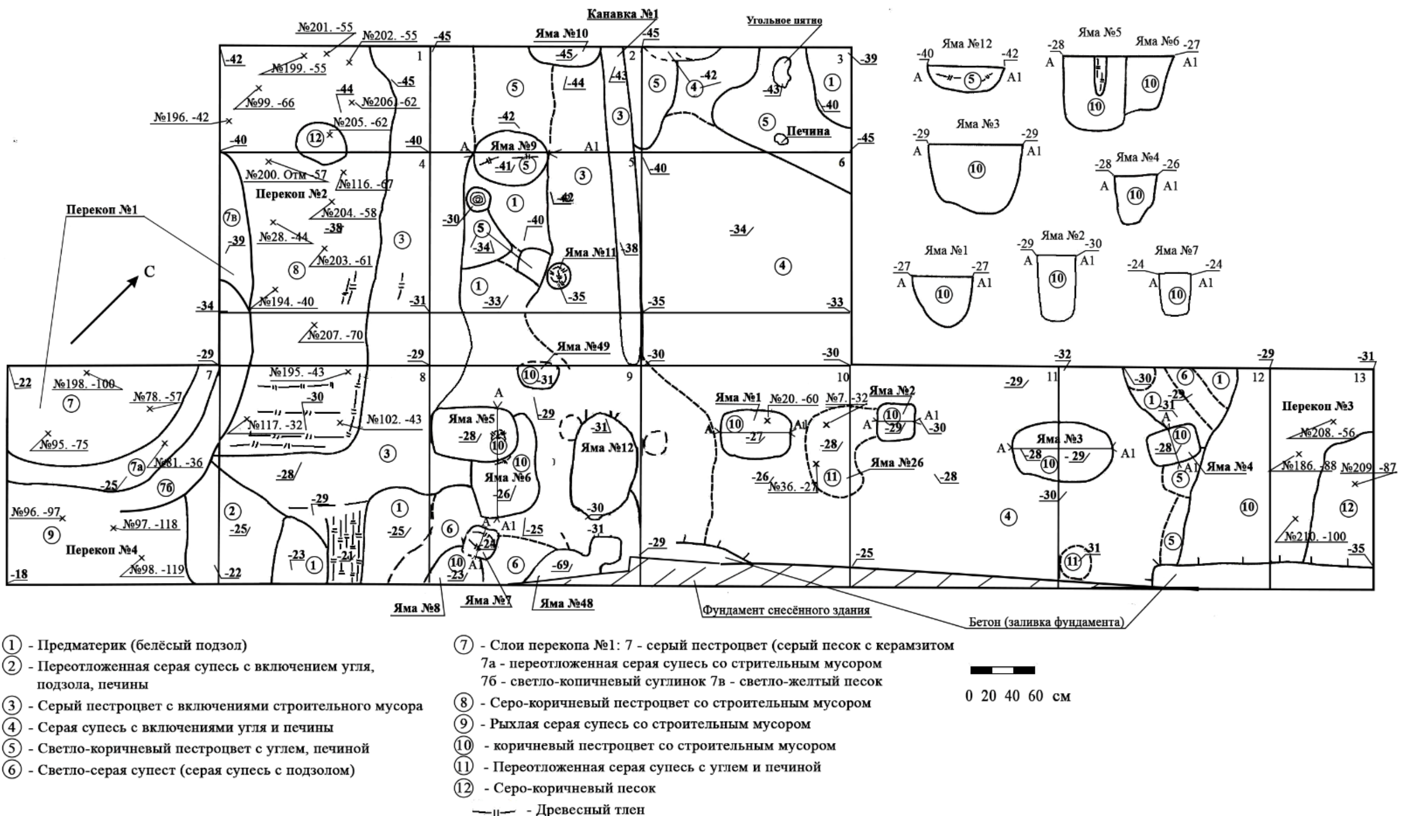

Рис. 2. План раскопа 1 по ул. А. Невского д. № 31 в г. Городце, с исследованными котлованами ям XIX–XX вв.

Рис. 3. Материал из пластов горизонта I: 1–6 – пласт 1; 7–9 – пласт 3 (7 – кость, 9 – медь).

Кроме того, были найдены кремневые огнива, железные ножи, дужки, заготовки предметов, гвозди кованые. В «перекопах» собраны предметы, среди которых выделяются (Рис. 5): пробой железный кованый, фрагменты железных ножей и скоб, медные монеты 1890-х гг., монета номиналом 10 копеек 1937 г., монеты серебряные (1 рубль 1921 г., 1 рубль 1913 г. («юбилейный»), фрагменты изразцов плоских полихромных с рельефной синей росписью по белому фону, фрагменты поздней стеклянной и фаянсовой посуды, том числе: днища сосуда стеклянного красного слабого светлого, флакон аптечный стеклянный с надписью «Братья А и Н Мамонтовы» с гербом Российской империи начала XX в.

При разборе поздних напластований был найден небольшой «клад» из серебряных монет начала XX в., лежащих стопой, обернутой газетой (Рис. 6). Средневековые материалы из перекопов представлены украшениями: привеска шаровидная бронзовая с пояском под ушком, кольцо (перстень пластинчатый прямой) бронзовое орнаментированное с замкнутым обручем орнаментированным из двух ложнозернистых валиков (две полоски с косой мелкой ложной насечкой). В поздних напластованиях, кроме средневековой, собраны фрагменты керамика XVII-XIX вв. представленные немногочисленной чернолощёной, морёной**,** кирпично-красной неангобированной и поливной керамики, в том числе полные профили сосудов. Современные напластования на

отдельных участках раскопа лежали на поверхности подзола, где средневековые слои были переработаны до уровня материка, либо перекрывали средневековые напластования (верхний уровень средневековых напластований, нарушенный при последующем освоении участка) – горизонт 2 – тонкий слой (4) серой супеси мощностью 0,5-2 см, перемешанный с подзолом, с редкими включениями строительного мусора периода XIX-XX вв., фрагментов русской средневековой керамики из красножгущейся глины, чернолощёной, красноглиняной керамики с прозрачной поливой.

Рис. 4. Материал из пластов горизонта I, пласт 2: 1- железно, 2 – серебро, 3-9 – медь, 10-11 – стекло, 12-16 – глина.

Ниже были выявлены сохранившиеся средневековые слои в виде серой супеси (горизонт 3 или слой 5) с различными прослойками, с включениями угля, фрагментов печины, костей животных, средневековых материалов, датируемый в целом широким периодом второй половины XII-XIV вв. На отдельном, очень небольшом, участке раскопа, на уровне поверхности подзола, были зафиксированы напластования (горизонт 4), содержащие исключительно фрагменты лепной керамики с «текстильными» отпечатками[1], периода рубежа I и II тыс. до н. э. до конца I тыс. до н. э., связанные с остатками напластований поселения эпохи поздней бронзы – раннего железного века.

Рис. 5. Материалы из ямы № 6 (2 – стекло) и «перекопа № 2» (1, 6 - стекло, 3-5 – медь, бронза, 11 – керамика).

---

[1] Описание данной категории керамики представлено ниже в статье, при характеристике керамического комплекса раскопа.

Рис. 6. Материал из перекопа № 2. Клад серебряных монет.

С уровня слоя 5, а также при его разборе с уровня отдельных прослоек, или подзола фиксировались и последовательно разбирались заполнения котлованов средневековых ям, столбовые ямы и канавки, часто пересекающие друг друга, что свидетельствует о неоднократной перепланировке участка и его повторной застройке (Рис. 7). Небольшие площадь и ширина раскопа не позволяют определить планировку участка с выделением границ усадьбы или комплексов построек. Большинство исследованных ям в раскоп попали частично. Хронологическое распределение по периодам столбовых ям или канавок, на основании вещевого или керамического материала, затруднительно. Достаточно узко можно датировать только заполнения крупных подпольных ям, на основании чего в застройке участка в период XII–XIV вв. можно выделить два этапа.

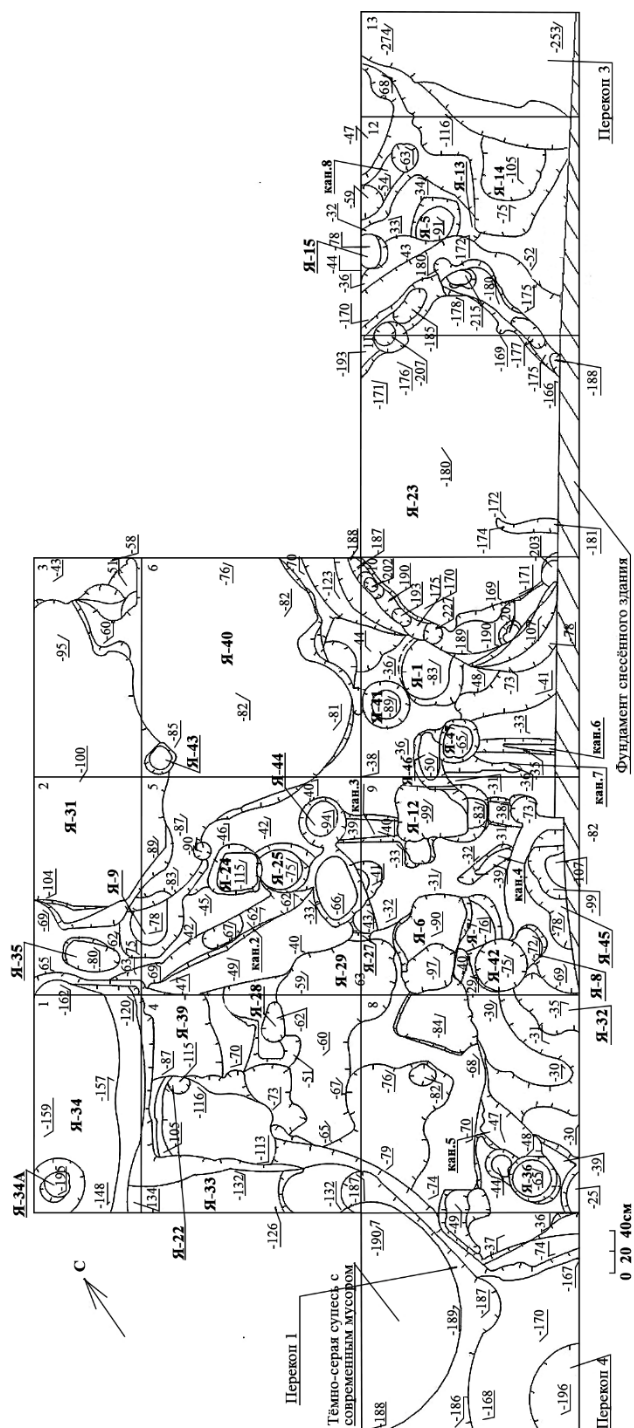

Рис. 7. План раскопа с исследованными средневековыми ямами и заглублениями.

К наиболее раннему, домонгольскому времени, относится котлован ямы № 23. Пятно ямы было зафиксировано с поверхности подзола и слоя переотложенного подзола с включениями угля, печины, вкраплениями серой супеси. Видимо, яма была выкопана с поверхности уже в какой-то степени сформировавшихся здесь культурных напластований. Длина пятна ямы (с юго-запада на северо-восток) составляла 380–400 см. Максимальная ширина ограничивалась габаритами раскопа, до 2 м. Глубина ямы составила 140 см. Стенки ровные и отвесные, дно ровное. Котлован ямы ориентирован с севера на юг, северо-западный и юго-восточный углы ямы уходят в борта раскопа.

На дне ямы выявлены остатки внутренней конструкции: две канавки, выкопанные в материке, вдоль бортов ямы. Ширина канавок от 15 до 28 см. Стенки и дно канавок с множеством углублений. Исходя из формы и глубины канавок, можно заключить, что обшивка состояла из вертикально поставленных плах. По всей видимости, постройка представляла собой котлован подпольной ямы с обшивкой стен, закрепленной перекладинами и по углам столбами. В заполнении ямы прослеживалось несколько горизонтов из серой и коричневой супеси, разделенных в верхней части ямы достаточно мощными прослойками древесного тлена (3–4 см). В центре заполнения и в нижней части были зафиксированы три развала печей: первый слой печины представляющий собой два развала, спускающихся к центру ямы двумя «языками», объёмам 72 и 255 литров. Ниже, после слоя тёмно-серой супеси с углём, располагался третий развал печи объёмом 531 литр, мощностью слоя 15–18 см.

В заполнении ямы № 23 найдено большое количество предметов (Рис. 8), из которых можно выделить следующие находки. В слое 1 найдены: накладка железная кованая (возможно крючок колчанный) в виде пластины со штифтом с крючком на конце; крючок рыболовный насадной железный кованый из стержня округлого сечения, размером 18х34 мм; фрагменты браслета трёхпроволочного витого бронзового; бусина стеклянная глазчатая с концентрическими глазками, глазки зелёные (бирюзовые) и розовые на белом фоне, цвет бусины жёлтый сильный; пряслица шиферного фрагмент.

В слое 2 были найдено скопление кожаных отдельных пластин и их фрагментов (лежали вместе, одна на другой) с отверстиями. Размеры целой пластины 2,8х6,6 см с отверстиями диаметром 1–5 мм. Пластины были найдены наложенными одна на другую, с совпадением отверстий и по своей форме и расположению отверстий они напоминают доспешные.

Рис. 8. Материал из заполнения средневековых ям. Яма 23: 1-3 – бронза, 4 – кожа, 5-8 – железо, 13 – стекло. Яма 31: 9-10 – стекло. Яма 34: 11-12 – стекло, 14 – янтарь, 15 – камень, 16 – медь.

В слое 3 был найден браслет пластинчатый средний бронзовый, разомкнутый, с сужающимися концами, не орнаментированный, диаметром внутренним 39 мм и внешним 42 мм. В слое 5 обнаружена бусина стеклянная навитая круглая зонная одночастная жёлтого сильного цвета полупрозрачная. В слое 6 обнаружены: вток железный кованый с тупым окончанием и щелью сверху изделия,

длина 106 мм, в верхней части изделия отверстие диаметром 5 мм, диаметр места вставки древка 25х28 мм; кресало калачевидное (?) с язычком фрагмент, окончания без загибов (утеряны); рыболовные переметные крючки; железные ножи; крестик нательный бронзовый с шаровидными окончаниями и шаровидным средокрестием; бусина стеклянная эллипсоидная чёрная непрозрачная с накладными нитями стекла белого и зелёного цветов; фрагмент пряслица шиферного биконического. В слое 7 найден фрагмент тигля глиняного, а в слое 9 фрагмент сосуда стеклянного слабого зелёного полупрозрачного.

К этому же периоду, предположительно, и преимущественно по особенностям расположения (пятна ям фиксируются с поверхности слоя подзола, перерезаются или накрыты частично котлованами других ям), а также по особенностям заполнения и хронологии собранного материала, можно отнести ямы №№ 31, 36, 40-45, 47, канавка 4, соединяющая ямы №№ 36 и 44, канавка 5, канавка 2, соединяющая ямы № 34 и ямы № 25, канавки 6-8.

Яма № 31 - овальной формы, с размерами 172х275 см, предположительно подпечная, содержала следующие материалы: браслета стеклянного кручёного красно-коричневого сильного светлого полупрозрачного фрагмент; плечика сосуда стеклянного среднего фиолетового полупрозрачного фрагмент, браслета стеклянного кручёного красно-коричневого сильного светлого цвета фрагмент. Яма № 40 - овальной формы, с размерами 180х255-260 см, вытянуто с юга на север, уходит в северо-западный борт. Яма сильно разрушена котлованами ям № 30, 37, 38 Стенки ямы неровные, крутые. Дно неровное. В заполнении ямы был найден небольшой развал печи.

Ко второму периоду по своей датировке относится яма № 34, по вещевому материалу и керамике, заполнение котлована которой можно датировать второй половиной XIII–XIV вв. Пятно ямы № 34 уходило в северо-западный борт раскопа. Пятно ямы имело подпрямоугольную форму, размеры его части, вошедшей в состав раскопа, составили 260-270х110 см. Яма частично разрушена перекопом № 2, ямами 17, 18, 19, 33. Стенки ямы неровные, отвесные, дно ровное. На дне ямы были зафиксированы остатки внутренней конструкций – две столбовые ямы. При разборе заполнения ямы были найдены: 2 фрагмента красноглиняной

«золотордынской» керамики с лощением, в слое 3 - бубенчика-подвески шаровидной линейно-прорезной цельнолитой бронзовой фрагмент, в слое 4 - крестика-тельника каменного со сложным средокрестием образованным пересечением 8-гранных ветвей фрагмент, слое 6 – котелок (?) медный, браслета стеклянного гладкого коричневого полупрозрачного 2 фрагмента, в слое 7 - крестик-тельник каменный серый без декора с простым средокрестием образованным простым пересечением ветвей и прямыми ветвями 4-х угольного сечения. В яме № 13 была найдена подкова одношипная железная кованая с шестью гвоздями размером 96х101 мм (ширина подковы 101 мм, высота 96 мм), шип центральный прямоугольный, размерами 12х23 мм, ширина в верхней части шипа 4 мм, высота шипа 11 мм. Предположительно, подкова Типа 2 по классификации А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1973).

К этому же периоду, вероятно, относятся и заполнения ям № 30, 32, 37, 38. Яма № 30 - подпрямоугольной формы, с размерами пятна 232х152-160 см, с отвесными стенками и неровным дном. В заполнении ямы найдены: 3 фрагмента красноглиняной лощёной керамики (золотоордынской) и 1 фрагмент без лощения, индивидуальные находки: накладка железная кованая со штифтом, с загибом петлей в нижней части с кольцом с медным покрытием и украшением у петли зернью (шаровидное); бусина стеклянная навитая круглая битрапециоидная голубая (сине-фиолетового сильного цвета) полупрозрачная; фрагмент пряслица шиферного биконического серого. В яме № 35 был найден фрагмент красноглиняной золотоордынской керамики без лощения.

Керамический комплекс[2], собранный при раскопках, представлен типами, характерными для материальной культуры русских городов средневековья и нового времени, но первоначально следует выделить довольно многочисленные (всего 185) находки фрагментов лепной керамики с так называемыми «текстильными»

[2] Анализ керамической коллекции поводились специалистами: И. С. Аникиным, Н. Н. Грибовым, А. А. Швецовой. Авторы статьи выражают благодарность за предоставленные результаты обработки материалов. Результаты анализа домонгольского материала публикуются в настоящем сборнике в отдельной статье «Аникин И. С., Антонов Д. А., Бакулин Е. И., Грибов Н. Н. Домонгольский керамический комплекс из Городца на Волге (по материалам раскопок 2016 г.)»

отпечатками (рис. 9). Как правило, они имеют на изломе трехслойный цвет – светло-коричневый (нередко – с рыжевато-красноватым оттенком) по поверхностям и темно-серый (серый) внутри; иногда цвет излома – двухслойный – со светло-коричневой внешней частью и темно-серой (серой) внутренней. Обычная примесь в тесте – мелкозернистый песок (менее 0,5 мм) в различных концентрациях – частой или средней, нередко на изломе или поверхностях черепка прослеживаются ещё и единичные песчинки размером до 1,5 мм; отдельные фрагменты имеют тесто без видимых примесей. Внешние поверхности черепков (в том числе – верхние края венчиков) полностью покрыты мелкими (как правило, размером до 2 мм) ячеистыми «рябчатыми» отпечатками, размещенными обычно очень плотно (лишь в ряде случаев – достаточно разреженно, с большими промежутками между отдельными вдавлениями). Значительное количество фрагментов орнаментировано глубокими разреженными подокруглыми ямками (нередко образующими выпуклые выступы-«жемчужины» с внутренней стороны); намного реже фиксировались ямки треугольной формы. В двух случаях горловины сосудов были украшены отпечатками штампа в виде параллельных зигзагов (на одном сосуде – штамп с гладкой поверхностью; на втором – зубчатый, орнаментация дополнена здесь небольшими парными вертикально вытянутыми ямками и горизонтальной полосой отпечатков того же штампа под верхним краем «Т»-образного в сечении венчика). Материал сильно фрагментирован, о форме сосудов можно предположительно судить лишь по немногочисленным и небольшим профилированным частям. Вероятно, встречены обломки чашеобразных и горшковидных (мисковидных) сосудов. Венчики обычно почти вертикальные, прямые (или очень слабо изогнутые), с непрофилированным, а также с «Г» или «Т»-образным в сечении краем; лишь в одном случае найден обломок с плавным переходом на уплощенное дно сосуда. Предположительная датировка рассмотренной керамики – период с рубежа I и II тыс. до н. э. до конца I тыс. до н. э. Обломки лепной посуды регулярно встречались в культурных напластованиях и грунте заполнения материковых ям, совместно с преобладающим более поздним керамическим материалом. Лишь на одном квадрате (кв. 11) при доборе перекрывающего предматерик культурного слоя была найдена только такая керамика. Кроме того, при обработке массового

материала было замечено, что наибольшая концентрация находок лепной керамики с «текстильными» отпечатками связана с переотложенными грунтами, содержащими как одну из составляющих обесцвеченный подзолистый предматерик. По-видимому, включавший эту керамику горизонт культурного слоя, который можно связать с отдельным памятником – поселением финала эпохи бронзы - раннего железного века, – залегал на предматерике и был почти полностью разрушен в средневековое время.

Основным типом на раскопе является русская гончарная средневековая керамика из красножгущегося теста бытовавшая в г. Городце и его округе в период второй половины XII – начала XV вв. Преобладающей является средневековая гончарной керамика из красножгущейся глины (в нижегородской историографии - «сероглиняная грубая»), характерный для напластований г. Городца и его округи в период XII-XIV вв. Выделенные при исследовании коллекции керамические формы представлены в большинстве горшками, встречены фрагменты плошек, корчаг, крышки. На днищах имеются следы подсыпки. Сосуды выполнялись на ручном гончарном круге. Небольшое количество фрагментов днищ имеет отпечатки клейм - основные композиции: в виде «песочных часов» (два равнобедренных треугольника, соединенные вершинами), изображения на основе круга; встречены фрагменты клейма в виде трёхлучевой звезды с кружками на концах лучей (характерны для материалов г. Владимира). Среди типов орнамента преобладают штампованный (прокатка зубчатого колёсика), линейный, волнистый и их комбинации.

Преобладающей формой венчиков являются варианты так называемого «общерусского типа» (58,7 % всех учтенных сосудов) - с отогнутым внутрь черновым краем (с наложением его на внутреннюю поверхность горловины), образующим валик (губу) округлого сечения (иногда – дополнительно профилированный).

Среди них чаще всего встречались венчики с сильным отгибом щеки наружу (располагающейся почти горизонтально либо под углом не более 20° от горизонтали) – тип 25 (42,5 %), значительная часть экземпляров имела менее выраженный отгиб щеки (под углом более 20° от горизонтали) – тип 20 (16,2 %; по общей профилировке они нередко очень близки к типу 25).

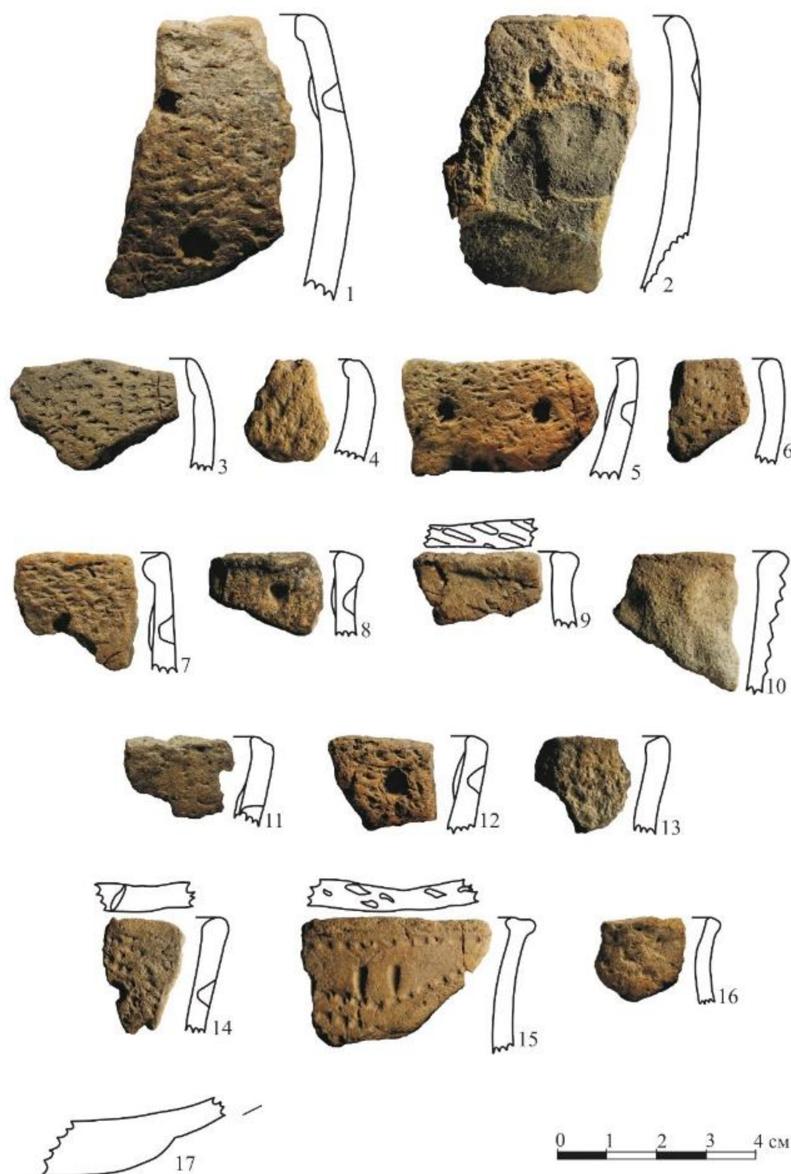

Рис.9. Фрагменты лепной керамики (профильные части сосудов). Венчики сосудов чашеобразных со слегка прикрытой горловиной: 2,9,12 (яма 23), 5 (яма 31); вертикально поставленные сосудов горшкообразных слабопрофилированных: 8 (яма 23), 10 (яма 31); наклоненные вовне сосудов горшкообразных слабопрофилированных: 11 (яма 31), 13,14 (перекопы),15,16 (яма 40); сосудов чашеобразных со слегка прикрытой горловиной: 1,3,6,7 (канавки); 4 (перекоп). Днища: 17 – уплощенного днища фрагмент (яма 31).

Венчики «общерусского типа» были широко распространены на всей территории Руси и датируются обычно XII–XIII вв. При этом В. Ю. Коваль отмечает, что сильнопрофилированные венчики «общерусского типа» считаются наиболее характерными именно для XII в. и могут служить хроноиндикатором домонгольской эпохи (*Коваль,* 1996. С. 107–108). Часть сосудов (13,6 %), сохраняя технологическую близость венчикам «общерусского типа», имеют губу подовального сечения (ширина внутреннего валика у них заметно превосходит толщину губы); наиболее встречаемыми среди них формами являются горшки с плавно изогнутой горловиной – тип 24 (9,4 %), и, чаще всего, – с сильно (почти горизонтально) отогнутой щекой (подтип 24.2). По-видимому, последний подтип также может относиться к ранней фракции средневековой керамики раскопа. В. Ю. Коваль отмечал, что в Ростиславле Рязанском уже во второй половине XII в. сильно отогнутые венчики с черновым краем, загнутым внутрь в виде округлого валика, не являлись доминировавшими, отходя на второй план перед формами с уплощенным, овальным в сечении валиком (*Коваль,* 2004. С. 84)˙. Другие типы венчиков с овальной в сечении губой встречены намного реже: тип 22 – с резким отгибом венчика (щеки) от плеча и прямой раструбообразной горловиной, расположенной под углом, близким к 45° от оси вращения горшка – 1,7 %, тип 23 – с прямой шейкой (наклоненной внутрь или почти вертикальной), ограниченной достаточно резкими отгибами внизу (к плечу) и вверху (к щеке; горловина при этом имеет в сечении специфический «коленчатый» абрис) – 2,5 %. В Н. Новгороде и его округе формы типов 22, 23 и 24 были распространены в середине XIII – начале XV в. (а подтип 24.2 бытовал в середине XIII – начале XIV вв. и в первой половине XIV в. исчез из обихода) (*Грибов*, 2006. С. 79–91). Среди частых находок – сосуды с венчиками типа 14 (11,1 %). Это горшки с высокими цилиндрообразными и раструбообразными горловинами – с «цилиндрическими» или в виде «низкой конической воронки» венчиками, называемые некоторыми исследователями «горшками-кринками». Подобные горшки в целом традиционно датируются домонгольским периодом (XI – началом XIII вв., они фиксировались во Владимире, Ярополче, Новгороде, Верхнем Поволжье, Ростове Великом, подмосковных курганах, Смоленске). Так называемые «горшки-кринки» в Старой Рязани исчезают из обихода к середине XIII в. (их доля в древнерусской керамике

составляла там в начале XIII в. 5 %) (*Стрикалов,* 2006. С. 102). В Ростиславле Рязанском данная группа венчиков является хроноиндикатором XII в., их доля в комплексах первой половины XIII в. там также резко падает. В Н. Новгороде и его округе такие горшки встречаются очень редко, характеризуя исключительно наиболее ранние комплексы – середины XIII — начала XIV в. Венчики меньшего, но заметного количества сосудов (6,8 %) оформлены путем отгиба края внутрь, но таким образом, что с внешней стороны образовывался наплыв-валик («двойной отгиб») – тип 11. Они близки определенным типам венчикам из Старой Рязани и из Ростиславля Рязанского, появившимся на Средней Оке (в Старой Рязани) ещё в предмонгольское время и достаточно широко распространившимся во второй половине XIII-XIV вв., что дало основание В. Ю. Ковалю считать эту форму хроноиндикатором золотоордынской эпохи. В Н. Новгороде и его округе такие венчики составляют весьма значительную часть в комплексах середины XIII – начала XIV в. Небольшое количество найденных венчиков имеют наплыв-валик с внешней стороны, образованный путем отгиба чернового края наружу с наложением его на внешнюю поверхность горловины – тип 13 (3,8 %). Они напоминают венчики типов 10 из Старой Рязани и 4/1 из Ростиславля Рязанского, которые были встречены в комплексах, датируемых не ранее середины XIII в. (наиболее типичны для второй половины XIV в.). Венчики с «наружным» наплывом характерны для многих русских памятников эпохи Золотой Орды, являются весьма распространенными в коллекциях русской керамики, собранных при раскопках золотоордынских городов Поволжья. Прочие формы венчиков представлены в материалах раскопа единичными экземплярами.

Русская средневековая гончарная керамика из беложгущихся глин («белоглиняная ранняя») керамика второй половины XII-XIV вв. представлена небольшим количеством фрагментов горшков (101 шт.). Цвет черепков - от пепельно-серого до кремового, обжиг, как правило, трехслойный (встречены и образцы с хорошим обжигом). Примесь – дресва или частый песок. Один из вариантов венчиков имеет подогнутый внутрь край, с характерной ложбинкой «под крышку» (подтип 4.2); тесто таких горшков – с примесью дресвы, украшены они обычно разреженным (нанесенным инструментом с одним рабочим концом) линейным орнаментом по плечику и тулову. Сосуды с аналогичными по форме венчиками

(с такой же примесью и орнаментацией) происходят из Верхневолжского региона, где эта керамика производилась уже в домонгольский период. В Торжке в XIII в. белоглиняная посуда стала доминирующим типом керамики, бытовала и в Твери (*Коваль, Хижняков*, 2005. С. 178). Подобные сосуды часто встречались в восточной части Валдайской возвышенности. Найденная в Городце белоглиняная керамика с примесью дресвы, скорее всего, относится именно к этому типу. Другой областью с устойчивыми традициями изготовления керамической посуды из беложгущейся глины в конце XII–XIV вв. являлось Среднее и Муромское Поочье. По-видимому, в основном оттуда происходят найденные в раскопе фрагменты беложгущейся средневековой керамики с примесью песка в тесте, украшенные линейным зонным орнаментом либо сплошным «рифлением» (нанесенным инструментом с несколькими рабочими концами – типа гребенки; этот тип орнамента учитывался в таблицах статистики обобщенно как «зонный»). Встреченные венчики такой посуды относятся к типам 20 и 25. Единичные фрагменты средневековой белоглиняной керамики были украшены штампованным орнаментом (прокатанным зубчатым колесиком). Один из найденных в яме № 23 горшков (с желтовато-кремовым по цвету тестом и неполным обжигом – фрагменты от него были отнесены к категории белоглиняных) с примесью мелкозернистого песка имел венчик типа 14 с относительно высокой рифленой (в виде одного рельефного выступа) горловиной. По выступу был орнаментирован косо поставленным зубчатым штампом (инструментом типа вилки), а по плечу и тулову, тем же инструментом, - зонным линейным орнаментом. Вызывает интерес распределение беложгущейся средневековой керамики различных традиций на раскопе. В культурных напластованиях и углубленных в материк объектах (кроме заполнения ямы № 23 ниже слоя 1) количество найденных фрагментов с примесью дресвы либо только песка практически равно (соответственно, 35 и 33). Такая большая относительная доля запесоченной белоглиняной керамики фиксируется в Городце впервые. В нижних же (ниже первого) слоях заполнения ямы № 23 обломки посуды с песком в тесте – доминируют среди беложгущейся средневековой керамики (их здесь 29, а с примесью дресвы – всего 4).

Встречены фрагменты красноглиняной неполивной восточной лощёной керамики объединяющей немногочисленные фрагменты

поздних болгарских сосудов (красная общеболгарская неполивная керамика второй половины XIII – начала XV вв.). Эта керамика характеризуется тонким хорошо отмученным тестом, высокотемпературным однородным обжигом, красным цветом черепка (однородным в изломе) с подлощением стенок сосудов. Среди индивидуальных находок из керамики – мелкий обломок амфорной тары. По характеристикам теста он относится к «триллийской» группе амфор XII–XIII вв.

Анализ керамического материала позволил датировать заполнение отдельных ям более узким хронологическим периодом. В яме № 23 содержалась гончарная керамика из красножгущегося теста с преобладанием примеси мелкозернистого песка (обломки с примесью дресвы немногочисленны и относятся к единичным сосудам), высоким процентом фрагментов со штампом. Набор венчиков сосудов однороден, с небольшим разнообразием по формам и присутствием четырех типов (абсолютно доминируют горшки с венчиками типа 25, на втором месте по встречаемости сосуды с венчиками типа 20, на третьем – «горшки-кринки» - тип 14, на четвертом – подтип 24.2; венчиков типа 11 в их классическом исполнении – нет вообще). По этим признакам и по набору форм венчиков сосудов комплекс из ямы № 23 можно датировать домонгольским периодом – второй половиной XII — первой половиной XIII вв. Среди встреченных здесь фрагментов беложгущейся посуды абсолютно преобладают обломки с примесью песка. По мнению исследователей, изучавших данный комплекс, с учетом индивидуальных находок из этой ямы, материалы из неё могут стать определенным эталоном для выделения домонгольских керамических комплексов Городца.

Материалы из ямы № 34 отличаются. Среди гончарной красножгущейся керамики преобладают фрагменты с примесью дресвы, с небольшим процентом орнаментированных стенок сосудов, в частности малое число обломков со штампованным орнаментом одновременно с присутствием образцов с волнистым орнаментом. Венчики с «двойными отгибами», либо овальными в сечении губами. В заполнении ямы найдено 2 фрагмента золотоордынской краснолощеной посуды, 2 обломка русской средневековой белоглиняной керамики с примесью дресвы. По вещевому материалу и керамике можно заполнение котлована ямы можно датировать периодом второй половины XIII–XIV в.

Поздние керамические материалы представлены относительно небольшим количеством своеобразной и характерной для материальной культуры Городца и его округи, а также достаточно удалённых сельских территорий левобережья, красноглиняной керамикой позднего средневековья и нового времени. Сосуды изготовлены на ручном гончарном круге с относительно высокой скоростью вращения: преимущественно горшки, реже обломки мисок и крышек. Цвет поверхности керамики – от темно-серого до светло-бурого. Сосуды, как правило, с плохим обжигом (цвет излома – трехслойный, с темно-серой или черной полосой внутри). Формовочная масса с примесью мелкозернистого (до 1 мм) песка в различных концентрациях, с дополнениями редких по концентрации включений среднезернистого (до 2 мм) песка; нередко тесто содержит также естественные примеси в виде ожелезнений как правило содержащиеся в глине, добытой в месторождениях с естественной повышенной влажностью. Венчики горшков, как правило, валикообразные, без шейки, часто с ложбинкой-канавкой у основания венчика, переходящей в плечико через выступ-ребро. Подобные конструкции описаны в расширенной системе статистической фиксации массового материала, разработанной В. Ю. Ковалем и соотносятся с типами 36, 37, 38, 39, 41, 43. Эта категория керамики из красножгущихся глин наиболее часто встречается в напластованиях г. Городца и тяготеющих к нему сельских поселений, датирующихся XVII — первой половиной XIX вв. Керамика XVII–XIX вв. представлена и немногочисленной чернолощёной и морёной керамикой, единичными обломками поливной XVIII-XIX вв.

Проведённые археологические работы позволяют сделать следующие выводы о времени освоения исследованного участка и в целом дают дополнительные данные об истории заселения этого района средневекового города. Древнейший период освоения относится к памятнику финала эпохи бронзы – раннего железного века. Выявленные сохранившиеся средневековые культурные напластования на участке датируются широким периодом второй половины XII-XIV вв. В раскопе были исследованы остатки жилых и хозяйственных построек этого периода, со следами перепланировки территории. Период XVI-XVIII вв. отражен на раскопе не значительно - не выявлено ни одного объекта, относящегося исключительно к этому времени. Вероятно, в период XV–XVI вв., а возможно и в XVII в., территория участка не заселялась. Городище в это время в писцовом делопроизводстве начала XVII в. называется «пустым Городцом», а в

конце XVIII в. большая часть территории древнего города находилась под пашнями (*Еремин*, 1995. С. 243–254). Только к середине XIX в. появляется разреженная застройка к югу от перекрестка современных ул. Свердлова с ул. Ворожейкина и до пересечения ул. Фрунзе – Маслова с ул. Свердлова. Более широко представлены материалы XIX-XX вв., содержащиеся как в верхних напластованиях, так и в постройках данного времени, свидетельствующие об активном использовании данной площадки в позднейший период.

Литература

Грибов Н. Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.

Еремин И. О., 1995. Развитие застройки Городца на Волге в XVII – начале XX вв. // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследования, реставрация, охрана). Материалы докладов научных конференций «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». Н. Новгород.

Кирпичникова А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Кн.: Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36. Л.

Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии / Археологические памятники Москвы и Подмосковья // ТМИГМ. М. Вып. 9.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.

Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // Археология Подмосковья. М. Вып. 2.

Николаенко Т. Д., 2013. Археологическая карта России. Нижегородская область. М. Часть 3. 406 с.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

С. В. Долгополов, О. В. Новикова,
А. В. Новиков

Раскопки на ул. Маршала Новикова, дом № 17, в г. Костроме

В 2014 году Костромской археологической экспедицией в рамках аварийно-спасательных работ был заложен раскоп площадью 24 кв. м. (12x2) на участке строительства по адресу ул. Маршала Новикова, дом № 17, в г. Костроме.

Участок работ расположен в г. Костроме, на коренной террасе левого берега реки Волги, внутри квартала, ограниченного ул. Маршала Новикова, Катушечной, Калиновской и пр. Мира, в его западной части, с северо-востока от перекрестка улиц Катушечная и ул. Маршала Новикова, на нечётной стороне ул. Маршала Новикова. С северо-востока и с юго-востока участок окружён городской жилой застройкой, с юго-запада от участка – проезжая часть ул. Маршала Новикова, с северо-запада – проезжая часть ул. Катушечная (рис. 1).

Земельный участок расположен в границах объекта археологического наследия «Участок культурного слоя бывшей Кузнечной и Гашеевой слобод, у Вологодской и Галичской дорог», XIV–XVIII вв.

Ранее в близлежащей местности в разное время велись наблюдения по ул. Маршала Новикова, дома №№ 20 и 22, раскопки на участках строительства на ул. Катушечная, дома №№ 14 и 16 (*Новиков*, 2013). В результате работ был собран достаточно обширный вещевой материал, подтверждающий начало отложения культурного слоя в этой части города не позднее XVI в. Вычленен слой «черновато-серой супеси» соотнесенный с XVI–XVIII вв.

Раскоп ориентирован по направлению юго-запад – северо-восток. Перед началом работ территория раскопа имела неровную задернованную дневную поверхность с нивелировочными отметками в пределах «-2» - «+12».

Стратиграфическая картина сводится в общем к следующему виду (рис. 2):

1) Дёрн и поддерновая коричневая супесь (1–4 см)

2) Серо-коричневый пестроцвет супесь с кирпичной крошкой, углем, мусором XX в. – до 60 см.

3) Коричнево-серый пестроцвет супесь / тёмно-серая супесь (до 15 см).

4) Серо-коричнево-жёлтый пестроцвет супесь (до 20 см).

5) Тёмно-серая супесь (30–60 см).

6) Материк – жёлтый мокрый песок.

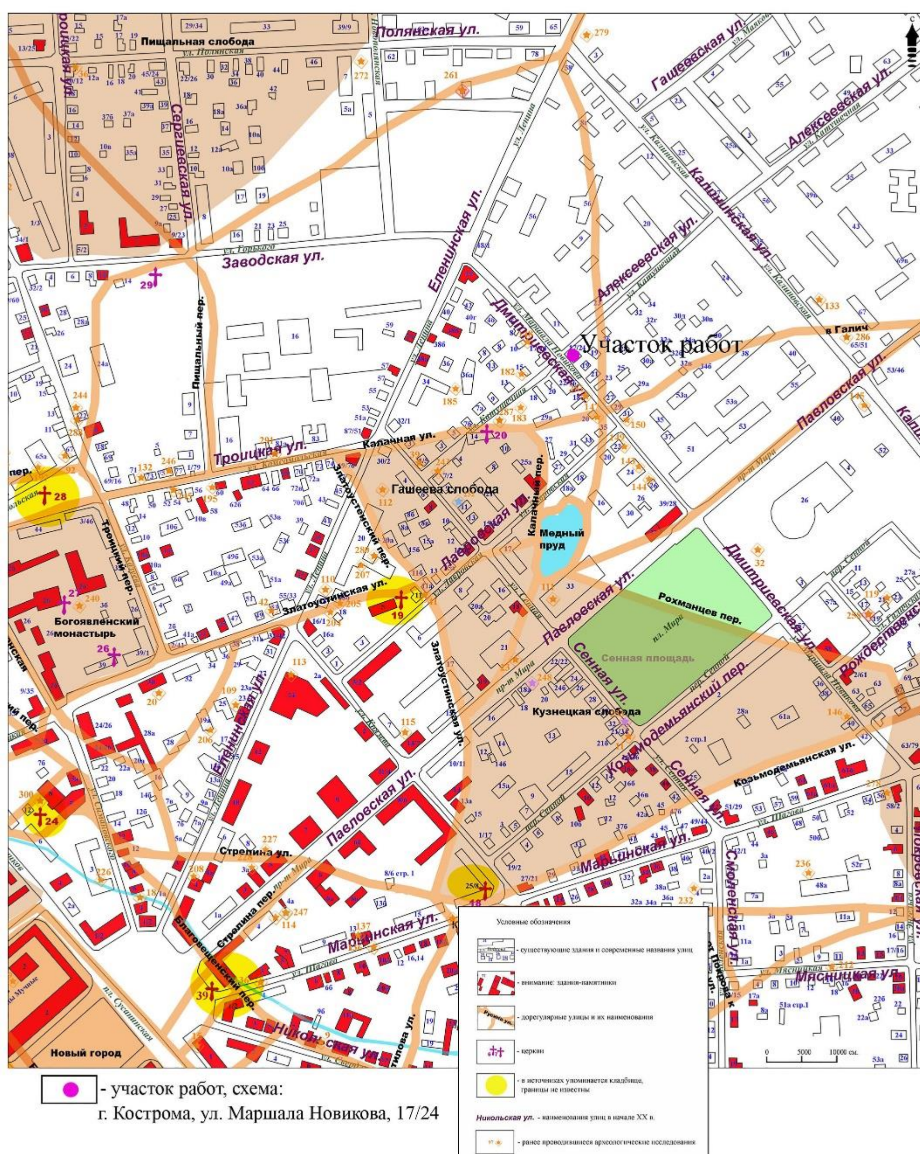

Рис. 1. Участок работ на историко-археологической карте Костромы

Мощность культурного слоя в границах раскопа составляет 80-120 см от уровня современной дневной поверхности, наблюдается понижение уровня с северо-востока на юго-запад. Уровень материка неровный в юго-западной части раскопа.

Выявлено 11 объектов. Наиболее поздними объектами являются траншея 1 в кв. А/1 и яма 1 в кв. А/2. Уже при разборке 1 пласта в слое серо-коричневого пестроцвета супеси с кирпичной крошкой, прослойками жёлтого песка, мусором XX в. в кв. А/1. обнажилось подквадратной формы пятно жёлто-коричневого песка с включениями кирпичного боя примыкающее к северо-западному краю раскопа. После разборки 2 пласта выявились контуры траншеи 1, пересекающей квадрат, сложенной из желто-коричневого песка с включениями кирпичной крошки. Траншея ориентирована по линии СЗ-ЮВ, верхняя отм. -27-(-36). Фиксируемая ширина в плане 70 см., траншея имеет продолжение в северо-западный и юго-восточный борта раскопа. На обозначенном уровне выполнена выборка заполнения траншеи до отм. -91-(-92), дно – жёлто-коричневый песок, перемешанный с кирпичной крошкой.

Стенки траншеи отвесные, дно относительно ровное. В засыпке встречаются фрагменты глиняной посуды: КГ и СГ, венчики сосудов XVII–XVIII вв.

После разборки первого же пласта в кв. А/2 фиксируются три истлевшие доски, после второго пласта фиксируются доска, связанная с одной из досок предыдущего пласта и древесный тлён. Древесный тлен в этой части прослеживается и после третьего пласта. По всей видимости, мы имеем дело с остатками какого-то позднего сарая, к котором судя по планиграфическим наблюдениям принадлежала так же и яма 1 квадратной формы, сложенной из серо-коричневого пестроцвета с бытовым мусором, древесным тлёном, углем, отчетливо оконтурившаяся после разборки пласта 4. По северо-западной и юго-западной стенкам ямы фиксируются истлевшие доски, по юго-восточной и северо-восточной стенкам ямы – следы древесного тлёна. Фиксируемые размеры ямы 115х100 см подтверждением этому является и аналогичное верхним пластам заполнение ямы. С юго-запада в кв. А/1-2 к яме примыкает вытянутое с юга на север пятно, сложенное из тёмно-серой супеси с древесным углем, фиксируемые размеры ямы 120х80 см. В южной части яма упирается в траншею № 1.

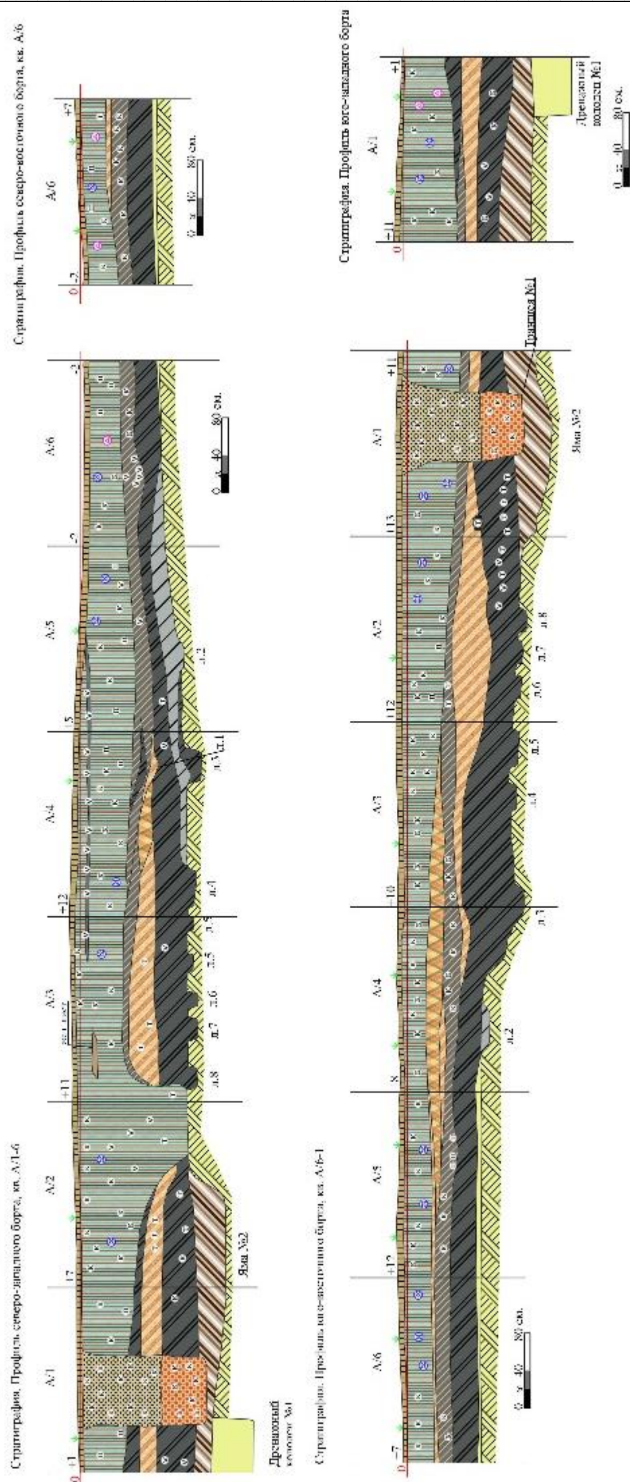

Рис. 2. Стратиграфия бортов

На обозначенном уровне выполнено сечение, затем - выборка заполнения ямы № 1, которое представлено серо-коричневым пестроцветом супесью с кирпичной крошкой, древесным тлёном, бытовым мусором. В сечении яма имеет прямоугольную форму, стенки прямые отвесные, дно ровное прямое – кирпичная кладка (красный кирпич), отм. дна -101-(-103). После выборки заполнения обнажился кирпичный пол ямы № 1, стенки ямы оконтурены досками (фиксируются следы древесного тлёна). После фиксации уровня пола кирпичный пол разобран, дно ямы – тёмно-серая супесь, отм. -110-(111), в северном углу ямы фиксируется «втоптанный» в землю кирпич (отм. -110). Назначение ямы хозяйственное. Находки из ямы представлены фрагментами глиняной посуды: КГ, Кг, фрагментами фарфоровых и фаянсовых изделий.

На уровне пласта 4 проявляется линия 1. Она пересекает кв. А4 с ССЗ на ЮЮВ, сложена из серо-коричнево-жёлтого пестроцвета с древесным тлёном (отм. 70-(-71)). Линия продолжается в северо-западный борт раскопа (в 28 см от границы кв. А/4-5) и в юго-восточный борт раскопа (в 40 см от границы кв. А/3-4), фиксируемая ширина линии 23–25 см. На обозначенном уровне выполнена выборка заполнения линии 1. После выборки заполнения дно представлено тёмно-серой супесью, отм. -73-(-80), уровень понижается с юга на север, в 60 см от северо-западной стенки раскопа в яме - незначительное круглое углубление (столбовое (?) диам. 15 см) до отм. -80. Находок нет.

После разбора 5 пласта в кв. А/4-5 на фоне материка обнажилась линия № 2, сложенная из серой супеси. Линия ориентирована аналогично разобранной выше линии № 1: ССЗ-ЮЮВ, имеет продолжение в северо-западную стенку раскопа (в 60 см северо-восточнее границы кв. А/4-5), в юго-восточную стенку раскопа (в 46 см юго-западнее границы кв. А/4-5). Отм. фиксации -85-(-93), фиксируемая ширина 26 см с расширением в кв. А/5 до 33 см. На обозначенном уровне выполнена выборка заполнения линии № 2, представленного серой супесью. После выборки заполнения дно линии представлено материком, отм. -92-(-111), понижается с юга на север. В пределах линии отмечены две столбовые ямы: первая в 27 см от северо-западной стенки раскопа, неровной округлой формы в плане, размеры 45х52 см, дно на отм. -120; вторая округлая неровная в плане, на стыке кв. А/4 и 5,

размеры 28х25 см, дно на отм. -105. Дно – материк – жёлтый песок. Находок нет.

Яма № 2 отчетливо фиксируется на уровне пласта 7, однако грунт характерный для её заполнения появляется уже после разборки 6 пласта. Заполнение в плане составное: основная часть – тёмно-серо-коричневый пестроцвет супесь, отм. фиксации -109-(-116); северо-восточная часть, в примыкание к линии № 8, представлена пятном серо-коричнево-жёлтого пестроцвета супеси (120х32-25 см); юго-западная часть, в примыкание к юго-западному борта раскопа, представлена коричнево-серым пестроцветом супесью. Форма ямы не определена, т. к. яма имеет продолжение в северо-западный, юго-западный и юго-восточный борта раскопа. Траншея № 1 впущена в яму № 2. Первый уровень выборки заполнения ямы № 2 выполнен до отм. -130-(-136), фиксируется тёмно-серо-коричневый пестроцвет супесь, отмечается подпор воды, в связи с чем в ЗЮЗ углу раскопа устроен дренажный колодец размерами 40х40 см, отм. дна -190, на материке. Затем выполнена выборка второго уровня заполнения ямы № 2 (в процессе разбора второго уровня заполнения в целях отвода воды устроен дренажный колодец № 2 размерами 30х35 см в северной части ямы, отм. дна -195), характер заполнения не изменился. Дно ямы № 2 на отм. -142-(-163), сильно неровное, представлено материком – мокрым жёлтым песком. Находки из ямы № 2 представлены фрагментами глиняной посуды: КГ, СГ, фрагментами стеклянных и фарфоровых изделий.

Линия № 3. Расположена в кв. А/3-4. Отм. фиксации -112-(-116). Ширина 15-17 см. Заполнение – тёмно-серая супесь. Дно – материк, жёлтый песок, отм. -131-(-133). Находок нет.

Линия № 4. Расположена в кв. А/3-4. Отм. фиксации -111-(-116). Ширина 23-25 см. Заполнение – тёмно-серая супесь. Дно – материк, жёлтый песок, отм. -121-(-126). Находок нет.

Линия № 5. Расположена в кв. А/3. Отм. фиксации -113-(-115). Ширина 5-10-25 см, в центральной части линия раздваивается. Заполнение – тёмно-серая супесь. Дно – материк, жёлтый песок, отм. -123-(-125). Находок нет.

Линия № 6. Расположена в кв. А/2-3. Отм. фиксации -115-(-116). Ширина 10 см. Заполнение – тёмно-серая супесь. Дно – материк, жёлтый песок, отм. -131-(-133). Находок нет.

Линия № 7. Расположена в кв. А/2-3. Отм. фиксации -115-(-116). Ширина 20-22 см. Заполнение – тёмно-серая супесь. Дно – материк, жёлтый песок, отм. -127-(-128). Находок нет.

Линия № 8. Расположена в кв. А/2-3. Отм. фиксации -115-(-111). Ширина 20-23 см. Заполнение – тёмно-серая супесь. Дно – материк, жёлтый песок, отм. -129-(-134). Находок нет.

Таким образом, при разборе 1-3 пластов грунт представлен серо-коричневым пестроцветом супесью с кирпичной крошкой, углем, пятнами песка и современным мусором. Пласт 4 представлен коричнево-серым пестроцветом супесью и серо-коричнево-жёлтым пестроцветом супесью, пласт 5 – тёмно-серой супесью, пласт 6 – тёмно-серой и серой супесью, пласт 7 - разбор ямы № 2 и линий №№ 3-8. Всего в раскопе выявлено 2 ямы хозяйственного назначения, 8 линий хозяйственного неопределенного назначения, одна траншея фундамента.

В целом слой на участке подвергался сильному длительному антропогенному воздействию, имеет значительные нарушения.

В процессе разбора 1-6 пластов и выборки заполнения ям была получена коллекция вещевого материала, включающая в себя как индивидуальные находки (19 предметов из цветных и чёрных металлов, стекла, глины, фарфора, камня), так и массовый материал (фрагменты керамической посуды, не имеющие явно выраженного индивидуального облика, кованые железные гвозди, фаянс, фарфор, стекло).

Всего обнаружено 188 предметов. Соотношение находок по глубине залегания: 1 пласт – 22 (12 %), 2 пласт – 21 (11 %), 3 пласт – 43 (23 %), 4 пласт – 41 (22 %), 5 пласт – 22 (12 %), 6 пласт – 7 (4 %), остальные находки происходят из ям №№ 1 и 2, траншеи № 1.

74 % всех полученных находок составляют фрагменты глиняной посуды (140 фрагментов). Изделия из других материалов представлены в незначительном количестве: стекло – 3, фарфор – 16, фаянс – 19, железо – 3.

Подробная статистика массового материала представлена в таблице 1.

Наиболее уникальной находкой для этого раскопа является сланцевый нательный четырехконечный крест (размер 5х4,4 см), т. н. «корсунский» с прочерченным изображением семиконечного голгофского креста. Перекладины прямоугольной формы,

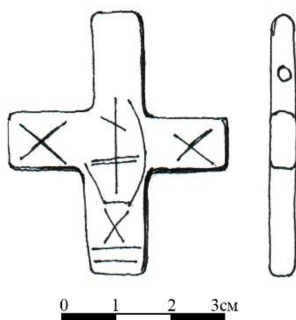

Рис. 3. Каменный нательный крест с изображением семиконечного голгофского креста

вертикальные несколько больше горизонтальных. С торца имеется сквозное отверстие для подвешивания. На лицевой стороне креста имеется граффити: в средокрестии – семиконечный крест в овальной рамке, под ним кириллическая литера «г» на концах перекладин косые кресты. Над крестом поясок из двух горизонтально прочерченных линий, поверх них вязью (одна буква переходит в другую) ХСС. Поверхность гладкая, шлифованая. Кресты каменные данного типа распространены широко. Опираясь на хронологию новгородских древностей Б. А. Колчина, датируются в основном в границах конца XI-XIV вв (*Колчин*, 1958. С. 106, рис. 8). Изображение голгофского восьмиконечного креста на предмете личного благочестия представляется результатом вторичного использования предмета, когда его изображения становятся распространенными на Руси в христианской иконографии. Отмечено частое появление форм восьмиконечного креста на иконах северного письма, например, псковской школы XV в. С. В. Гнутова и Е. Я. Зотова указывают, что в иконографии меднолитых нательных крестов утверждение голгофского креста связана со старообрядцами-поморами, «признававшими за истинный только восьмиконечный крест» (*Гнутова, Зотова*, 2000. С. 18). Найден в переотложенном состоянии в 1 пласте.

Изделия из стекла представлены горлышком флакона голубого цвета (пласт 5, кв. А/4); стенкой бутылки желтого цвета, с рельефными буквами «Е.Г.»; бутылкой целой формы, высота 20 см, винная, прямая, тулово цилиндрическое, горлышко высокое, тонкое, с широким валикообразным утолщением на конце; стекло зеленого цвета, прозрачное.

Фарфоровые и фаянсовые изделия найдены в 1-5 пластах – это фрагменты чашек, тарелок, блюдец. Некоторые фрагменты имеют сохранившиеся клейма (части клейм):

№ 132 – фрагмент фарфорового блюдца белого цвета с зелеными и золотистыми тонкими радиальными полосами (яма № 2). На дне клеймо коричневого цвета: изображение герба (орел), под ним овал с надписью внутри *«Фабрика въ Дулеве М. С. Кузнецова»;*

№ 21 – дно фарфоровой чашки белого цвета, на дне стершееся клеймо (двуглавый орел, ниже надпись «Кузнецова») (пласт 2, кв. А/1);

№ 36 – дно фарфорового блюдца (пласт 2, кв. А/4): без стенок, белого цвета, часть клейма зеленого цвета: часть герба и буквы в три строчки «Т-во» «М. С.» «…ра»;

№ 54 – дно фарфорового блюдца (пласт 3, кв. А/3): белого цвета, на дне часть круглого клейма коричневого цвета. Плохо читаемая надпись по кругу *«…С. Кузнецов»*

Клейма привязывают фарфоровую и фаянсовую посуду к двум фабрикам товарищества М. С. Кузнецова: в селе Дулеве Покровского уезда (крупнейшая из гжельских XIX в.), принадлежавшей товариществу с 1889 и «Фабрикой М. С. Кузнецова в Твери», располагавшейся в с. Кузнецове Корчаевского уезда, принадлежала товариществу Матвея Сидоровича Кузнецова с 1870. Изделия обоих фабрик экспонировались на многих выставках, удостоены наград, в 1902 г. владельцу фабрик пожаловано звание Поставщика Двора Его Императорского Величества (*Фарфор и фаянс*…, 2002. С. 403).

Железные изделия собраны при разборе 1 и 5 пластов. Это кованые, квадратные в сечении, строительные гвозди длиной 4,7-8,7 см.

В число изделий из глины входят найденные в 1 и 2 пластах фр-та красноглиняных изразцов, покрытых белой поливой, с синим растительным рисунком обычные для времени конца XIX - начала XX вв.

Основной категорией находок, полученных в раскопе, являются фрагменты глиняной посуды. Вся полученная керамика – круговая. По признакам уровня развития функции гончарного круга подавляющее большинство отнесено к группе 3 по В. Ю. Ковалю (керамика, целиком или частично сформованная вытягиванием) (*Коваль*, 2014. С. 489–571).

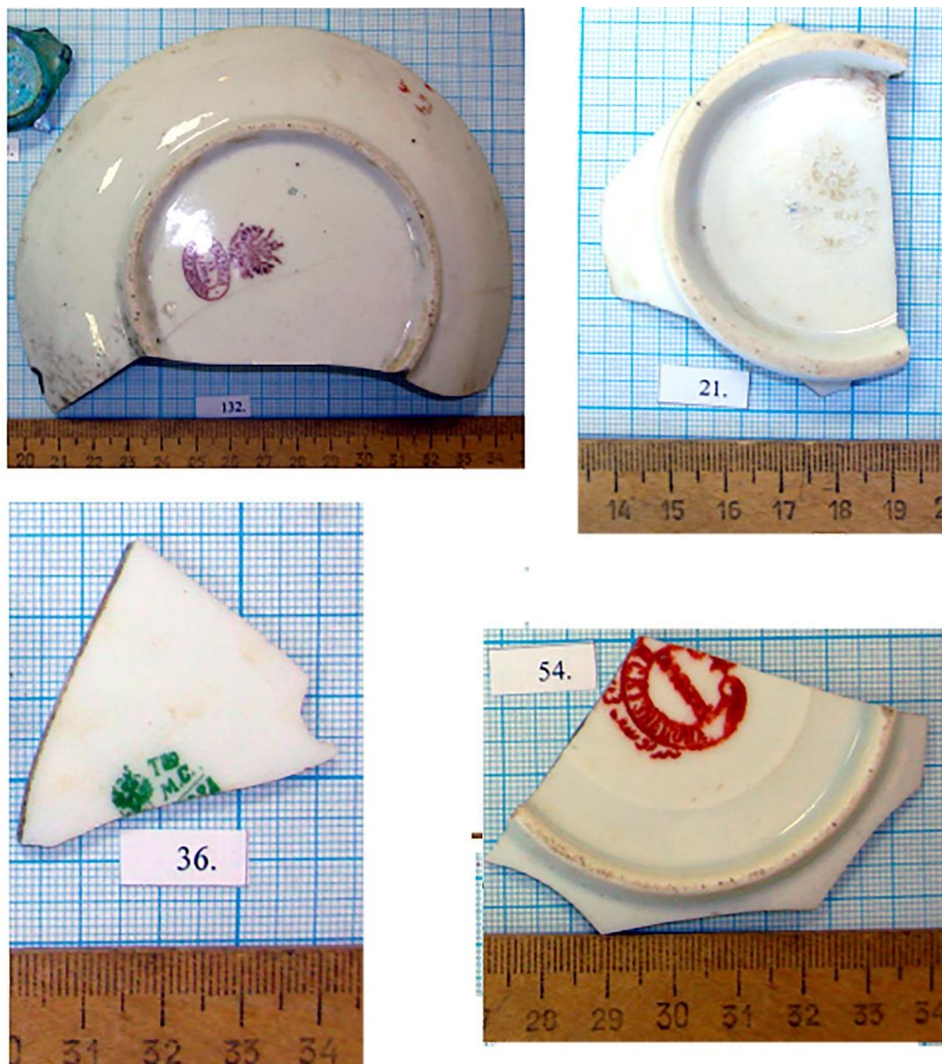

Рис. 4. Клейма на фарфоровой посуде

Ниже приводится описание методики статистической обработки керамического массового материала, основанной на методических рекомендациях, выработанных В. Ю. Ковалем (*Коваль,* 2014. С. 493–494). Алгоритм статистической обработки керамического комплекса включал следующие операции: 1. Разделение массива керамики по цвету поверхности и излому черепка, с учетом способа обработки поверхности последнего. Для керамики окислительного обжига цвет определялся как

красноглиняный (КГ). Керамика восстановительного обжига - серого или черного цвета поверхности, определялась как сероглиняная (на изломе черепок может быть серым или коричневатым, при полном обжиге) (СГ); 2. Разделение керамики на технологические группы по составу примесей в формовочной массе; 3. Фиксация особенностей обработки поверхности сосудов, а так же группировка разновидностей венчиков горшков, проведенная на базе учета их конструктивных схем и способов формовки края. 4. Разделение керамики по признакам наличия или отсутствия дополнительной обработки поверхности (ДОП). Поверхность всей круговой керамики обрабатывалась машинным или ручным заглаживанием, но в эпоху Средневековья лишь небольшая её часть обрабатывалась ещё и дополнительно специальными инструментами и / или материалами. Таким образом, выделяются две подгруппы – керамика без ДОП и керамика с ДОП (в последней предлагаются как минимум три серии – с лощением, ангобированием или глазурованием).

Порог размерности обломков керамики при фиксации – 1х1 см.

Для удобства названия групп керамической посуды в таблицах и в тексте сокращались. Полные названия групп и сокращения приведены ниже.

В раскопе были выделены следующие группы керамической посуды:

1) Красноглиняная глазурованная посуда (Кг). Тесто без грубых примесей. Обжиг изделий качественный. Полива глухая или прозрачная, с типичной для русских изделий цветовой гаммой кирпично-красного, коричневого, желтого или зеленого цветов. Кг – 74 фр., первая по численности группа (53 %).

2) Красноглиняная гладкая керамика (КГ). Поверхность ровная, хорошо заглажена. Тесто хорошо промешано, без грубых примесей, обжиг качественный; черепок плотный, звонкий. Изнутри, снаружи и в изломе фрагменты ровного, кирпично-красного или коричневатого цвета. КГ – 47 фр., вторая по численности группа керамики, составляет 34 % от общего количества керамики, собранной в раскопе.

3) Сероглиняная гладкая керамика (СГ). Поверхность ровная, хорошо заглажена. Тесто хорошо промешано, без грубых примесей (в большинстве случаев примесь песка фиксируется визуально), обжиг качественный; черепок плотный, звонкий. Изнутри, снаружи и

в изломе фрагменты ровного, серого, черного или коричневатого цвета. Поверхность сосудов иногда покрыта нагаром и копотью. СГ – 10 фрагментов.

4) Сероглиняная чернолощеная керамика (ЧЛ) и сероглиняная серолощеная керамика (СЛ). Внешняя поверхность фрагментов имеет следы лощения черного или серого цвета. Тесто хорошо промешано, обжиг качественный; черепок плотный, звонкий. Изнутри и в изломе фрагменты ровного, серого цвета. ЧЛ – 3 фрагмента, СЛ - 2 фрагмента.

Кг керамика преобладает в 1–4 пластах (распределение ровное), отсутствует в 5 и 6 пластах, СЛ и ЧЛ керамика встречена в небольшом количестве в 3, 4 и 6 пластах.

Венчиков сосудов (учитывались все края посуды) собрано 38, разделены на 3 условные группы по рабочей классификации, используемой Костромской археологической экспедицией:

Группа I. В группу включены только глазурованные сосуды. Как правило, все они без выраженной шейки, тулово сильно округлое и выпуклое, с наибольшим расширением в верхней части. Посуда данной группы датирована XVIII–XIX вв.

Группа I а. Красно- и сероглиняная гладкая, а также мореные сосуды без искусственных примесей или с примесью мелкого песка (Кг – I гр.). Все они характеризуются отсутствием выраженной шейки, сильно округлым и выпуклым туловом с наибольшим расширением в верхней части сосуда (чаще всего аналогичны по форме группе I). Иногда на плечике имеется орнамент в виде косых и овальных насечек - элемент, характерный для начального этапа бытования посуды этого типа в Костроме. Посуда круговая. Диаметр венчика в среднем 24 см. Конец XVII–XVIII вв.

Группа II. Хорошо профилированные красно- и сероглиняные горшки большого размера без искусственных примесей, часто обработанные в технике лощения. Край венчика отогнут наружу и несколько загнут вниз. Диаметр по венчику в среднем 15 см, иногда он имеет посередине утолщение. Шейка высокая округлая, с наклоном внутрь. Плечо высокое округлое. Керамика плотная, в изломе чаще однослойная. Посуда круговая. Толщина стенок до 9 мм. Орнамент фактически отсутствует или читается в виде волны и линий, нанесенных посредством лощения на гончарном круге. XVI-XVII вв.

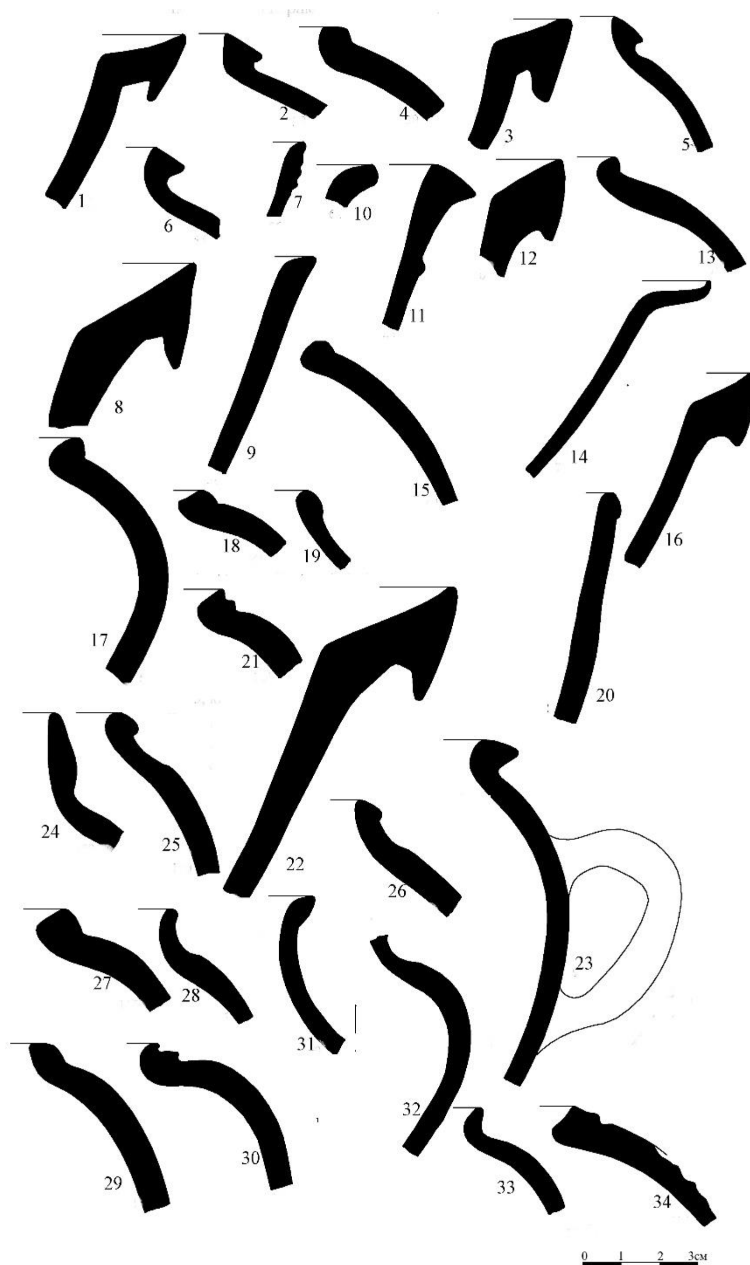

Рис. 5. Профили венчиков керамической посуды (пласт 1-1, пласт 2 – 2-4, пласт 3 – 5-2, пласт 4 – 13-20, пласт 5 – 24-28, пласт 6 – 29-30, яма 1 – 21-23, яма 2 – 31,траншея 1 – 32-34; красноглиняная глазурованная керамика – 1-3,5-8,10-12,14,16,22, красноглиняная керамика – 4,13,17-19,21,23-30,32-33, серолощеная керамика – 9, сероглиняная керамика – 15,31,34).

Статистика распределения венчиков по группам и слоям в таблице 2.

Основная масса венчиков датирована XVII–XVIII вв. Наиболее ранние венчики отнесены к XVI–XVII в.

По формам наиболее часто встречаются горшки. Собраны также мисы, сосуды баночного типа, кувшины, гусятница, кастрюлька.

Днищ сосудов собрано 20, из них Кг – 15, КГ – 4, СГ – 1. Крышки сосудов – 2, обе КГ. Ручки сосудов – 7, из них 6 – Кг, 1 – КГ. Остальные – стенки сосудов.

Таким образом, полученный вещевой материал не выходит за рамки второй половины XVI–XX вв.

***

Анализ вещевого материала из раскопа показывает, что основной датирующей группой находок являются фрагменты и целые формы стеклянной посуды, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, некоторые из которых имеют сохранившиеся клейма конца XIX - начала XX в. Нумизматическая коллекция представлена 4 сильно коррозированными медными монетами XVIII и XX вв. Следующими по достоверности можно считать фрагменты глиняных сосудов, выполненных в различной технике, а также фрагменты венчиков горшковидных сосудов, выбранные как из ям, так и из слоев раскопа, венчики сосудов представлены с XVII в. В результате статистической обработки вещевого материала следует, что 53 % всей собранной керамики – Кг, 34 % - КГ, остальные типы посуды представлены в небольшом количестве. При этом Кг керамика преобладает в 1–4 пластах (распределение ровное), отсутствует в 5 и 6 пластах, СЛ и ЧЛ керамика встречена в небольшом количестве в 3, 4 и 6 пластах.

В целом культурный слой на участке работ подвергался длительному антропогенному воздействию, в связи с чем образовались многочисленные сложные пестроцветы, перекопы, в переотложенном состоянии находятся находки.

Соотношение выявленных напластований представлено в таблице 3.

Наиболее ранние отложения на участке – слои серой и тёмно-серой супесей, сформированные в конце XVI–XVII вв. В этот период участок втянут в состав городских территорий. В дальнейшем здесь осуществлялась непрерывная активная градостроительная деятельность, в

результате которой сформированы вышерасположенные отложения. Насыщенность участка работ находками средняя. В целом культурный слой на участке имеет значительные повреждения, но наиболее ранние отложения XVI-XVII вв. сохранились хорошо. Работы сильно осложнялись из-за постоянного подпора грунтовых вод. В раскопе выявлено 11 объектов, из них концом XVI в. датирован 1 объект (линия № 2), XVII вв. – линии №№ 3–8, в XVIII-XIX вв. сформированы линия № 1 и яма № 2, XX в. датированы яма № 1 и траншея № 1.

Участок расположен на месте разрастания городских территорий по направлению дорегулярных Вологодской и Галичской дорог. После реализации регулярного плана застройки Костромы с конца XVIII в. участок находится на перекрестке Алексеевской и Дмитриевской улиц. Работы подтвердили перспективность дальнейших археологических изысканий в микрорегионе.

Литература

Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес. 124 с.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.

Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // Советская археология. № 2. С. 92–111.

Новиков А. В., 2013. Научный отчёт о выполненных археологических раскопка в г. Костроме в 2013 г. // Архив ИА РАН.

Фарфор и фаянс…, 2002. Фарфор и фаянс Российской империи. Описание фабрик и заводов с изображением фабричных клейм. / Сост. А. В. Селиванов. М.: Изд-во Ирины Касаткиной. 438 с.

Приложение

Таблица 1.

Раскоп на Маршала Новикова, 17
Находки
Сводные статистические сведения

Место-нахождение	Всего находок	КГ	СГ	СЛ	ЧЛ	Кг	стеклянные предметы (фр-ты)	фарфоровые изделия (фр-ты)	фаянсовые изделия (фр-ты)	железные изделия	другие находки
1 пласт	22	3	2			7		1		2	6
2 пласт	21	5				10	2	2			2
3 пласт	43	2		1		23		5	2		5
4 пласт	41	11	3		3	16	1	4	4		
Яма №1	24	1				18		3	2		
5 пласт	22	17					1		2	2	
6 пласт	7	4	2	1							
Яма №2	4	2	1				1	1			
Траншея №1	4	2	2								
ИТОГО	188	47	10	2	3	74	5	16	10	4	13

Таблица 2.

Раскоп на ул. Маршала Новикова, д. 17. Венчики сосудов
Сводные статистические сведения

Местонахождение	Всего	Iгр.	I-а гр.	II гр.	мисы	бан. типа	кувшины	др.
1 пласт	1				1			
2 пласт	3	2			1			
3 пласт	8	2			4		1	1 гусятница
4 пласт	10	1	3	2	3	1		
Яма №1	3		1		1			1 кастрюлька
5 пласт	5		1	3				
6 пласт	4		3	1				
Яма №2	1						1	
Траншея №1	3		3					
ИТОГО	38	5	11	6	10	1	2	2

Таблица 3.

Соотношение выявленных напластований
в раскопе по адресу: г. Кострома, ул. Маршала Новикова, д. 17

<table>
<tr><th>Глубина</th><th colspan="2">Наименование слоя</th><th>Объекты/ назначение</th><th>Вещевой материал/включения в слой</th><th>Датировка</th></tr>
<tr><td rowspan="2">1 пласт</td><td rowspan="4">Серо-коричневый пестроцвет с современным мусором</td><td rowspan="2"></td><td>1 пласт</td><td>КГ, СГ, Кг, фарфор, железо, коррозир. Монеты, изразец</td><td rowspan="4">XX-XXI вв.</td></tr>
<tr><td>Траншея №1 / траншея фундамента</td><td>КГ, СГ, I-а гр. венчики</td></tr>
<tr><td>2 пласт</td><td></td><td>Яма №1 / хозяйственная</td><td>КГ, Кг, фарфор, фаянс, венчики гр. I-а</td></tr>
<tr><td>3 пласт</td><td rowspan="4">Коричнево-серый пестроцвет супесь</td><td>3 пласт</td><td>КГ, СЛ, Кг, фарфор, фаянс</td></tr>
<tr><td rowspan="3">4 пласт</td><td rowspan="3">Серо-жёлто-коричневый пестроцвет супесь</td><td>4 пласт</td><td>КГ, СГ, ЧЛ, Кг, стекло, фарфор, фаянс</td><td rowspan="3">XVIII-XIX вв.</td></tr>
<tr><td>Линия 1 /неопределенное хозяйственное</td><td>-</td></tr>
<tr><td>Яма №2 / хозяйственная</td><td>КГ, СГ, стекло, фарфор</td></tr>
<tr><td rowspan="2">5 пласт</td><td colspan="2" rowspan="2">Тёмно-серая супесь</td><td>5 пласт</td><td>КГ, стекло, фаянс, железо</td><td rowspan="2">XVII в.</td></tr>
<tr><td>Линии 3-8 /неопределенное хозяйственное</td><td>-</td></tr>
<tr><td>6 пласт</td><td colspan="2">Серая супесь</td><td>6 пласт</td><td>КГ, СГ, СЛ</td><td>к. XVI – XVII вв.</td></tr>
</table>

Д. А. Кабаев, Е. В. Очеретина

Городской некрополь древнего Владимира на территории Патриаршего сада: варианты погребального обряда

Городские некрополи являются одной из важных категорий археологических памятников. Любой древнерусский город имел некрополь, в крупных городах их было несколько. Большие городские кладбища, как правило, связанные с христианскими храмами, исследованы во многих древнерусских городах.

Владимир-на-Клязьме – столица Владимиро-Суздальского княжества, крупный древнерусских город, вероятно, должен иметь несколько городских некрополей. Несмотря на то, что Владимир археологически изучается много десятилетий различными исследователями, ни одно древнее городское кладбище открыто не было. Впервые древний городской некрополь, существовавший на протяжении нескольких столетий, исследован в 2016–2017 гг. при проведении охранных археологических раскопок на территории Патриаршего сада.

Патриарший сад расположен в юго-западной части Нового города – западной части древнего Владимира. С запада и юго-запада его территория примыкает к Козлову валу – части древнерусских оборонительных сооружений города. Сам он расположен на склонах рельефной впадины с перепадами высот от 15 до 33 м. К северу от Патриаршего сада находится церковь Спаса (1778 г.), существовавшая здесь с XII в. По предположению Н. Н. Воронина она была частью княжеского двора Андрея Боголюбского (*Воронин*, 1961. С. 200). При церкви Спаса в конце XII – начале XIII вв. возник монастырь. Спасский Златовратский монастырь просуществовал до XVIII в. Начиная с XVI в., в письменных источниках к юго-западу от Спасского монастыря упоминается сад. На протяжении веков сад носил названия Патриарший, Синодальный, Архиерейский, Сад им. 16 союзных республик. С начала XX в. здесь располагался питомник редких сортов растений, опытная станция юных натуралистов, сейчас - учреждение дополнительного образования «Станция юных натуралистов». В 2005 г. саду было возвращено историческое название «Патриарший», в 2013 г. – принято решение о его реконструкции. В рамках реконструкции Патриаршего сада проведены охранные

археологические работы в 2014, 2016-2017 гг. Методом археологических раскопок исследована площадь около 3000 м².

В 2016-2017 гг. археологические работы проводились в южной части Патриаршего сада. Археологические раскопки предприняты в преддверии строительных работ и прокладки коммуникаций к построенным зданиям. На исследуемой территории заложено 9 раскопов, в четырёх из них зафиксированы захоронения, могильные ямы, скопления разрозненных антропологических останков. Таким образом, на мысу, образованном южным склоном левого берега Клязьмы и склоном рельефной впадины, открыт и исследован городской некрополь (*Кабаев*, 2017; *Кабаев*, 2018; *Очеретина*, 2018).

Рис. 1. Схема территории Патриаршего сада в г. Владимир с указанием археологических раскопов и местоположения исследованного могильника.

На основании полученных материалов можно локализовать территорию некрополя. Границы кладбища определяются с разной степенью достоверности. Наиболее объективные данные в тех частях, где могильник ограничен естественными крутыми склонами рельефной впадины и левого берега Клязьмы. Южная, юго-западная и западная границы определены приблизительно по наличию и отсутствию могильных ям. Захоронения и могильные ямы зафиксированы на площади не менее 1000 м². Примерные размеры могильника: по оси ЮЗ-СВ – 40 м, по оси СЗ-ЮВ – 25 м (Рис. 1).

В ходе работ исследовано 160 захоронений: 83 - располагались в толще культурных отложений, 77 - заглублены в материк в могильных ямах. Захоронения расположены в 3 яруса. Это свидетельствует о том, что некрополь существовал долгое время.

Поздние захоронения зафиксированы в толще культурного слоя, поэтому их могильные ямы практически не прослеживаются. Все захоронения совершены по христианскому обряду: вытянутые на спине трупоположения, ориентированные головой на запад, с тем или иным отклонением к югу. Большинство захоронений без инвентаря.

Отнесение захоронений к позднему хронологическому периоду происходит по находкам обломков могильных плит. На склоне мыса найдена плита, полностью сохранившаяся, но расколотая на 3 фрагмента, из обработанного белого камня, правильной прямоугольной формы, гладкая, без каких-либо украшений поверхности. Длина плиты 200 см, ширина 65 см, толщина 9 см. По мнению Л. А. Беляева, «как господствующий вид каменного надгробия плоская плита, по размеру примерно соответствующая могильной яме или гробу появилась на Руси в XIII в., причем ближе к его середине. В домонгольское время она практически неизвестна» (*Беляев*, 1996. С. 34). Плиты, подобные найденной, относятся по периодизации Л. А. Беляева к первому этапу (середина XIII – конец XIV вв.) (*Беляев*, 1996. С. 35). В культурном слое на территории могильника найдены многочисленные фрагменты намогильных плит с орнаментом в виде врезанных треугольников («волчий зуб»). По мнению Т. Д. Пановой, они датируются второй половиной XIII – началом XIV вв. (*Панова*, 2004. С. 113). Л. А. Беляев считает, что плиты с подобным орнаментом существовали на протяжении XIV–XV вв. (*Беляев*, 1996. С. 35).

В одном из захоронений, располагавшемся в толще культурного слоя, найдена керамическая рифленая елейница (слезница), покрытая желтой поливой. Обычай помещения сосудов в погребения, совершенные по православному обряду, связан с таинством соборования. По археологическим данным, в Москве глазурованные елейницы начали изготавливать в XV в. (*Коваль*, 2018.С. 427; *Панова*, 2004. С. 156, рис. 52 б).

Таким образом, поздние захоронения исследованного некрополя датируются периодом второй половины XIII–XV вв. По мнению С. З. Чернова, «именно в этот период на русском Северо-Востоке повсеместно распространяется каноническая форма христианского захоронения, что связано с проникновением православного вероучения и обрядовой практики в толщу народной жизни» (*Чернов*, 1991. С. 73).

Ранние захоронения исследованного некрополя расположены в могильных ямах, заглублённых в материк. Подавляющее большинство ранних захоронений совершено по христианскому обряду: вытянутые на спине трупоположения, руки скрещены в районе таза или на груди, ориентированы головой на запад, с некоторым отклонением к югу, без погребального инвентаря.

При преобладании христианской обрядности в этих захоронениях зафиксированы черты иных вариантов погребального обряда. Захоронения с сохранившимися фрагментами погребальной одежды.

В 15 захоронениях исследованного могильника найдены сохранившиеся фрагменты погребальной одежды. Коллекция деталей древнерусской одежды насчитывает 18 изделий: 3 очелья, 13 фрагментов воротничков и 2 нагрудника.

По технике исполнения 13 изделий из золототканой тесьмы, 5 изделий из шелковой ткани с вышивкой золотными нитями.

Большая часть воротничков и очелья изготовлены из золототканой тесьмы. Геометрические орнаменты: елочка, плетенка, диагональные полосы, ритмичный орнамент в виде крестов, покрывают всю поверхность ленты. Золотканые ленты были в обиходе у населения древней Руси в течение XI–XIII вв. Ими обшивали ворот платья и обшлага рукавов, украшали головные уборы.

Несколько реже в исследованном могильнике встречаются изделия из шелка, украшенные вышивкой золотными нитями, хотя на Руси подобная вышивка была распространена. «Для декоративного оформления одежды применялись гладкие одноцветные наиболее дешевые сорта привозного шелка, которые украшались местными вышивальщицами различными узорами. Основным материалом для шитья служили золоченые серебряные нити, поступавшие на русский рынок из Византии и стран Ближнего Востока» (*Фехнер*, 1976. С. 222). На найденных в могильнике фрагментах погребальной одежды на плотной шелковой ткани выполнена вышивка «вприкреп», при которой золотные нити накладывались на поверхность ткани и прикреплялись к ней шелковой нитью еле заметными стежками (*Фехнер*, 1976. С. 224). Вышиты различные орнаменты: плетенка из растительных побегов, «древо жизни», круглые медальоны, символизирующие солнце.

Найденные в захоронениях могильника детали погребальной одежды говорят о достаточно высоком статусе похороненных людей, поскольку как золототканая тесьма, так и вышитые изделия – предмет импорта из Византии, Ближнего Востока, Испании.

В некоторых деталях одежды присутствует выразительная христианская символика. Особенно выделяется комплекс погребальной одежды из захоронения женщины 30–35 лет, состоящий из очелья, фрагмента воротника, представляющими собой золототканую ленту, а также двух нагрудников (Рис. 2). На одном из них на шелковой ткани вышиты 3 медальона. В боковых медальонах – птицы, в центральном – процветший крест. В христианской символике птицы, расположенные около процветшего креста, символизируют райский сад, Воскресение. На другом нагруднике вышито поясное изображение Богородицы с поднятыми в молении руками, справа от нее – архангел Михаил. Это часть сюжета Богоматерь Оранта с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом – иконографический тип Богородицы, распространенный в Византии и Древней Руси.

Более подробно коллекция погребальной одежды из некрополя Патриаршего сада описана в статье «Детали древнерусской одежды из могильника на территории Патриаршего сада» (*Очеретина*, *Кабаев*, *Володина*, 2018. С. 175–183).

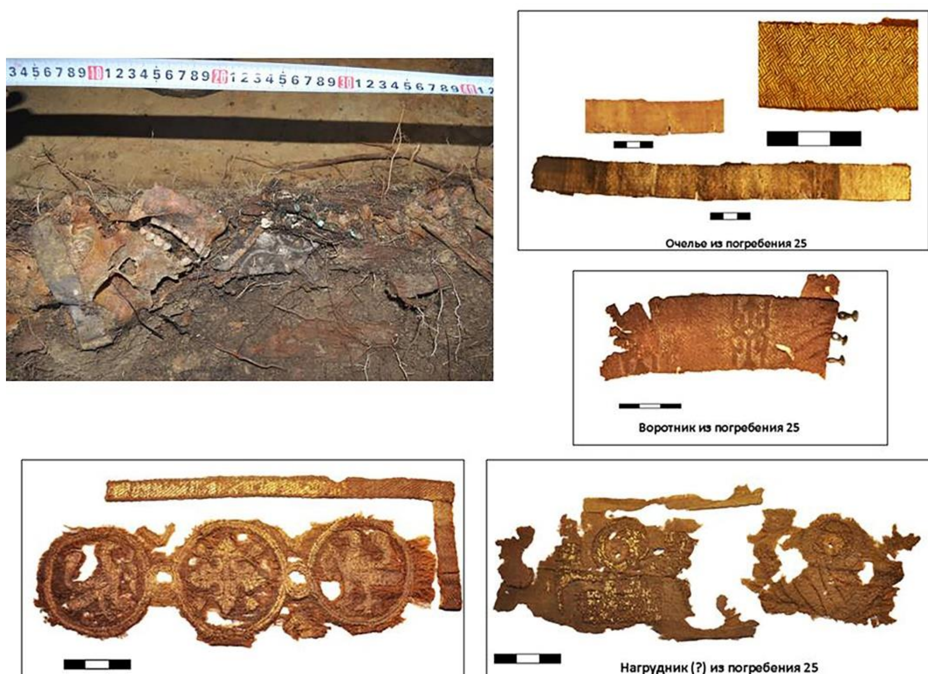

Рис. 2. Комплекс фрагментов погребальной одежды с христианской символикой.

Захоронения с «каменными подушками» под головой

В 8 захоронениях исследованного могильника зафиксированы «каменные подушки» - плоские небольшие камни-валуны в могильных ямах (в 7 случаях – под головой, в 1 – в ногах).

На Руси этот обычай хорошо известен. В древнерусских могильниках XI–XIV вв. многих городов находят захоронения с «каменными подушками» (*Макаров*, 1981). Традиционное толкование обряда состоит в том, что «каменные подушки» рассматриваются как символ умерщвления плоти, а погребения интерпретируются как монастырские (монашеские).

Несколько иную трактовку обряда с точки зрения библейских сюжетов предлагает Л. А. Беляев. С его точки зрения, помещение «каменной подушки» в могилу представляет собой моделирование библейских сюжетов (спящего Иакова с плоским камнем под головой, увидевшего во сне лестницу в небо, с двигающимися по ней ангелами и стоящим наверху Богом) в захоронениях монахов (*Беляев*, 2011. С. 72–84).

Существует также утилитарное толкование помещения «каменной подушки» в могилу для устойчивого размещения головы покойного. Так или иначе, обряд захоронения с «каменной подушкой» связан с христианской погребальной обрядностью.

Захоронение в бересте

В одном из захоронений, исследованных в 2017 г., была обнаружена береста. Погребённый обернут берестой и затем положен в гроб, береста также лежала сверху на гробе (Рис. 3).

По мнению Т. Д. Пановой, «использование бересты в городских христианских погребениях периода средневековья является пережитком языческого обряда захоронения». «Эта деталь бытует в городских захоронениях длительное время с XII в. до XVII-XVIII вв.» (*Панова*, 2004. С. 147). Считается, что данный обряд захоронения встречается в зонах контактов с финно-угорскими народами, использовавшими бересту в погребальном обряде.

Несколько другую трактовку захоронению в бересте, исследованному в могильнике на территории Кремля г. Дмитрова

Рис. 3. Захоронение с берестой.

даёт А. В. Энговатова. По её мнению, «необычными для данного некрополя чертами погребальной обрядности подчеркивается принадлежность погребённой (захоронение девочки) к некоему знатному роду» (*Энговатова*, *Гончарова*, 2002. С. 211).

Захоронение с берестой в исследованном в Патриаршем саду могильнике по сохранившемуся инвентарю не являлось рядовым. Возможно, обёртывание погребенного в бересту подчеркивало этот факт.

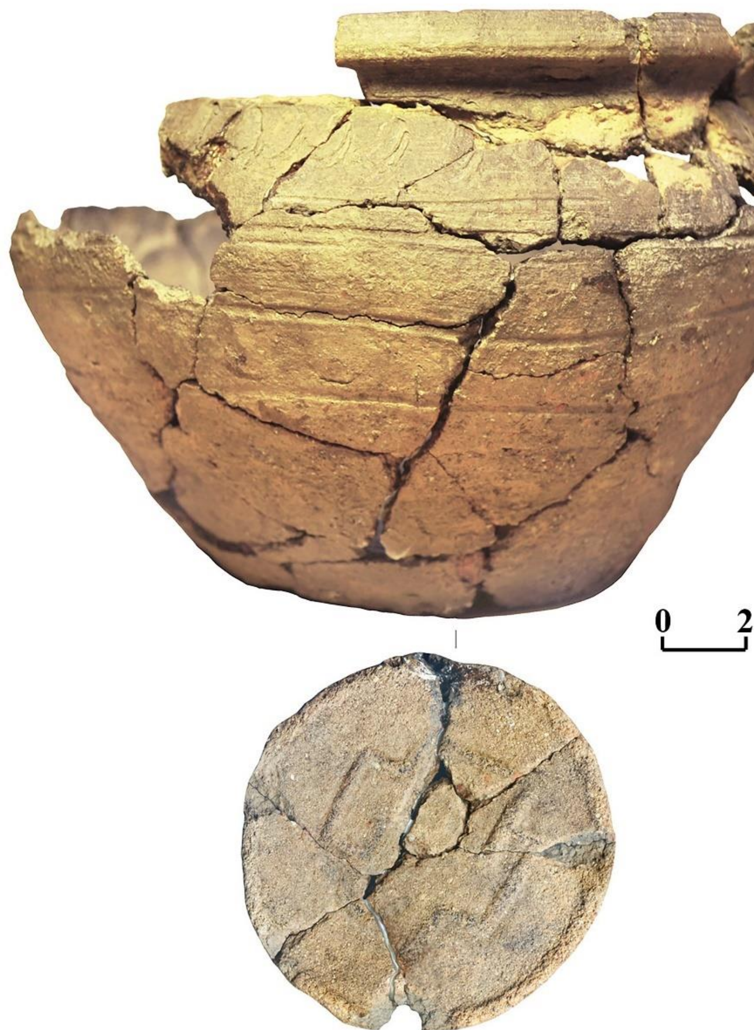

Рис. 4. Ритуальный горшок из захоронения.

Захоронение с ритуальным сосудом

В 2016 г. исследовано погребение мужчины 65–70 лет, выполненное по христианскому обряду. Около берцовой кости правой ноги в могильной яме обнаружен развал горшка. Его удалось реконструировать. Это горшок небольших размеров (H=10,8 см, D=14 см, d=9 см), изготовленный из красно-жгущейся глины с грубыми примесями крупной дресвы, шамота и песка, имеет неполный окислительно-восстановительный обжиг. Профиль горшка несколько ассиметричный. Венчик, эсовидный со срезанным краем, представляет общерусский тип керамики домонгольской эпохи. Стенки горшка толстые (0,5-0,8 см), украшены орнаментом 2 х видов: многорядная волна на шейке, разреженные линии по тулову. На донце имеется «закраина» и клеймо в виде плетенки (Рис. 4).

По всем признаком в захоронение помещен раннекруговой горшок, сформованный на ручном гончарном круге скульптурной лепкой с последующей доработкой. Аналогии подобным горшкам встречены в древнерусских селищах, например, в Болшево-3, где они датируются серединой – второй половиной XII в. (*Чернов*, 2018. С. 70).

Горшок из мужского погребения не является кухонной посудой, так как на нем нет следов нагара, это ритуальный горшок.

В данном варианте погребального обряда видны дальние отголоски древних языческих верований, связанных с помещением в могилу сосуда с остатками тризны. Найденный в захоронении горшок пустой.

Захоронения с иной пространственной ориентировкой

Большинство захоронений могильника в Патриаршем саду имеют юго-западную ориентировку (азимут от 225°до 245°). На этом фоне выделяются захоронения в южной части могильника с северо-западной ориентировкой (азимут от 290° до 300°). Могильные ямы этих захоронений образуют единую глубокую траншею (150-190 см). Все захоронения без инвентаря. Погребенные лежат на спине, руки скрещены на груди или в районе таза. Бóльшая часть погребенных – мужчины крупного телосложения. Исходя из взаимного расположения могильных ям на данном участке, можно утверждать, что захоронения с северо-западной пространственной ориентировкой самые ранние.

Возможно, таким образом захоронены представители обособленной группы населения со своими погребальными традициями.

Захоронение по обряду кремации

В 2017 г. зафиксировано захоронение, выполненное по обряду кремации (Рис. 5). Кремация совершена на стороне, следов погребального костра поблизости не обнаружено. Сожженные остатки костей сложены в обгоревшие кости черепной коробки и прикопаны в землю.

Среди обгоревших костей обнаружен фрагмент оплавленного керамического сосуда. Датировка его практически невозможна из-за действия высокой температуры.

Это единственное захоронение, выполненное по обряду кремации, в исследованном городском некрополе. Оно является пережитком более раннего языческого обряда захоронения. С распространением христианства происходит смена погребального обряда с кремации на ингумацию.

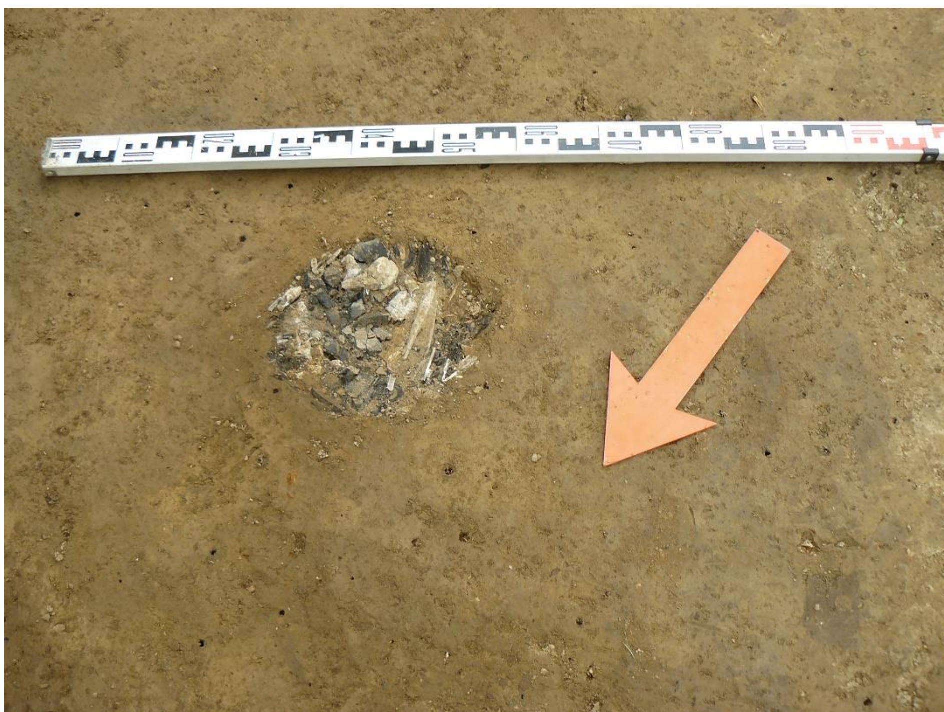

Рис. 5. Захоронение по обряду кремации.

Ближайшие аналогии существования захоронений, выполненных по обряду кремации при преобладании ингумаций, найдены в Сунгирском грунтовом могильнике X–XIII вв. (*Мошенина*, 1973). Данные по Сунгирскому могильнику обобщены и опубликованы в 2012 г. Т. О. Галкиным. Исследователи считают, что «обряд кремации, не свойственный местному финно-угорскому населению, возможно, был занесен сюда славянами с Поднепровья» (*Галкин*, 2012.С. 15).

Таким образом, наиболее ранние захоронения городского некрополя древнего Владимира, исследованного на территории Патриаршего сада, датируются XII – началом XIII вв. В этот период активно распространяется христианский обряд погребения умерших. Об этом свидетельствует большинство безинвентарных захоронений в исследованном могильнике с западной и юго-западной ориентировкой в пространстве. Этот факт подтверждается присутствием в захоронениях деталей погребальных одежд с христианской символикой и «каменных подушек». Однако, становление канонического христианского погребального обряда - процесс сложный и продолжительный. На многих территориях он затянулся на несколько столетий. На протяжении достаточно долгого времени ощущалось влияние более древних языческих верований. Доказательством этого служит исследование в городском некрополе Владимира захоронений с элементами других погребальных обрядов. Например, обертывание погребенного в бересту, помещение горшка в могильную яму, захоронения иной пространственной ориентировки, захоронение, совершенное по обряду кремации.

Кроме того, подобное разнообразие элементов погребального обряда представляет население древнего Владимира как общность выходцев с разных территорий, имевших различные обряды и верования, и является отражением мультикультурности населения древнерусского города.

Литература

Беляев Л. А., 2011. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источники // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вып. 2(5). С. 72–84.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII-XVII вв. М.: Модус-Граффити. 179 с.

Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. В 2-х томах. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.

Галкин Т. О., 2012. Могильник Сунгирь (опыт архивного исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, №6 (3). С. 11–16.

Кабаев Д. А., 2017. Отчет об археологических раскопках на территории комплекса «Патриарший сад» по ул. Козлов Вал в городе Владимире (раскоп 1 и раскоп 2). Т. I-III. Архив ИА РАН.

Кабаев Д. А., 2018. Отчет об археологических раскопках на территории комплекса «Патриарший сад» по ул. Козлов Вал в городе Владимире в 2016 году (раскоп 3 и раскоп 4). Т. IV–VII. Архив ИА РАН.

Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. // АП. Вып. 14. С. 414–441.

Макаров Н. А, 1981.Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. № 2. С. 111–116.

Мошенина Н. Н., 1973. Отчет об археологических раскопках, проводившихся на могильнике Сунгирь и в г. Владимире в 1972–1973 гг. Архив ИА РАН. Р-1. № 5193.

Очеретина С. В, Кабаев Д. А, Володина Т. Е., 2018. Детали древнерусской одежды из могильника на территории Патриаршего сада // АВСЗ. Вып. 8. С. 175-183.

Очеретина С. В., 2018. Отчет об археологических раскопках в зоне реконструкции комплекса «Патриаршие сады» по ул. Козлов Вал в городе Владимире в 2017 году. Т. 1-5. Архив ИА РАН.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М: Радуница. 183 с.

Фехнер М. В., 1976. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М.: Наука. С. 222–225.

Чернов С. З., 2018. Болшево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // АП, Вып. 14. С. 64-104.

Чернов С. З., 1991. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана. М. С. 73–93.

Энговатова А. В., Гончарова Н. Н., 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории Кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). – Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 203–295.

В. Ю. Коваль

Археологизированные остатки городских укреплений средневековой Руси

Средневековая фортификация привлекает сегодня все большее внимание как со стороны профессионалов (археологов, военных историков), так и широкой общественности. Предпринимаются попытки реконструировать древние укрепления, созданные как из камня, так и дерева. При этом четкого представления о том, как выглядели эти укрепления, какова была их конструкция, в современной науке не сформировалось. В наибольшей степени это относится к «валам», которые выглядят как чисто земляные сооружения и воспринимаются как изначально существовавшие оборонительные сооружения. Причина тому кроется в нескольких глобальных проблемах интерпретации этих древностей. Назовем только главные из них:

1) Отождествление наблюдаемых сегодня древних фортификаций (сохранившихся в рельефе валов и рвов) с тем, как эти сооружения выглядели в момент их возведения. Между тем, любые конструкции имеют свойство разрушаться. Следовательно, в прошлом они могли выглядеть совершенно иначе, нежели сейчас. Поэтому те объекты, которые ныне воспринимаются нами как «валы», в прошлом могли таковыми не являться.

2) Сложности в разделении фортификаций догосударственного периода (городищ раннего железного века – РЖВ), эпохи средневековья и сооружений Нового времени по одним только внешним признакам. Поскольку все эти сооружения подвергались деформациям как по естественным причинам (водная и ветровая эрозия), так и под действием антропогенных факторов (части этих сооружений могли быть срыты в Новое и Новейшее время, на них воздействовали артобстрелы, бомбежки времен различных войн и т. п.), не всегда возможна их датировка по эти внешним признакам.

3) Различение собственно земляных и древо-земляных фортификаций, поскольку последние в своем большинстве к настоящему времени превратились уже в «чисто-земляные», в которых даже следы древесины сохраняются далеко не всегда.

Кроме этих объективных трудностей, преодоление которых возможно исключительно методами археологии (т. е. раскопками на современном методическом уровне), существует еще давление

традиции, сформированной представлениями предшествующих поколений исследователей, опиравшихся практически исключительно на опыт и воззрения крупного археолога и историка фортификаций Павла Александрович Раппопорта (1913-1988 гг.), сделавшего десятки прорезок русских валов и опубликовавшего 2 монографии по средневековой русской фортификации (1956, 1961). Согласно представлениям П. А. Раппопорта, средневековые валы Руси разделяются на 2 типа:

I) Полностью насыпные валы, поверх которых водружался частокол либо стена из трех- или четырехстенных полых клетей.

II) Валы с внутривальными деревянными конструкциями, которые продолжались над вершиной вала в виде стены, опять же - из полых клетей. Подразумевалось, что валы изначально создавались с этими «внутривальными» конструкциями, назначением которых было «укрепить» вал. Термин «внутривальные конструкции» глубоко проник в массовое сознание археологов и остается «общим местом» всех работ, так или иначе касающихся древнерусской фортификации.

На чем были основаны представления П. А. Раппопорта? Хотя методические аспекты этих представлений не сформулированы в опубликованных монографиях, из нетрудно понять, исходя из представленного в публикациях материала:

А) Многие прорезки, предпринимавшиеся П. А. Раппопортом, были частичными – не вскрытыми оставлялись нижние и центральные части валов, что не позволяло понять их структуру в целом. Не проводилась и полная прорезка рвов перед валами, что не давало возможности не только установить конструктивные особенности таких рвов, но и определить, какой объем грунта был изъят из них для строительства укреплений, и какая часть этого грунта «вернулась» в ров после их руинирования. В результате полученные выводы часто были неверны как в целом, так и по частным стратиграфическим вопросам (см., например: *Милованов*, 2016. С. 140).

Б) В большинстве случаев прорезки не сопровождались снятием планов (редкими исключениями были случаи, когда внутри валов удавалось найти следы деревянных конструкций). В результате возможности для фиксации различий в составе грунтов были упущены. Это упущение не было виной ученого – таков был общий уровень методики раскопок в середине XX в., а сами работы

П. А. Раппопорта, не будем забывать, носили пионерный характер. Однако результат этих упущений привел к отсутствию понимания тех структур, которые вскрывались разрезами.

В) Реконструкция древнерусской деревянной фортификации велась исходя из знаний о деревянных стенах сибирских острогов XVII-XIX вв., которые были тщательно изучены П. А. Раппопортом. Эти стены создавались полыми или в виде чередующихся городней с землей и полых клетей, т. е. в виде «тарас». Однако не было учтено, что поздние фортификации создавались в расчете на использование огнестрельного оружия, а предполагаемый противник таким оружием не обладал вовсе (лесные племена Сибири, якуты и даже маньчжуры). Почему-то совсем не было обращено внимание и на то, что стены сибирских острогов стоят не на валах, а на плоской поверхности, т. е. строителям этих острогов валы не воздвигались, они им вообще не были нужны. Следовательно, сравнение средневековых крепостей с острогами Нового времени некорректны по всему набору признаков и обращение к этим этнографическим реалиям скорее вводит в заблуждение, нежели помогает понять более древнюю фортификацию.

При этом корифея отечественной военной археологии не смутили следующие важные моменты, которые невозможно игнорировать, реконструируя или хотя бы просто обсуждая древние оборонительные конструкции:

1) Строителям известно, что земляную насыпь невозможно «укрепить» ни вертикальными стенками, ни сваями. Для ее стабилизации было достаточно уплотнить грунт, соорудить склоны под углом 35-45 градусов и обдерновать их. Проще говоря, «внутривальные конструкции» были бессмысленны с инженерной точки зрения. На Русской равнине имеются валы, простоявшие от 500 до 1500 лет, которые не имеют никаких внутривальных конструкций, но при этом сохраняют свою форму (если, конечно, не подвергаются негативным внешним воздействиям – вытаптыванию скотом, срезкой дерна и т. п.).

2) В тех случаях, когда удавалось определить породу дерева во «внутривальных конструкциях», это всегда оказывался дуб, т. е. самая ценная, самая дорогая древесина, которая в то же время была

наиболее трудоемкой в обработке[1]. Между тем, в земле сгнивает любое дерево, а скорость его гниения не имеет значения, поскольку уплотнение насыпи вала происходит в течение нескольких лет (пусть даже десятков лет), а за это время окончательно даже самая мягкая древесина сгнить полностью ещё не успеет. Допуская наличие «внутривальных конструкций», мы тем самым утверждаем, что древнерусские фортификаторы сознательно зарывали в землю сотни кубометров наиболее дорогой древесины, тратили на строительство из неё городней максимальное количество сил и средств, хотя точно такого же результата они достигли бы без всяких «внутривальных конструкций» или с использованием в них любого, самого дешевого и легко гниющего дерева. Трудно думать, что для средневековых строителей скорость и дешевизна работы не имели никакого значения.

3) На вершинах валов, изученных П. А. Раппопортом, ни разу не были встречены ясно читаемые следы полых деревянных стен, которые можно увидеть на графических реконструкциях даже сегодня (*Томенчук*, 2010. Рис. 2-6, 9). Отдельные куски обгорелого дерева на вершинах и склонах валов не являются остатками таких стен и, скорее всего, не имеют никакого отношения к древним фортификациям. Не заполненные грунтом срубы, если бы они стояли когда-то на вершинах валов, смогли бы только немного промять подстилающий грунт, а даже самая небольшая эрозия уничтожила бы и эти слабые следы. Потому фактически «навальные конструкции» неуловимы методами археологии и остаются чисто гипотетическими (с той же самой степенью вероятности можно утверждать, что поверх валов стояли хоромы высотой в несколько этажей, карусели или обсерватории). Другое дело – частоколы, которые также нередко умозрительно реконструируются поверх валов. В отличие от полых стен, следы частокола легко фиксируются, поскольку в рыхлом грунте насыпи для его установки необходимо зарывать нижние концы бревен на менее чем на 1 метр в глубину. Такую канаву на

[1] Исключения составляют куски обугленной древесины с поверхностей валов, среди которых встречены образцы хвойных (сосна, ель) и лиственных пород (липа) (*Раппопорт*, 1961. С. 133). Однако эти образцы могли относиться не к остаткам деревянных стен, а к каким-то хозяйственным сооружениям, воздвигнутым на валах значительно позже гибели фортификаций, или даже просто деревьям, выросшим на валах и сгоревших при пожарах в период запустения.

гребне (или склоне) вала трудно не заметить и сложно уничтожить ее следы (если, конечно, не срыть всю вершину вала). И хотя еще ни разу подобная канава не был зафиксирована на вершинах валов древнерусских городов, исследователи упорно продолжают реконструировать на вершинах валов линии частоколов (*Мазуров*, 2015. С. 23. Рис. А). За следы частоколов иногда пытаются выдавать столбовые ямы, обнаруживаемые на гребнях валов, и действительно, такие ямы могут маркировать «лежачие частоколы» из горизонтальных бревен, концы которых вставлялись в пазы вертикальных столбов. Но нигде еще не удалось зафиксировать *регулярно расположенные* в ряд мощные столбы (с ямами диаметров в 0,5 м и глубиной до 1 м), которые можно было бы интерпретировать именно таким образом. Забитые в вершину вала колья или неглубокие ямки от небольших столбов не могли служить опорами для серьезной ограды – в них допустимо видеть не более чем легкие заборы или вообще посторонние внедрения в грунт, не имеющие отношения к фортификации.

4) Полая деревянная стена, водруженная на вершину вала, не является серьезной преградой, поскольку может быть легко сожжена или разрушена стенобитной техникой[2]. Никаких существенных преимуществ перед частоколом она не имеет. Конструкции из трехстенных срубов особенно абсурдны, поскольку могли использоваться только в качестве низких брустверов. Однако самое главное противоречие видится в другом: в вопиющем несоответствии ненадежных просто-деревянных стен (любой конструкции – срубной или частокольной) с той колоссальной затратой средств, которая требовалась бы для строительства валов, внутри которых предполагаются погребенными бесчисленные кубометры дубовых срубов с земляной засыпкой. Выходило бы, что наиболее мощные конструкции с земляным заполнением оказывались полностью закопаны в землю, снабжены отлогими «приспами» и обречены на гниение, тогда как над ними возвышались бы пожароопасные и крайне непрочные деревянные загородки,

---

[2] Мы говорим здесь об эпохе средневековья, а не о Новом времени, когда огнестрельное оружие позволяло уничтожать противника на таком удалении от деревянных стен, откуда он просто не мог осуществить поджог. Поэтому-то сибирским деревянным острогам такая опасность не была страшна. Ну, а бытовым пожарам подвержены любые деревянные строения, включая фортификационные.

которым отводилась роль главной линии обороны, в т. ч. защитного барьера перед катапультами и другими стенобитными машинами, способными снести эти загородки одним ударом.

Ответы на эти проблемные вопросы напрашивались сами собой уже давно, но получены они были только в результате нового этапа археологических исследований, проводившихся в последней четверти XX в. М. П. Кучерой (1922–1999) и Ю. Ю. Моргуновым. Эти исследования (*Кучер*а, 1987; *Моргунов*, 2009) показали, что:

1) Все валы древнерусской эпохи содержали «внутривальные конструкции» в виде остатков срубов или же следов применения «перекладной техники» (т. е. бревенчатых накатов, засыпанных землей).

2) «Внутривальные конструкции» являются в действительности никакими не «внутривальными», это остатки древо-земляных стен – вертикальных преград, состоявших из дубовых срубов («городней»), засыпанных изнутри грунтом, взятым при рытье рва или срезанным с заселенной площадки города.

Остатков городней не видят только в тех случаях, когда не проводят фиксацию планов на траншеях, прорезающих валы, либо когда ширина траншеи слишком мала (менее 4–5 м). Часто от деревянных срубов не сохраняется даже древесины (она полностью уничтожается бактериями и замещается окружающим грунтом), но из-за того, что соседние городни засыпались грунтом разного состава и цветности, границы между срубами остаются видны практически всегда (рис. 1, 2). Если стены были небольшими и после их разрушения образовывались небольшие валы, грунты которых перерабатывались почвенными процессами, то следы городней могли полностью исчезнуть. Самые сложные случаи встречены на памятниках в зоне распространения черноземов, где древесина перерабатывается почвенными процессами полностью, а грунты однородно черны по цвету. Однако даже в таких случаях удается фиксировать городни по малейшим оттенкам цвета и обугленным частям сгоревших стен. Таким образом, суждение П. А. Раппопорта о «бескаркасных» валах в древнерусских городах просто неверно (хотя в других странах и иные эпохи «бескаркасные» валы, безусловно существовали – напомним хотя бы о валах городищ РЖВ на всей территории Восточной Европы (*Коваль, Русаков,* 2017. С. 118–121).

Поскольку древо-земляная стена не могла существовать очень долго и древесина начинала разрушаться уже через 30–40 лет после ее постройки, сооружение требовало периодического ремонта. Но разобрать такую стену целиком, с выносом грунта на сторону для последующего использования, было если не невозможно, то, по крайней мере, нецелесообразно. Древнерусские строители нашли гораздо более экономичный и простой способ осуществлять такие перестройки. В ходе них разбирались верхние венцы срубов, а грунт из их заполнения сбрасывался по обе стороны от стены, погребая под собой нижние венцы городней. Эти грунтовые сбросы являются «насыпью» в прямом смысле этого слова, но не целенаправленно создававшейся, не имевшей прямого фортификационного назначения, а образовывавшейся из-за того, что грунт высыпался из заполнения городней при разрушении верхней части стены в ходе ее перестройки. После того, как часть стены оказывалась разобрана, на плотном слежавшемся основании старых городней возводились новые, при этом грунт, сброшенный к подножию старой стены, оставлялся на месте. Тем самым новая стена строилась на некотором возвышении, которое уже начинало напоминать собой пресловутый «вал». Именно этим объясняется многослойность, наблюдаемая в разрезах валов. Таким образом, «валы» образовывались уже после первого ремонта стены (т. е. через 30–40 лет после ее строительства, а в случае повреждений стены при боевых действиях – и еще раньше). Далее при каждом ремонте стены высота и ширина «вала-подушки» возрастала, при том, что высота и ширина древо-земляной стены могла сокращаться, ведь она возносилась все выше и выше (*Коваль*, 2015). И лишь после того, как последняя древо-земляная стена приходила в негодность и разрушалась, формирование «вала» завершалось, и он приобретал форму того объекта, который мы можем наблюдать сегодня. Наиболее ярким образцом подобного сооружения являются «валы» Старой Рязани, безупречно исследованные А. В. Чернецовым, Ю. Ю. Моргуновым и И. Ю. Стрикаловым (*Стрикалов*, 2011). Несколько менее очевидным, но также весьма показательным является пример стены Ростиславля Рязанского (*Коваль*, 2015). Надо специально подчеркнуть, что пока не зафиксировано ни одного случая сооружения в русских городах специальной «подушки-вала» для первоначальной древо-земляной стены.

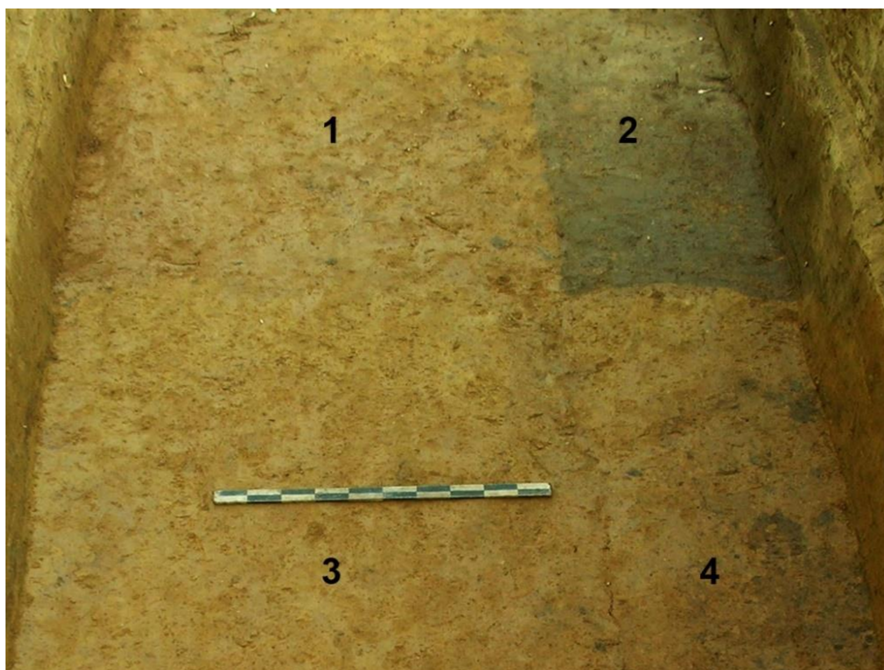

Рис. 1. Городни с почти полностью истлевшим деревом и различным по цветности заполнением. Городище Ростиславль

Рис. 2. Городни с полностью истлевшей древесиной и похожим по цвету, но все же различающимся оттенками, заполнением (городни 1, 3, 4). Городище Ростиславль

Аналогичный результат (превращение стены в вал) дает разрушение не только древо-земляной стены, но стены, построенной из любого другого материала, в т. ч. камня, что демонстрируют городища Дальнего Востока, «длинные стены» на перевалах Крымских гор и даже некоторые кирпичные стены городов Европы. Но наиболее яркое внешнее сходство прослеживается с руинами стен, выстроенных из сырцовых кирпичей в странах Востока. В качестве примеров можно привести множество разрезов таких стен в городах Средней Азии. Наиболее ярким примером являются стены Афрасиаба – раннесредневекового городища, предшественника Самарканда. Руины стен городов Средней Азии, сложенные из сырцового кирпича, сегодня выглядят как валы (*Левина*, 1949. Рис. 7). Однако исследователям этих городов не приходило в голову заявлять, что их окружали в древности не стены, а валы. Еще более схожи с древнерусскими «валы», в которые превратились стены из пахсы, т. е. утрамбованной (необожженной) глины, которая со временем расплывалась, образуя подобие насыпи (*Давидович*, 1949. Рис. 2, 3)[3] (рис. 3).

Разница между Русью и другими странами в данном случае состоит только в том, что каменные или кирпичные стены превращаются в вал только после того, как оказываются полностью заброшены и после десятилетий (или даже столетий) постепенного разрушения, а древо-земляные стены городов средневековой Руси руинировались и превращались в валы еще в ходе активной жизни в городах, в ходе перестроек этих стен, т. е. когда жизнь в городах вовсе еще не закончилась.

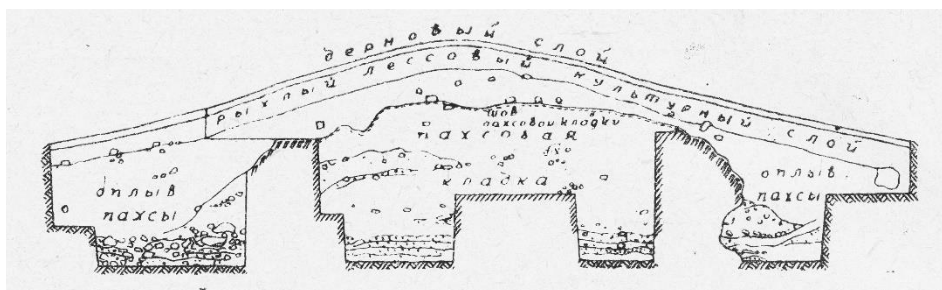

Рис. 3. Разрез пахсовой стены в Новой Нисе (по Давидович, 1949. Рис. 3)

[3] Интересно заметить, что пахсовая стена превратилась в «вал», прозвучавший в названии статьи, но у его исследователей в 1946 г с самого начало не было ни малейших сомнений, что они исследуют не вал, а остатки <u>*стены*</u>.

Таким образом, все основные позиции концепции П. А. Раппопорта, касающиеся конструктива древнерусской фортификации и предложенные им реконструкции, неприемлемы, поскольку не соответствуют источнику. Надо признать, что если при раскопках вала (разумеется, проведенных в строгом соответствии с современной методикой) обнаруживаются следы деревянных конструкций (срубных или перекладных), то этот вал является руинами стены. Сам термин «внутривальные конструкции» неприемлем, поскольку вводит в заблуждение уже самой своей семантической фактурой. Таким образом, все валы (если это именно валы, т. е. насыпи) были в эпоху средневековья «бескаркасными», поэтому употребление этого определения по отношению к валу является тавтологией.

Наряду с представленными выше толкованиями археологических реалий, имеется еще одно, отстаиваемое И. Ю. Стрикаловым, который допускает возможность «компромиссного» варианта реконструкции древнерусских укреплений. Не подвергая сомнению тот факт, что города были окружены не валами, а древо-земляными стенами, исследователь Старой Рязани, допускает сооружение с внешней стороны стены присыпки («приспы») на значительную высоту, которая со стороны «поля» была ограничена трехстенными срубами или просто подпорной стенкой высотой до 60 см (*Стрикалов*, 2011. С. 130, 131). Основанием для такого мнения является отсутствие перегородок (т. е. отчетливо прочитываемых следов дерева от городней), а, главное – однородное заполнение в предполагаемой «приспе», где, в отличие от городней второго ряда, не удалось зафиксировать различия в цвете заполнения городней (рис. 4). Оснований не доверять наблюдениям исследователя нет, однако следует заметить, что предложенное им прочтение истории перестройки стены и самой ее конструкции не является единственно возможным и может быть оспорено. Прежде всего, обращает на себя внимание, что перерубы в стенке «приспы» точно совпадают с необычно длинными (60–80 см) «выпусками» бревен несомненных городней (рис. 4, А), а это позволяет допускать, что здесь была все-таки не «приспа», а второй, внешний, ряд городней, значительная часть поперечных бревен которых по каким-то причинам естественного порядка истлела бесследно. Сложнее объяснить, однако, почему заполнение этих городней было однородным и вовсе не различалось по цвету. В то же время, картина, наблюдаемая в Старой Рязани, удивительно напоминает разрезы южнорусских «змиевых» валов, при интерпретации которых М. П. Кучера также занимал

непоследовательную позицию, предполагая, что к стене из городней с обеих сторон примыкали присыпки, ограниченные низкими подпорными стенками. В представлении исследователя это был все еще вал, но с «выраставшей» из него стеной и земляными откосами по обе стороны. Разумеется, это «половинчатое» видение фортификации нельзя признать верным, оно просто пытается механически совместить концепцию «валов» с пониманием их происхождения из древо-земляных стен. В действительности речь шла о трех рядах городней, из которых внутренний сохранился лучше и на большую высоту, нежели внешние, подвергавшиеся более агрессивному эрозионному воздействию внешней среды, что и приводило к ускоренному разрушению, прежде всего, внешних фасов деревянных стен.

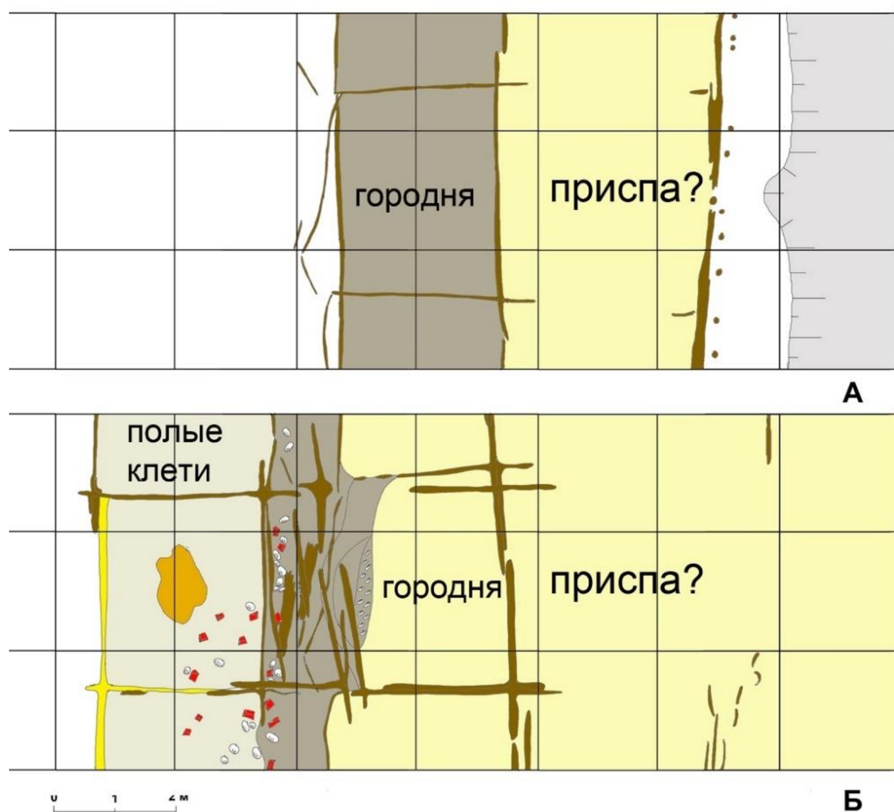

Рис. 4. Планы прорезки вала Южного городища Старой Рязани (по Стрикалов, 2011. Рис. 8, 9). А – уровень 1 яруса стены, Б – уровень 2 яруса (напольная сторона справа)

Однако возможен и второй вариант объяснения формирования «присп» Старой Рязани, который несколько ближе к позиции И. Ю. Стрикалова. Если стена первого яруса состояла только из одного ряда городней, то при ее перестройке «приспа» могла образоваться как-раз из-за того, что грунт, составлявший заполнение верхней части разбираемых городней, сбрасывался только в одну внешнюю сторону. Но если это так, то перед нами уже не специально сконструированная «приспа», а просто сброшенный сверху грунт, результат перестройки стены, зародыш будущего «вала». То есть, частный вариант того процесса, который был описан выше. В этом случае (а он кажется наиболее вероятным) никаких специальных «присп» к стенам древнерусских городов никто не делал, но они образовывались как откосы грунта при перестройках стен, причем они вторичны по отношению к строительству стен. Другое дело, что после создания таких откосов защитные качества новопостроенных стен только возрастали. Древнерусские фортификаторы прекрасно это понимали и использовали для усиления укреплений каждую их перестройку. Но надо понимать, что строили они все-таки не валы с «внутривальными конструкциями», а стены с земляным заполнением, являвшиеся труднопреодолимым препятствием, не столь подверженные действию огня, как пустотелые клети и практически неодолимые для стенобитных машин в силу своей упругости и массивности.

Необходимо сделать также несколько замечаний относительно башен, рисуемых на многих реконструкциях стен древнерусских городов. Сама идея их реконструирования опирается не на археологические, а на письменные и этнографические источники – описания укреплений острогов русских городов XVI-XVII вв. и реально сохранявшиеся остатки сибирских острогов XVIII-XIX вв. А также, конечно, на вид средневековых каменных крепостей, сохранившихся как в Северо-Западной Руси, Кремлей позднего Средневековья и Нового времени (московского, новгородского и др.), а также соседних территорий – Польши, Германии, Византии, Крыма и т. д. Не забудем и про каменные башни домонгольской эпохи – Золотые ворота Киева и Владимира. Однако археологически читаемых следов башен древо-земляных укреплений выявлено крайне мало, они попросту единичны (*Моргунов*, 2009. С. 137, 138). П. А. Раппопорт обоснованно отрицал наличие стеновых башен на стенах древнерусских городов (*Раппопорт*, 1961. С. 144), хотя он

допускал оформление проходов в городских стенах «въездными башнями» (*Раппопорт,* 1956. С. 132, 133; 1961. С. 149). Критический анализ материалов старых раскопок заставил Ю. Ю. Моргунова признать возможность существования въездных башен, но все примеры такого рода известны лишь по описаниям, но не опубликованы их планы, разрезы, фото. Достоверно зафиксированы только въезды, оформленные заходящими друг за друга краями стен из городней или торцевым соединением стен, и лишь в одном случае зафиксированы следы крупного сруба (полой башни?) непосредственно на линии въезда (*Моргунов.* 2009. С. 127-132. Рис. 66).

Таким образом, можно допускать, что в крупных городах въезды могли оформляться башнями или какими-то еще крупными надвратными сооружениями, но на стенах городов башен не возводилось (за редчайшими исключениями). В малых городах въездные устройства могли иногда оформляться крупными срубами, в которых, возможно, имелись ворота, но как именно выглядели эти конструкции остается неясным, поскольку именно воротные проемы сохраняются хуже всего.

Итак, на территории Восточной Европы в разные исторические эпохи создавались как древо-земляные стены, довольно быстро приобретавшие внешний вид вала, так и самые настоящие насыпные валы. Однако эти фортификационные сооружения, внешне очень похожие, иногда просто неразличимые сегодня по внешнему виду, принадлежали к совершенно разным строительным традициям и создавались в разных обществах. Смена эпох и населения приводила к тому, что на одной и той же территории могли сохраниться до наших дней и валы-насыпи, и «валы»-руины древо-земляных стен. Например, в центре Русской равнины в эпоху раннего железного века и раннего средневековья дославянским населением создавались городища, укрепленные насыпными валами, а в XI-XV вв. древнерусским населением строились крепости с древо-земляными стенами. В это же самое время в соседней с Русью Волжской Булгарии вокруг городов возводились не стены, а валы, поскольку система организации обороны там строилась на совершенно иных принципах (*Коваль,* 2018. С. 181-184). Наконец, в позднем средневековье и в Новое время здесь же создавались валы-насыпи в системе «засечных черт», укрепленные лагеря (*Курмановский,* 2012. Рис. 8-10), обнесенные такими же валами-насыпями, воздвигались земляные редуты и бастионы. Все эти

сооружения со временем, по мере разрушения, приобретали некоторые черты сходства. Но если бастион XVIII в. трудно отнести к более раннему времени уже благодаря его характерной планировке, то для линейных «валов» остается только один способ определения их датировки и конструкции – археологические раскопки. В наше время уже можно безошибочно определить, какое именно сооружение подвергнуто раскопкам. Разумеется, в случае строгого соблюдения методических правил.

Какие же это правила? Опыт прорезки нескольких валов в разных частях Восточной Европы позволяет сформулировать эти правила:

1) раскопки валов необходимо проводить пластами по 10 см (при супесчаном грунте) или 20 см (при суглинистом) с фотофиксацией каждого пласта. Графическая фиксация может проводиться с интервалом от 10 или 40 см (в зависимости от конкретной ситуации).

2) Ширина траншеи должна быть не менее 6 м, причем она должна закладываться перпендикулярно оси вала. Оптимально расширение вскрытия до 8-10 м (в зависимости от высоты вала)

3) Кроме поперечных разрезов, желательно получать еще и продольные разрезы, что предполагает проведение прорезки вала не сплошной траншеей, а двумя (или более) участками, с закладкой бровки близко к осевой линии вала.

4) Вал должен прорезаться полностью, до материка, на всей его ширине.

5) Вместе с валом должна проводиться прорезка рва, причем также на всю его ширину, захватывая противоположный склон. Разборка заполнения рва может проводиться не только горизонтальными пластами, но и по слоям (особенно в том случае, когда ров не затянут грунтом). Прокапывание материка на дне рва обязательно, причем на глубину не менее 40-50 см поскольку донные заплывы могут скрывать дно рва, перекрытое грунтом, трудноотличимым по цвету от материка.

6) Прорезка вала (и рва) должна завершаться его восстановлением (за исключением тех случаев, когда работы ведутся на месте будущего строительства). При восстановлении вала одной засыпки при помощи техники (погрузчиков, бульдозеров) недостаточно – должна проводиться трамбовка грунта во избежание его последующей просадки.

Литература

Давидович Е. А., 1949. Исследования вала к юго-западу и западу от Новой Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 1. Ашхабад: Туркменский филиал АН СССР. С. 191–200.

Коваль В. Ю., 2015. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. С. 73–87.

Коваль В. Ю., 2018. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X–XV вв.) // Археология евразийских степей. № 5. Казань. С. 181–184.

Коваль В. Ю., Русаков П. Е., 2016. О фортификации Болгарского городища в XIV в. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды // Материалы 7-й Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Кишинев: Stratum plus. С. 118–120.

Курмановский В. С., 2012. Оборонительные сооружения лагеря армии Владислава IV на Глушице // Вопросы истории фортификации. № 3. М. С. 66–71.

Кучера М. П., 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка. 204 с.

Левина В. А., 1949. Стена и башня «Старой Нисы». Археологическое вскрытие 1946 года // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 1. Ашхабад: Туркменский филиал АН СССР. С. 133-146.

Мазуров А. Б., 2015. Коломенский Кремль – символ России и Подмосковья. Коломна: Лига. 159 с.

Милованов С. И., 2016. История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 136–149.

Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука. 303 с.

Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // МИА. № 52. 184 с.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. 246 с.

Стрикалов И. Ю., 2011. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований //Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 109–132.

Томенчук Б. П., 2010. Фортифікація давнього Галича // Проблеми давньоруської та середньовічної археології / Археологія і давня історія України. Вип. 1. Київ: ІА НАНУ. С. 335–344.

Т. Д. Николаенко

Археологическая карта Нижегородской области: методика разработки, структура, научный потенциал

В 2016 году в серии «Археологическая карта России» была издана четвертая часть Археологической карты Нижегородской области, завершающая работу по сбору и систематизации материалов археологических памятников региона (*Николаенко*, 2004; 2008; 2013; 2015). Этот четырехтомный свод включил сведения о 2555 памятниках, выявленных с середины XIX в. – времени начала археологического изучения Нижегородской области – до 2012 г. включительно. Археологические исследования проводились и после 2012 г. Несомненно, они будут проводиться и дальше. Открытие новых памятников, уточнение и переосмысление уже известных материалов приведет к необходимости продолжения работы над Археологической картой. Четвертая часть, имеющая подзаголовок «дополнения к частям 1-3», является своего рода моделью публикации новых материалов. Использование этой модели позволит сохранить взаимосвязь и преемственность Археологической карты Нижегородской области с ее будущим продолжением.

В предлагаемой вашему вниманию статье я хочу рассказать о создании Археологической карты Нижегородской области: о методике ее разработки, особенностях структуры и научном потенциале, заложенном в ней. Надеюсь, это будет полезно и тем, кто использует Археологическую карту в своей работе, и тем, кто продолжит ее разработку в дальнейшем.

Первый этап работы над Археологической картой Нижегородской области был связан с поиском сведений о памятниках. Этот поиск проводился в архивах Института истории материальной культуры, где хранятся отчеты дореволюционного и довоенного времени, Института археологии, куда отчеты о полевых исследованиях поступали с 1945 г., в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга: в библиотеках упомянутых институтов, а также Института Российской истории, ИНИОН, в Государственной публичной исторической библиотеке и библиотеке Государственного Исторического музея.

Следует отметить, что наиболее полные сведения о памятниках содержатся в отчетах о полевых исследованиях. Эти отчеты имеют разную степень информативности, но в них, как правило, можно

найти все основные характеристики памятника: административные и топографические привязки, описание и размеры культурного слоя, степень его сохранности; в отчетах приведены данные об исследованных объектах и находках, часто определяется культурная принадлежность и датировка памятника.

Научная публикация, посвященная даже одному памятнику, всегда лаконичнее отчета. Многие детали и наблюдения, имеющиеся в отчете, в ней отсутствуют. В публикации формулируется точка зрения автора, отчет дает читателю большую свободу и возможность составить свое представление о памятнике. По опыту известно, что иногда имеются несоответствия между отчетом и публикацией. В свое время, анализируя такие случаи вместе с Юрием Алексеевичем Красновым, которому я обязана работой над Археологической картой Нижегородской области, мы пришли к выводу, что в подобных ситуациях предпочтение следует отдавать отчету, как первоисточнику. Важно при этом с уважением и вниманием относиться к мнению авторов публикаций, отмечая их точку зрения в статьях о памятниках, помещенных в Археологической карте.

Вторым важным источником являются официальные паспорта на памятники. Особенно велика их роль на раннем этапе работы, когда исследователь знакомится с археологией региона и составляет первое представление о его памятниках. Следует сказать, что в отличие от паспортов 70–80-х гг. прошлого века, слишком лаконичных, часто содержащих одностороннюю, только авторскую информацию, паспорта, созданные в 1990-х и в 2000-х гг. обладают, как правило, высоким уровнем описания памятников с привлечением данных всех более ранних исследований. Эти паспорта представляют собой полноценный и надежный источник, вполне сопоставимый с хорошей научной публикацией.

Еще одной группой источников при работе над Археологической картой является краеведческая литература и местная пресса, прежде всего такие издания как Нижегородские губернские и епархиальные ведомости. Там можно найти упоминания о памятниках, археологическими методами специально не изучавшихся, известных только по сведениям краеведов и местных жителей, или полученных иным путем. Привязки этих памятников чаще всего имеют общий характер и определить их

истинное месторасположение нелегко. Однако без информации об этих памятниках Археологическая карта Нижегородской области была бы не полной. Сообщения о подобных объектах служат ориентирами для поиска.

Выше были кратко охарактеризованы источники, относящиеся к категории письменных. Скажем несколько слов о трех видах других источников: о планах памятников, рисунках и фотографиях археологического материала и топографических картах. План памятника содержит важнейшие сведения о его физических характеристиках; кроме того, на нем показаны границы распространения культурного слоя и его нарушения, фиксируемые визуально, даны привязки к ближайшим населенным пунктам. Часто план несет информацию, отсутствующую в описании, и без него невозможно было бы составить представление о памятнике во всей полноте. При работе над Археологической картой желательно иметь все планы памятника, сделанные его исследователями в разное время. Сравнение их между собой и с соответствующими им текстами помогает создать наиболее объективную и выверенную картину.

Рисунки и фотографии археологического материала не только иллюстрируют описание, но часто дополняют его, а иногда служат самостоятельным источником. Так же внимательно следует относиться к коллекционным описям, различного рода таблицам, результатам использования естественнонаучных методов – одним словом ко всему, что помогает представить степень и уровень изученности памятника. Таким образом, целью исследователя на первом этапе работы над Археологической картой является сбор и систематизация максимально полной (в идеале – всей) информации о каждом памятнике.

Однако этого недостаточно, чтобы перейти к написанию статьи о памятнике. Важнейшим и часто непростым делом является определение его местоположения на современной топографической карте. Для вполне уверенного определения реального местоположения памятника необходимы топографические карты крупного масштаба, близкие по времени составления к проведению его обследования на местности. При сравнении описаний и планов памятника, оставленных разными исследователями в разное время, всегда выявляются как общие черты, так и несоответствия. Их анализ

и сравнение с крупномасштабными топографическими картами позволяют найти на них истинное место расположения памятника.

Без топографической карты не представляется возможным разрешить и проблему тождественности или идентичности памятников, которая возникает чаще всего тогда, когда исследователь, считая себя первооткрывателем, не знает, что памятник был найден и зафиксирован ранее. В таких случаях один и тот же памятник может иметь несколько названий, данных по разным населенным пунктам или по одному населенному пункту, изменившему свое название, по урочищу, ближайшему озеру и тому подобное. В Археологической карте все известные названия памятника приведены в заголовке статьи о нем, в скобках, вслед за основным его названием. По любому из этих названий памятник может быть найден в книге с помощью Систематического указателя.

При работе над Археологической картой Нижегородской области использовался различный картографический материал Главного управления геодезии и картографии, составленный в 1950-70-х гг. и в 1980 г. Наиболее подробная карта масштаба 1:25000 имелась в нашем распоряжении лишь на отдельные участки; карта масштаба 1:100000 покрывала большую часть территории области. Кроме этого, нами использовались более поздние карты Нижегородской области масштабов 1:100000, 1:200000 и 1:500000, 1990-2000-х гг. издания. Для идентификации и нахождения населенных пунктов, известных по сведениям середины XIX - первой половины XX в., отсутствующих на современных картах, служили дореволюционные десятиверстки Генерального штаба.

Структура Археологической карты Нижегородской области продиктована физико-географическими особенностями трех ее регионов: юго-восточного, приокского и заволжского. Особенности исторического развития каждого региона были тесно связаны с их природными условиями. В первой части исследования помещены и рассмотрены археологические памятники, расположенные в 23 юго-восточных районах области; во второй – памятники семи юго-западных и центральных ее районов, охватывающих преимущественно правобережье Оки, а также памятники, выявленные на территории Нижнего Новгорода; третья часть объединяет памятники Нижегородского Заволжья и Балахнинской низины, расположенные в 16 северных и центральных районах

области. В эту же часть вошли памятники г. Сарова. Во Введении к каждой из трех частей содержатся историко-археологические очерки того региона, которому эти книги посвящены, что позволяет выявить особенности исторического развития каждого из них.

Первоначально предполагалось, что третья часть Археологической карты Нижегородской области станет последней. Кроме обобщающего очерка об истории области в нее должны были войти статьи о памятниках, открытых за время разработки и выхода в свет всего издания, дополнительные сведения о продолжении исследований ряда памятников, а также статьи о памятниках, по разным причинам не вошедших в две первые книги. Однако археологические работы в Нижегородской области в 2000-х гг. привели к накоплению столь значительного по объему нового материала, что его публикация в рамках третьей части Археологической карты оказалась невозможной. В связи с этим возникла необходимость в создании дополнительной четвертой части. В ней собраны и систематизированы данные археологических исследований, проводившихся на территории всей области с 2000-го по 2012-й гг. Особенностью этой книги является открывающий ее историко-археологический очерк Нижегородской области, написанный на основе материалов, содержащихся в четырех частях Археологической карты с привлечением сведений письменных источников (*Николаенко*, 2015. С. 13–186). В этом очерке отражены уровень изученности археологических культур, выявленных в регионе, а также степень исследованности истории населявших его народов. Объем и глубина наших знаний о различных исторических периодах на рассматриваемой территории не одинаковы. Пик интереса к каждому из них приходился на разное время, поэтому взгляды отдельных исследователей, могут восприниматься сегодня как устаревшие или не достаточно аргументированные. Цель данного очерка заключалась в том, чтобы показать наиболее близкую к реальной картину развития нижегородской археологии, а не только самые современные представления о той или иной культуре.

Археологическая карта Нижегородской области является, прежде всего, сводом исторических источников, в качестве которых выступают поселения, городища, могильники и другие памятники, дающие исследователю большие, еще почти не раскрытые возможности для изучения древней истории в самых разных

направлениях и аспектах. Среди них – территории обитания различных племен и народов, их перемещения и пути миграции, особенности той или иной системы расселения в отдельные исторические периоды, характерные черты разных археологических культур, их взаимодействие и взаимовлияние, элементы мировоззрения, отразившиеся в материальной культуре. В каждой статье о памятнике, по возможности, приведены все важнейшие его характеристики, полнота и уровень которых, зависят от материалов, использованных при ее написании. В конце каждой статьи дается ссылка на эти материалы, более подробно представленные в Списке литературы и архивных источников. Этот Список является дополнительным инструментом для более углубленного изучения различных вопросов, которые исследователь может разрабатывать, опираясь на Археологическую карту.

В практической работе с Археологической картой самую необходимую помощь читателю оказывают указатели, помещенные в конце каждой книги. В Хронологическом указателе памятники сгруппированы по периодам своего существования: мезолиту, неолиту, эпохе бронзы, раннему железному веку, раннему средневековью, развитому средневековью, развитому и позднему средневековью. В Систематическом указателе они объединены по типологической принадлежности: стоянки, поселения, селища, городища, исторический культурный слой города или монастыря, грунтовые могильники, курганные могильники, грунтовые и курганные могильники, местонахождения, производственные сооружения. Следует отметить, что эта типология – исторически сложившаяся, традиционная для российской археологии.

В заключение хочу выразить благодарность нижегородским археологам за помощь и поддержку, а также пожелать всем исследователям, работающим на нижегородской земле, чтобы опубликованная теперь в полном виде Археологическая карта Нижегородской области помогала им в полевых и кабинетных трудах.

Литература

Николаенко Т. Д., 2004. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. М.: ООО «Пандора-1». 384 с.

Николаенко Т. Д., 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М.; Железнодорожный: ООО «Арт-диал». 464 с.

Николаенко Т. Д., 2013. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 3. М.; Тула: ЗАО «Гриф и К». 406 с.

Николаенко Т. Д., 2015. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 4 (дополнения к частям 1–3). М.; Коломна: ГУП МО «Коломенская типография». 478 с.

А. В. Новиков, С. А. Смирнов

Гребни из рога городища Унорож (по материалам археологических исследований 1988-1989, 1991 и 2013-2016 гг.)

Городище Унорож расположено на южной окраине с. Унорож Галичского района Костромской области, на останце первой надпойменной террасы правого берега вытекающей из Галичского озера р. Вексы (левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги) (рис. 1, 2) (Археологическая карта России. Костромская область, 1999. С. 162).

Первые письменные упоминания о памятнике относятся к 1888 г. Кроме того, краткие сведения о нём содержатся в сообщениях членов Костромской губернской ученой архивной комиссии И. К. Херсонского и И. В. Миловидова (*Херсонски*й, 1890. С. 1–74; *Миловидо*в, 1890. С. 115–133).

Первые археологические работы на городище, раскопки на месте «Кургана Журавец», проводились в 1908 г. В. Н. Глазовым (Археологическая карта России. Костромская область, 1999. С. 162-164). В 1927 г. площадка останца была обследована экспедицией Костромского научного общества по изучению местного края под руководством В. И. Смирнова (Отчёт КНОИМК за 1927 г., 1928. С. 17). В 1956 и 1958 г. памятник был осмотрен М. И. Матасовым и сделан его панорамный снимок с восточной стороны (*Матасов*, 1958. С. 1). В 1983 г. городище обследовалось К. И. Комаровым, в результате чего на памятник была составлена учетно-паспортная документация, как на объект археологического наследия Костромской области (Археологическая карта России. Костромская область, 1999. С. 162).

Важнейшее значение для изучения городища Унорож имели раскопки, проведенные в 1988–1989 и 1991 гг. под руководством Е. А. Рябинина. В результате исследований участков в 188 кв. м. на северо-восточной и 4 кв. м. на северной окраине памятника впервые были получены сведения о стратиграфии культурного слоя и культурной принадлежности городища (*Рябинин*, 1988, 1989, 1991). Кроме того, в ходе раскопок была собрана небольшая, но вполне репрезентативная коллекция роговых гребней, введенная впоследствии автором работ в научный оборот.

Рис. 1. Карта-схема Костромской области с обозначением местоположения городища Унорож

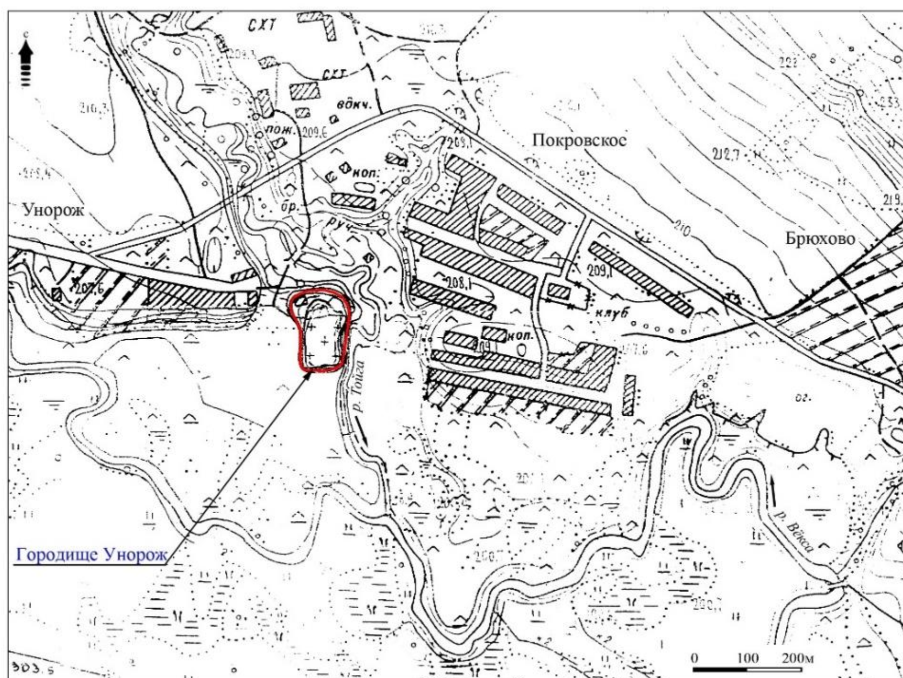

Рис. 2. Ситуационный план городища Унорож

На основе полученных данных Е. А. Рябинин предположил возможность связи поселения Унорож с Северо-Западной Русью, населением Вятско-Камского бассейна и Белоозером через выход на срединный участок Сухоно-Вычегодской торговой магистрали, соединявшей Север, Прибалтику и Волго-Окское междуречье с Прикамьем, а также не исключал возможность производства односторонних цельных и составных гребёнок местными мастерами (*Рябинин*, 1992. С. 153-162).

Археологическое исследования городища возобновились в 2013 г. в связи с необходимостью проведения охранно-спасательных работ по мере разрастания действующего сельского кладбища. Они проводились ООО «Костромская археологическая экспедиция» под руководством А. В. Новикова и О. В. Новиковой в северной части памятника у границы некрополя. Раскопками 2013–2016 гг. был вскрыт участок памятника площадью 125,92 кв. м. Полученные в результате исследований материалы пополнили коллекцию роговых гребней с территории городища и расширили её ассортимент. Назрела необходимость введения в научный оборот новых материалов, а также изучения всего комплекса роговых гребёнок на основе новых подходов к их описанию и классификации, а также расширения географии известных аналогий для уточнения и дополнения выводов, сделанных Е. А. Рябининым.

Коллекция гребней из рога, полученная в результате раскопок 1988–1989, 1991 гг. и 2013–2016 гг., включает в себя 23 предмета, в том числе целые гребёнки, их фрагменты и отдельные конструктивные элементы, а также заготовки с определимой групповой принадлежностью. Отдельно следует отметить, что прорисовки гребней из раскопок 2013–2016 гг. были выполнены Рябининой Е. В.

Все рассматриваемые гребёнки и их отдельные фрагменты относятся к односторонним. В свою очередь, односторонние гребни подразделяются на цельные и наборные. Рассмотрим каждую группу отдельно.

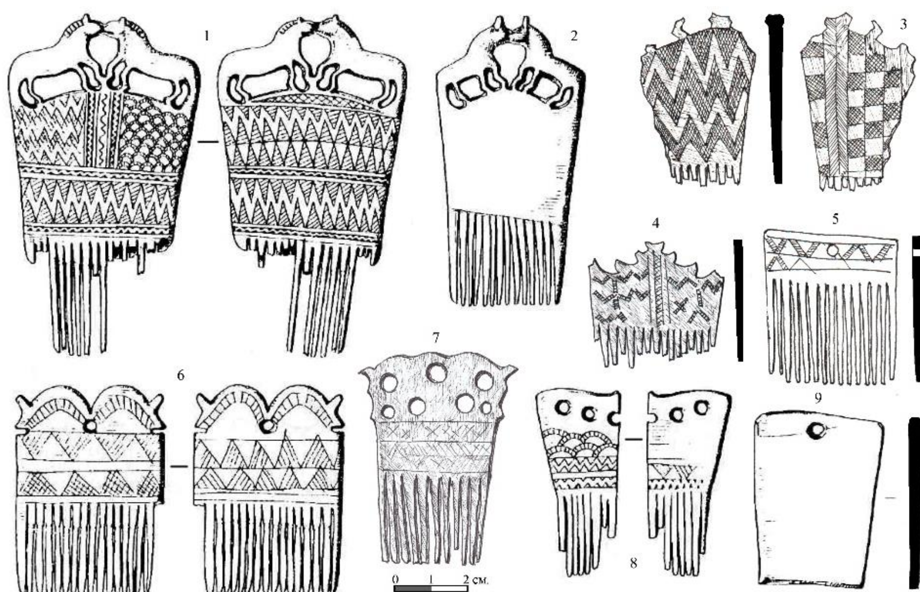

Рис. 3. Односторонние цельные зооморфные роговые гребни (№№ 1, 2, 6, 8, 9 публикуются по: *Рябинин*, 1992. С. 160)

I. Односторонние цельные зооморфные роговые гребни.

Односторонние цельные зооморфные роговые гребни представлены 8 экземплярами, изготовленными из плоской роговой пластины, вытянутой по вертикали, прямоугольной или трапециевидной формы, при этом верхняя часть пластины орнаментирована резными фигурами (рис. 3).

Отличие гребней заключается в особенностях оформления резной фигурной части спинки, а именно: полное или частичное изображение животных, их положение относительно друг друга, степень стилизации, форма основания. Характер орнаментации учитывался только для определения подтипов и характеристики степени завершённости гребней.

Так спинки двух экземпляров гребней оформлены в виде пары резных коней в полный рост, обращенных друг к другу и опирающихся на треугольное основание. У фигурок животных отчетливо прорезаны головы, туловища, ноги и хвосты (рис. 3, *1, 2*). На двух других гребнях декоративные зооморфные элементы оказались утрачены и их типологизация возможна лишь по

треугольному основанию и фиксирующимся на нём обломанным оконечностям фигурок животных (рис. 3, 3, 4).

По форме гребни соотносятся с подгруппой 1, типом 1 классификации односторонних цельных зооморфных роговых гребней севера Восточной Европы, разработанной Н. Б. Крыласовой и датируются второй половиной IX–X вв. (*Крыласова,* 2007. С. 73-75).

Отдельно следует отметить, что гребни, рассматриваемой подгруппы и типа, полученные Е. А. Рябининым в ходе раскопок, автором работ по двум известным ему на тот момент аналогиям с поселения Крутик (Вологодская обл., Кирилловский р-н) были датированы X в. (*Рябинин,* 1992. С. 154).

Гребни подгруппы 1, типа 1 обнаружены на территории Пермского края (погр. 6, 8, 26 Плесинского могильника, Саламатовского городища) и республики Удмуртия (городище Иднакар), а также в Старой Ладоге и Владимирских курганах (*Крыласова,* 2007. С. 73).

Кроме того, группа односторонних цельных зооморфных роговых гребней представлена фрагментом, на котором изначально размещались сильно стилизованные изображения пары резных фигур (предположительно коней), обращенных друг к другу (рис. 3, *8*). Фигурки расположены на горизонтальном основании, ноги изображены слитными парами. Н. Б. Крыласова относит рассматриваемый гребень к подгруппе 1, тип 2 своей классификации и датирует его второй половиной IX–X вв. Такие гребни известны по материалам поселений Крутик (Вологодская обл., Кирилловский р-н.) и Тимиревское (Ярославская обл.), погр. 6 Редикарского могильника (Пермский край, Чердынский р-н.), погр. 6 Плесинского могильника (Пермский край, Гайнский р-н.) и Новогрудка (Респ. Беларусь, Гродненская обл.) (*Крыласова*, 2007. С. 73–75).

Отдельно следует отметить, что рассматриваемый гребень был отнесен Е. А. Рябининым к типу гребней, рукоятки которых выполнены в виде обращенных в противоположные стороны конских голов, и датирован X–XI вв. (*Рябинин,* 1992. С. 154).

Также рассматриваемая группа представлена одним односторонним гребнем с рукоятью, оформленной в виде относительно реалистично изображенных двух направленных в противоположные стороны и опущенных вниз конских голов, которые сливаются мордами с основанием гребня и между которыми

находится отверстие для привешивания (рис. 3, *7*). Под дугообразно изогнутыми шеями наблюдается пара круглых отверстий. Под ними, а также под отверстием для привешивания в центральной части спинки, наблюдается еще одна пара аналогичных круглых отверстий. В свою очередь, под мордами отмечается дополнительная пара круглых отверстий меньшего диаметра. На одной из сторон гребня тонкими штрихами намечен геометрический орнамент в виде косой решётки. Исполнение элементов орнамента и нарезка зубьев гребня неаккуратные, что может свидетельствовать об умирании стиля или о низком уровне производства.

По классификации Н. Б. Крыласовой гребень относится к подгруппе 2, тип 3, подтип 2 и датируется X – началом XI в. Наиболее массово рассматриваемый тип гребней представлен в Среднем Предуралье - на территории Пермского края (Рождественское городище, Кудымкарское селище, погребение 20 Каневского могильника, погребение 25 Плесинского могильника) и Удмуртии (погребения Поломского II и Варнинского могильников, городище Иднакар). Именно этот регион Н. Б. Крыласова считает родиной роговых зооморфных гребней с относительно реалистичными изображениями двух конских голов. Кроме того, подобные гребни найдены в Суздальском Ополье (Владимирские курганы) и на северо-западе Восточной Европы (г. Тарту) (*Крыласова*, 2007. С. 75, 77, 79).

Наиболее близкая унорожскому роговому гребню аналогия наблюдается в погребении 20 Каневского могильника (*Крыласова*, 2007. С. 75. Рис. 4, *10*, С. 77; Генинг, 1970. С. 41, 53. Приложение. Табл. 27, *20*). Однако следует отметить, что Р. Д. Голдина относит Каневский могильник к урьинской стадии развития ломоватовской культуры (конец VIII–IX вв.) и отдельно отмечает, что он перестает использоваться в IX в. (*Голдина*, 1985. С. 133). Возникающее при этом разногласие в датировке погребения 20 Каневского могильника Н. Б. Крыласова, к сожалению, не объясняет, в связи с чем, вопрос о времени бытования гребней рассматриваемого типа остаётся открытым.

Еще один односторонний зооморфный роговой гребень имеет рукоять, оформленную в виде двух направленных в противоположные стороны стилизованных голов коней, между которыми располагается отверстие для привешивания (рис. 3, *6*). Изображение конских голов передает изгиб шеи, уши, небольшим выступом обозначена нижняя

часть морды. Гребень соотносится с подгруппой 2, тип 4, подтип 4 по классификации Н. Б. Крыласовой и датируется IX–X вв. Автор классификации отмечает, что гребни подгруппы 2, типа 4 были самыми массовыми. Наиболее широко они представлены в республике Удмуртия (городища Иднакар, Весьякар, Дондыкар; в погребениях Поломских могильников, в Варнинском и Тольёнском могильниках, в погр. 31, 32 могильника Красная Горка близ д. Полом), кроме того встречаются в Пермском крае (Лаврятинское городище), Владимирской области (погр. 43 и 145 Подболотьевского могильника вблизи г. Муром), Нижегородской области (Черемисское кладбище в Ветлужском р-не.), Кировской области (Аверинский могильник), на Псковском городище, в Старой Ладоге и Тарту (*Крыласова*, 2007. С. 76-77). Следует отметить, что Рябинин датирует рассматриваемый изделие X–XI вв. (*Рябинин*, 1992. С. 154).

Отдельного рассмотрения заслуживает цельный роговой гребень без зооморфных украшений рукоятки (рис. 3, *5*). Гребень вырезан из пластины слегка трапециевидной формы, верхний край которой горизонтально срезан. В верхней центральной части гребня сделано отверстие для подвешивания. В верхней части рукоятки гребня нанесена зигзагообразная гравировка с горизонтальными линейными разделителями, в нижней части – начало чешуйчатого орнамента в виде одной прочерченной чешуи и намеченных в форме дуги контуров второй чешуи. С обратной стороны прослеживается только начало чернового контура гравировки, близкой к зигзагообразной, с горизонтальными линейными разделителями. Также следует обратить внимание на то, что отверстие для подвешивания нарушает орнамент в верхней части рукоятки гребня. Это может свидетельствовать о вторичном использовании гребня после утраты декоративной зооморфной части рукоятки.

II. Односторонние наборные гребни. Односторонние наборные гребни городища Унорож, в соответствии с предложенными О. И. Давидан критериями классификации по размеру, а также по отношению между шириной и толщиной накладки, выраженному в числовом индексе, условно разделяются на две подгруппы: большие гребни с числовым индексом > 4 и небольшие гребни с числовым индексом < 4 (*Давидан*, 1999. С. 168).

1) Большие односторонние наборные гребни с числовым индексом > 4 представлены двумя целыми гребнями и одним

фрагментом накладки. Длина целых рассматриваемых образцов равняется 16,5 см и 23,5 см (рис. 4).

Целые гребни состоят из двух дугообразных накладок, выпуклых с лицевой стороны и плоских с внутренней, украшенных с лицевой стороны линейно-кружковым орнаментом, а также зубчатых пластин, в одном случае с крупной, треугольной в плане нарезкой, в другом с мелкой нарезкой, которые скрепляются между накладками при помощи металлических штифтов (рис. 4, *1*, *2*). Накладки украшены линейно-кружковым орнаментом. Отдельный фрагмент накладки имеет сходные черты с накладками рассмотренных целых гребней, а именно: дугообразную спинку, выпуклую лицевую и плоскую внутреннюю стороны, отверстия под штифты (рис. 4, *3*). Кроме того, он также украшен линейно-кружковым орнаментом.

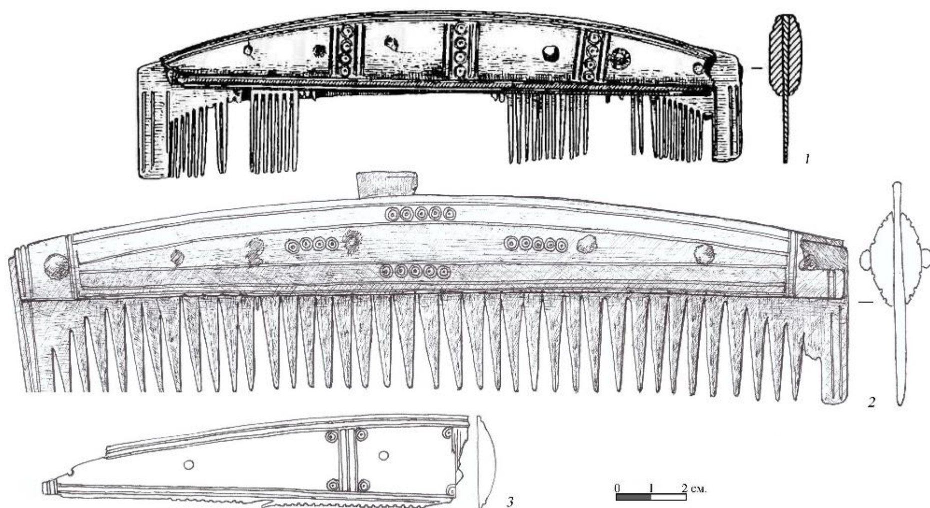

Рис. 4. Односторонние наборные гребни I группы (по классификации О. И. Давидан) (№ 1 публикуются по *Рябинин*, 1992. С.161)

Большие размеры целых гребней и фрагмента накладки, отношение между шириной и толщиной у накладок > 4, а также линейный и кружковый орнамент накладок позволяют отнести целые гребни и фрагмент накладки гребня к I группе, тип 1в по классификации О. И. Давидан и широко датировать VIII-X вв. (*Давидан*, 1962. С. 95–100; *Давидан*, 1999. С. 168).

Территория распространения гребней рассматриваемой группы – Северо-Западная Русь (Старая Ладога, поселение Новые Дубовики,

городище Городец, Рюриково городище, Псков, городища Изборск и Камно, Гнёздовский могильник) и Северо-Восточная Русь (Сарское городище, поселение Тимерёво), при этом больше всего их обнаружено в Старой Ладоге. За пределами Древней Руси односторонние наборные гребни с накладками I группы были широко распространены в Западной Европе (Германия, Польша) и Северной Европе (Дания, Норвегия, Швеция) (*Кондратьева*, 2011. С. 42–43, 51; *Давидан*, 1962. С. 99–100).

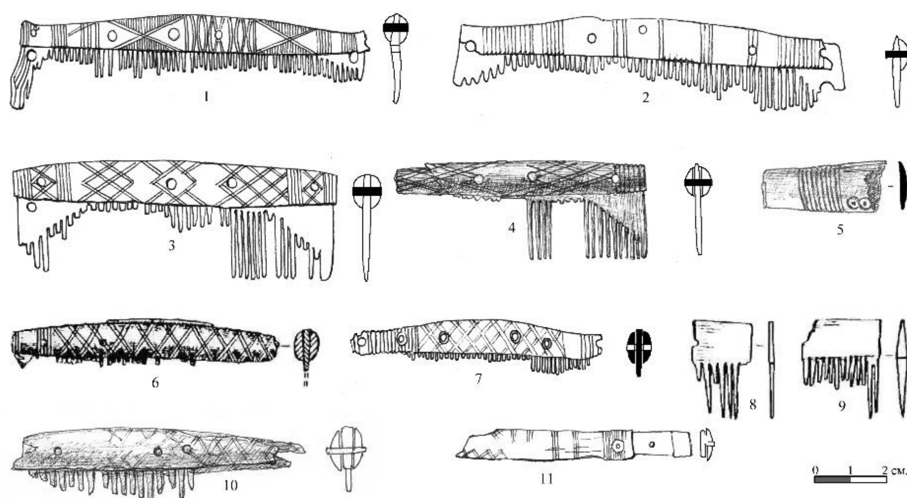

Рис. 5. Односторонние наборные гребни II группы (по классификации О. И. Давидан) (№№ 6, 8, 9 публикуются по *Рябинин*, 1992. С. 160-161)

2) Небольшие гребни с числовым индексом < 4 представлены 6 относительно полными формами, одним экземпляром с утраченными краями, который может быть определен только по групповым признакам, фрагментом накладки, 2 фрагментами пластин с зубцами и фрагментом футляра (рис. 5). Все гребни имеют пластины с частой и мелкой нарезкой зубцов, скрепленные между накладками металлическими штифтами. Длина целых форм гребней – 6,7-10,9 см. Все гребни украшены различными вариантами крестообразного орнамента по О. А. Кондратьевой, за исключением фрагмента накладки, орнаментированной сочетанием линейного и кружкового орнамента (*Кондратьева*, 2011. С. 62).

Существенные различия гребней заключаются в форме накладок. Так форма одного фрагмента накладки и накладок четырёх

относительно целых экземпляров гребней узкая, выпуклая или простая дугообразная (рис. 5, *3-7*), что позволяет отнести эти гребни ко второй группе, типу 1 по классификации О. Давидан и широко датировать IX-XI вв. (*Давидан*, 1962. С. 100-101; *Давидан*, 1999. С. 168). Исключение в датировке составляет один из гребней, который имеет отверстие под штифт крепления гребня с футляром (рис. 5, *3*). Поскольку в Новгороде гребни с футлярами известны со второй половины X в., рассматриваемый экземпляр может быть датирован более точно второй половиной X–XI вв. (*Меснянкина*, 2007. С. 223).

Кроме того небольшие гребни с числовым индексом < 4 представлены также двумя экземплярами с дугообразными накладками и верхними выступами в виде «рожек» (рис. 5, *1, 2*), что позволяет отнести их ко второй группе, типу 2 по классификации О. И. Давидан (*Давидан*, 1999. С. 168). Такая форма накладок традиционна для гребней Восточной Скандинавии, широко представленных на территории Европы в IX–X вв. (Меснянкина, 2007. С. 223). Отдельно следует отметить, что оба гребня, относящиеся ко второй группе, типу 2, являются бесфутлярными, т. е. пластины с зубцами не защищались футляром. На крайних пластинах, под накладками, у них просверлены отверстия, в которые вставлялись металлические кольца для подвешивания.

Еще один гребень, ввиду плохой сохранности может быть определен только по групповым признакам: небольшому размеру и по отношению между шириной и толщиной накладки, выраженному числовым индексом < 4 и отнесен ко второй группе гребней по классификации О. И. Давидан и широко датирован IX-XI вв. (рис. 5, *10*). Так же классифицируются и датируются фрагменты пластин с зубцами (рис. 5, *8, 9*) (*Давидан*, 1962. С. 99–101).

На территории Древней Руси гребни II группы известны в Старой Ладоге, в курганах Южного Приладожья и близ Старой Ладоги, в Гнездовских курганах, в Михайловском могильнике, на городище Крохино, близ Белозерска, в могильнике на Белом озере, на поселении Минино I и могильнике Минино II, в кургане у села Челмужи, в Пскове, на Сарском городище, во Владимирских курганах, в Люцинском могильнике, в Киеве, в Чернигове, в Новгороде, в бассейне р. Кама. Кроме того, аналогичные гребни встречаются в большом количестве во многих европейских странах:

Швеции (Бирка), Норвегии, Дании (Треллборга), Германии (Хедебю), Польше, Румынии и т. д. (*Давидан*, 1962. С. 101; *Кондратьева*, 2011. С. 83).

Кроме того, в ходе раскопок на городище Унорож был обнаружен фрагмент футляра одностороннего наборного гребня, относящегося, по всей видимости, ко второй группе, типу 1 по классификации О. И. Давидан (рис. 5, *11*) (*Давидан*, 1999. С. 168). Футляр состоит из боковой пластины, к которой металлическим штифтом крепится фрагмент накладки. Ниже крепления накладки на боковой пластине наблюдается еще один металлический штифт, который крепил утраченную вторую накладку. В Новгороде футляры с двумя парами накладок получили преимущественное распространение во второй половине X – начале XI вв. (*Меснянкина*, 2007. С. 223).

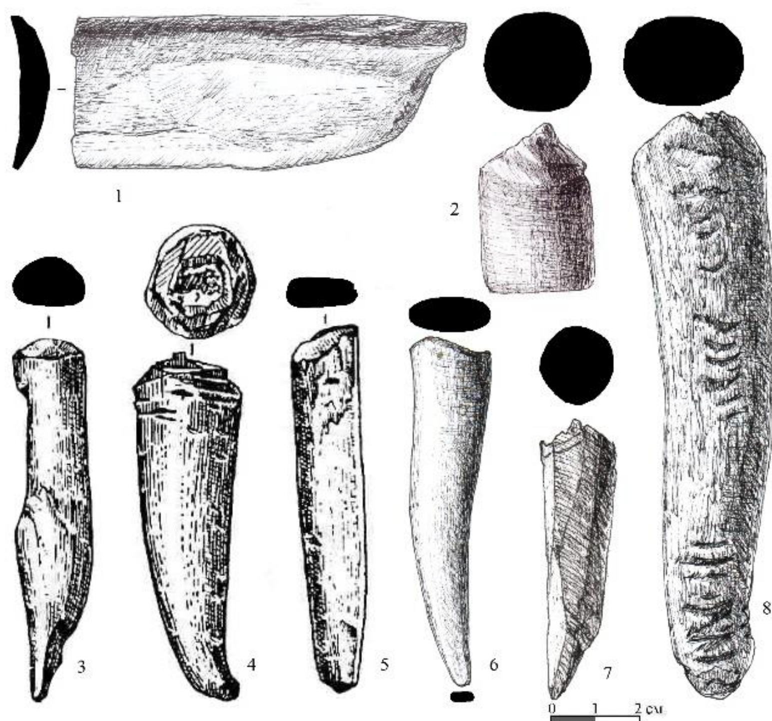

Рис. 6. Заготовки и отходы косторезного производства
(№3–5 публикуются по: *Рябинин Е. А.,* 1992. С. 161–162)

Завершая обзор коллекции гребней, обнаруженных на городище Унорож, необходимо обратиться к рассмотрению выдвинутой Е. А. Рябининым гипотезы о производстве гребней на памятнике. Это предположение основывалось на находке прямоугольной пластины с отверстием для подвешивания в ее верхней центральной части, которая была интерпретирована автором раскопок как заготовка цельного рогового гребня (рис. 3, *9*), а также на основании находок отходов и заготовок из рога (рис. 6, *3–5*).

Для подтверждения выдвинутой гипотезы определённый интерес представляет фрагмент накладки одностороннего наборного гребня второй группы, типа 1 по классификации О. И. Давидан, обнаруженный в раскопе 2014 г. (рис. 5, *5*). При детальном рассмотрении накладки заслуживает внимания расположение её орнамента в виде группы из 10 вертикальных прямых бороздок, которая, в отличие от имеющихся аналогий, сильно удалена от края гребня на 1,1 см. Также следует отметить, что с внешней стороны накладки на расстоянии 0,9 см от края видна тонкая, неглубокая вертикальная прямая полоса, нанесенная острым предметом, а с внутренней стороны на расстоянии 1-1,1 см от края гребня отмечаются 3 аналогичные полосы. Также обращает на себя внимание небрежное окончание гребня, где рядом с краем видны следы от пропила и надлома. Грубое завершение конца гребня, относительно большая удалённость группы вертикальных прямых бороздок от края, фиксация тонких вертикальных прямых полос, намечавших, по всей видимости, место будущего пропила, а также отсутствие отверстий для штифтов на относительно большом по размеру фрагменте – всё это свидетельствует о том, что накладка по какой-то причине не была завершена. Вероятнее всего, она сломалась во время обработки и была выброшена.

В материалах раскопок городища 2013–2016 гг. также встречаются отходы и заготовки косторезного производства, среди которых следует выделить прямоугольную в плане пластину со скошенным и слегка закруглённым краем из лосиного рога (рис. 6, *1,2, 6–8*). Однако чётко связать эти материалы, равно как и находки Е. А. Рябинина, с производством гребней на памятнике пока преждевременно.

Заготовка цельного рогового гребня и фрагмент незавершённой накладки одностороннего наборного гребня являются на данный момент единственными и поэтому лишь косвенными

свидетельствами присутствия на городище производства гребней. Отсутствие в материалах раскопок косторезного инструментария, а также заготовок и отходов, непосредственно связанных с производством гребёнок, пока не дают возможности утверждать, что на памятнике присутствовало производство гребней. Лишь дальнейшие исследования памятника способны предоставить данные, подтверждающие или опровергающие гипотезу Е. А. Рябинина.

Таким образом, полученная в ходе раскопок городища Унорож коллекция гребёнок характеризуется значительным разнообразием групп и типов, территориального распространения и периодов бытования.

Отдельно следует отметить, что использование исследования Н. Б. Крыласовой, обобщающего материалы о зооморфных односторонних роговых гребнях, позволило уточнить типы, датировки и территории распространения находок, полученных в ходе раскопок Е. А. Рябинина.

По времени бытования известных аналогий все гребни вписываются в хронологические рамки преимущественно IX–XI вв., что в основном соотносится с датировкой горизонта тёмно-коричневой тяжёлой супеси, на разных уровнях которого отложились изделия.

В свою очередь, территория распространения аналогичных роговых гребёнок простирается от Западной и Северной Европы до Среднего Предуралья, предоставляя тем самым материал для общей характеристики торговых и культурных связей населения городища с внешним миром. Так находки наборных гребней могут свидетельствовать о контактах населения городища с Северо-Западной Русью, а обнаружение односторонних цельных зооморфных роговых гребней говорит о тесных связях со Средним Предуральем и Удмуртией. Причем широкий ассортимент гребёнок и различные хронологические рамки их бытования свидетельствуют о том, что эти связи носили длительный и регулярный характер.

Отдельно следует отметить, что полученные данные не противоречат выводам о времени бытования и территориальном распространении всей совокупности вещевых находок с указанного горизонта культурных напластований. В то же время вопрос о присутствии на памятнике местного производства гребней остается актуальным и открытым.

Литература

Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К. И. Комаров. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 162–166.

Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1970. Позднеломоватовские памятники в Коми-пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. Вып. 9: Памятники ломоватовской культуры. Свердловск. С. 30–56.

Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 280 с.

Голубева Л. А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. 112 с.

Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. Л.: Государственный Эрмитаж. С. 95–108.

Давидан О. И., 1999. Новые находки гребней в Старой Ладоге // РА. № 1. С. 167–174.

Комаров К. И. Отчет о работах Костромской экспедиции в Костромской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9867.

Кондратьева О. А., 2011. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России: Археологические и этнографические очерки / Науч. ред С. В. Белецкий. СПб. 244 с.

Крыласова Н. Б., 2007. Зооморфные роговые гребни в материальной культуре севера Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. С. 73–80.

Матасов М. И. Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1226.

Матасов М. И. Отчет об археологических разведках в Костромской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1721.

Меснянкина С. В., 2007. Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука. С. 215–253.

Миловидов И. В., 1890. Древности Костромского края, известные Архивной комиссии // Костромская старина. Вып. 1. Кострома: Костр. учен. арх. комис. С. 115–133.

Новиков А. В., Новикова О. В. Отчеты о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области в 2013-2016 г. // Архив ИА РАН.

Отчёт о деятельности Костромского Научного Общества по изучению местного края за 1927 год (Год XVI-й). Кострома, 1928. С. 17.

Рябинин Е. А., 1989. Отчёт о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. (раскопки средневековых памятников в Галичском районе Костромской области) // Архив ИА РАН. Р-1. №12779.

Рябинин Е. А., 1990. Отчёт о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №15730.

Рябинин Е. А., 1992 а. Отчёт о работе Заволжской экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №16341.

Рябинин Е. А., 1992 б. Северный трансевропейский путь X века и меря (по материалам резной кости Костромского Заволжья) // Археологические вести. № 1. С. 153–162.

Херсонский И. К., 1890. Сведения о некоторых памятниках старины, доставленные в Костромскую ученую архивную комиссию от церквей Костромской епархии // Костромская старина. Вып. 1. Кострома: Костр. учен. арх. комис. С. 1–74.

О. В. Новикова, А. В. Новиков,
С. В. Долгополов

Малый исторический город Макарьев: археологический контекст

Макарьев - один из интереснейших малых городов Костромской области, историческая застройка которого дошла до наших дней в высокой степени сохранности, включая ансамбль построек Макарьево-Унженского монастыря. Его изучение – задача для отдельных монографий, авторы же ставят своей целью дать сжатый очерк истории развития и формирования города в сопоставлении с материалами археологических исследований, показать возможности и перспективы археологического изучения малого исторического города.

Город расположен в юго-восточной части Костромской области, на холмистой равнине в Унженской низменности, протянувшейся с севера на юг вдоль р. Унжи, на её правом берегу, в нескольких километрах выше впадения р. Унжи в Горьковское водохранилище Волги.

В основе формирования города лежит Макарьев-Унженский монастырь, основанный бывшим настоятелем Желтоводской обители в Нижегородском крае Макарием. В 1439 г. казанские татары хана Улу-Махмета разорили Желтоводский монастырь, а игумена Макария отпустили, запретив основывать новые монастыри. Согласно Житию Макария, старец прибыл в город Унжа и попросил подыскать ему уединённое место для будущей пустыни. В 15 верстах к юго-западу от города, на высоком правом берегу р. Унжи, Макарий поставил крест, срубил «малую хижину» для себя и братии и вырыл под горой колодец, вода в котором почиталась целебной. В год смерти (1444 г.) над его могилой возведена деревянная Макарьевская церковь, позднее рядом - церковь Флора и Лавра. Почитание преподобного и связанные с его именем чудеса принесли монастырю широкую известность и соответствующий приток паломников. Одним из таких чудес было признано спасение монастыря в 1552 г. от татар, опустошивших окрестные деревни и разрушивших г. Унжу, но отступивших от стен обители (Житие Макария... 2005. С. 265–275).

К началу XVII в. монастырь являл собой «выразительный по силуэту комплекс деревянных построек, эффектно открывавшийся со стороны реки. В его центре стояли два шатровых храма - собор Троицы и церковь Макария с отдельно стоящей шатровой колокольней, над восточными Святыми воротами возвышалась Никольская церковь, а

вдоль дальней северной границы участка располагались небольшие избы с кельями для настоятеля и братии и хозяйственные постройки» (Памятники архитектуры Костромской области... 2006. С. 52). Близ монастыря, преимущественно с северо-восточной стороны, сформировалась подмонастырская слобода. К середине XVII в. монастырь превратился в крупного земельного собственника: ему принадлежало 90 деревень с 399 дворами и две мельницы на р. Черный Лух и Вотгати. Деревянная застройка не раз выгорала, так, например, известно о разрушительных пожарах 1629 и 1668 гг. Особое внимание к монастырю первых Романовых, обильные дары привели к росту богатств и амбициозным переменам в застройке. Вторая половина XVII столетия характеризуется коренными переменами в застройке монастыря и развертыванием каменного строительства: в центре сооружен пятиглавый Троицкий собор, юго-западнее - пятиглавая же и ненамного меньшая церковь Макария, церковь Благовещения восточнее Макарьевского храма, церковь Николая Чудотворца над главными восточными воротами. У северного края монастырского комплекса был выстроен двухэтажный корпус келий. Краткость периода строительства (23 года) обусловила стилистическое единство, с особенностями характерными для костромского зодчества второй половины XVII в. (Памятники архитектуры Костромской области... 2006. С. 52). При строительстве Макарьевского храма на месте погребения Макария была обнаружена каменная плита и останки погребенного, объявленные мощами преподобного (Беляев В. В. 1907. С. 87–88).

Наиболее крупными населенными пунктами в непосредственной близости к монастырю, вошедшими позднее в черту будущего города Макарьева, являлись расположенная северо-восточнее монастыря - выше по берегу Унжи - д. Коврово, к середине XVIII в. превратившаяся в небольшое село с деревянной церковью, и починок Гаев на севере. Также у монастыря существовали деревня Волково, починки Горлищев-Белошеин, Заплесье-Харин и Уколов, связанные системой тропинок и дорог, идущих по «полянам и луговинам открытым» (Памятники архитектуры Костромской области... 2006. С. 53).

К середине XVIII в. завершилось формирование монастырского комплекса: в 1732 г. севернее основных храмов появился ярусный Успенский храм с больничными палатами, а в 1754–1764 гг. вокруг обители были возведены каменные стены с небольшими башнями в соответствии с разрешением строительства оград для удаления от мира

братии. Вместе с тем история монастыря в конце XVII–XVIII веке — это история оскудения и падения значения в результате петровских и екатерининских секуляризационных реформ, активной политики по ограничению и использованию монастырских ресурсов гражданской властью (Беляев В. В. 1907. С. 287–301). По всей видимости, резкое сокращение строительства и ограниченность его продолжительности была обусловлена новой политикой государства.

Население близлежащих селений занималось кожевенным, салотопенным и мыловаренным промыслами. Известно о находке в середине XVIII века в пойме Унжи серного колчедана и существование до конца столетия серного завода. В 1775 г. в центре села Коврово рядом со старой деревянной выстроена каменная церковь Рождества Христова. В 1778 г. Макарьевский монастырь, подмонастырская слобода, село Коврово, окрестные деревни и починки были объединены в город, получивший название Макарьева на Унже (в отличие от одноименного города в Нижегородской губернии). К 1783 г. в Макарьеве насчитывалось 318 жителей мужского пола (Памятники архитектуры Костромской области...2006. С. 53).

До наших дней Макарьев сохранил регулярную планировочную структуру. Первый регулярный план города был утвержден в 1781 г., однако сложившаяся в течение XVI–XVIII вв. планировка, обусловленная существованием крупного монастыря с каменными постройками, а также подчиненная топографическим особенностям местности и направлению крупных дорог, сохранялась вплоть до самого начала XIX в. К северу и северо-востоку от монастыря, за оврагом, по дну которого протекал Безымянный ручей, существовала подмонастырская слобода. Небольшая часть слободы своими огородами подходила с северо-восточной стороны к стенам обители. Почти вся слободская застройка тянулась по обеим сторонам большой дороги, ломаная трасса которой пролегала вдоль течения Унжи и вела в юго-восточном направлении в Кадый, а в северном - через бывшее село Коврово в Кологрив. От дороги в направлении к берегу Унжи спускалось несколько коротких улиц, а одна из них, пересекая дорогу, вела мимо кладбища в слободу Гаево (Памятники архитектуры Костромской области... 2006. С. 56).

По регулярному плану 1781 г., с изменениями после крупного пожара 1802 г., планировке города придавалась веерно-радиальная форма. Естественной границей с юга стал высокий обрывистый берег реки Унжи. С других сторон план получал почти правильный

пятигранный абрис, закрепленный валом и рвом. В проекте 1802 г. с включением подгородной Филиной слободки эта фигура расширена на северо-восточной окраине добавлением небольшой четырехугольной территории, также охваченной валом и рвом.

Реализация плана регулярной застройки стала возможной лишь после грандиозного пожара 1802 года, когда была уничтожена практически вся старая деревянная застройка. К середине XIX века система улиц и площадей была выполнена в соответствии с планом.

По данным 1857 г. в городе насчитывалось 3716 жителей, среди них дворян 174, купцов 291, мещан 2929 человек. Число ремесленников – 138. В городе работали: одна табачная фабрика, два кожевенных, один свечной и один мыловаренный заводы (Памятники архитектуры Костромской области... 2006. С. 58–59).

Для XIX века характерно активное освоение ранее окраинных территорий. На 1897 г. население превысило 6000 жителей, а городская территория активно расширяется за пределы исторических границ.

Город продолжал развиваться как значительный торговый центр. В середине 1890-х гг. на главной площади города был заложен Тихвинский собор, известный также как собор Александра Невского (по наименованию одного из приделов). В 1906 г. его освятили. В послереволюционный период территория Макарьева существенно расширилась, сохраняя при этом заложенную регулярным планом веерно-радиальную структуру. (*Белоруков*, 2000. С. 176–178; *Инягин*, 1994).

Несмотря на впечатляющую историю, археологически город изучен крайне слабо, исследования здесь всегда носили эпизодический характер. В 1994 г. П. Г. Инягиным и Д. Г. Свечниковым впервые выполнены археологические исследования культурного слоя г. Макарьева - работы по составлению археологической карты с выделением охранных зон. Результаты изучения материалов привели исследователей к следующим выводам:

1. Древнейшая часть города располагалась в пределах «монастырского» холма, здесь выделена охранная зона № 1. Примерные этапы развития (по П. Г. Инягину): А) Славянское селище XIV–XV вв., здесь же – находки позднебулгарской керамики конца XIII — начала XIV вв. С XIV в. – возникновение д. Макарово на базе селища. Б) Развитие деревни до и после возникновения монастыря. К 1779 г. – фактическое слияние всех деревень и починков, образование города. В) Развитие монастыря (с 1444 г.). Образование

подмонастырской слободы. Наибольшее количество материала XV-XVII вв. – это период значительного подъема, роста монастыря. В XVIII в. фактически завершилось основное каменное строительство.

2. Вещевой материал раскопок – печные изразцы, отходы стеклопроизводства, кованая пряжка и др. позволяет думать, что монахи пользовались услугами близлежащих деревень и сёл (село Ковරово).

3. Монета начала XVII в., найденная на глубине (-180) в раскопе в слое коричневой супеси, привязывает материал среднего уровня залегания к строительным периодам (засыпка оврага строительным мусором) XVII — второй половины XVIII вв. и доказывает его принадлежность к «эпохе деревянного монастыря».

4. Вторая охранная зона включает в себя территорию бывшей д. Волково с древним культурным слоем периода зарождения города (до 1779 г.).

5. Третья охранная зона включает территорию бывшей д. Коврово с древним культурным слоем до возникновения монастыря и времени его бытования с XV в. К 1522 г. юго-восточная часть села являлась наиболее древней – основой зарождения и развития села.

6. Центр города, с момента укрепления могущества монастыря, зарождался постепенно, при поэтапном слиянии Подмонастырской слободы, части д. Макарово, д. Волково, с. Коврово. Кроме центральной «монастырской» части города, с конца XVII в. в культурный слой города, вероятно, можно отнести территорию бывших починков Харино-Заплёсье, Гаево (Гаев), Уколово (Уколов).

Несмотря на то, что исследования были ограничены шурфами общей площадью 8 кв. м на территории монастырского комплекса и сборами на месте вырытых под хозяйственные нужды траншей, авторам удалось выявить старинное монастырское кладбище, а также два сруба, датированных по вещевому инвентарю XVII в. Была собрана интересная коллекция керамических изразцов, датируемых в пределах последней трети XVII – XVIII вв. По П. Г. Инягину, в сборах представлены два комплекса изразечных фризов XVII в., относящихся к двум развалившимся и, по всей видимости, разновременным печам. К первому комплексу относится серия сильно фрагментированных красноглиняных рельефных неглазурованных изразцов. Лишь на одном фрагменте сохранилась узкая (до 1 см) рамка и коробчатая румпа. В слое развала печи сгоревшего сруба обнаружена серия красноглиняных рельефных узкорамочных изразцов, покрытых зеленой поливой, (т. н. муравленных) с коробчатой румпой.

Автор исследований считал, что по своим мотивам макарьевские изразцы близки к московским, однако подчеркивал отсутствие полных аналогий выявленным комплексам. Обращает на себя внимание их стилистическое различие, что объясняется не столько вероятным хронологическим разрывом в их появлении, сколько различным происхождением, в частности, первый комплекс неглазурованных изразцов имеет некую стилистическую близость костромским изразцам. Проблема костромского изразечного производства до настоящего времени не решена, хотя в Писцовых книгах Костромы упоминается большое количество кирпичников, часть из которых могла производить изразцы, в Писцовой же книге Костромы 1628/29 гг. упоминается муравленик. Возможно, так же, что массивные и довольно дорогостоящие изразечные фризы изготавливались в ближайшем окружении Макарьева. Тем не менее, о точном месте их производства говорить преждевременно (*Инягин П. Г., Свечников Д. Г.*, 1994).

Постановлением главы администрации Костромской области от 28.10.1999 г. № 470 культурный слой г. Макарьева принят на государственную охрану: археологическая часть города разделена на два объекта: «Культурный слой на территории Макарьево-Унженского монастыря», XV–XVIII вв. и «Участок культурного слоя посада Макарьево-Унженского монастыря», XV–XVIII вв.

Костромской археологической экспедицией в 2012 и 2016 годах проводились спасательные раскопки на территории исторического ядра города, сложившегося ко времени перепланировки на регулярной основе. В границах объекта археологического наследия «Участок культурного слоя посада Макарьево-Унженского монастыря», XV-XVIII вв. были заложены два раскопа: в 2012 году площадью 64 кв.м у дома № 14 по ул. Малая Советская (часть бывш. ул. Дворянской), в 2016 г. площадью 48 кв.м у дома № 4 по этой же улице. Кроме того, в 2012 году заложен разведочный шурф и выполнены археологические наблюдения на участках прокладки коммуникаций по адресу ул. Площадная, 2 (рис. 1).

Для всех исследованных участков характерна схожесть стратиграфической ситуации: техногенный слой пестроцвета серо-коричнево-желтоватых оттенков с включением строительного и бытового мусора позднего времени, ниже - слой серой супеси, являющийся собственно культурным слоем, ниже - напластования серо-желтого пестроцвета (отсутствуют в наиболее западном раскопе на

Малой Советской, 14), представляющие из себя, по всей видимости, подзол и поддерновый слой древней дневной поверхности, подвергнутый воздействию при освоении территории, ниже однородный жёлтый стерильный песок.

Техногенный горизонт сформирован в период активного строительства располагавшихся по указанным адресам зданий на

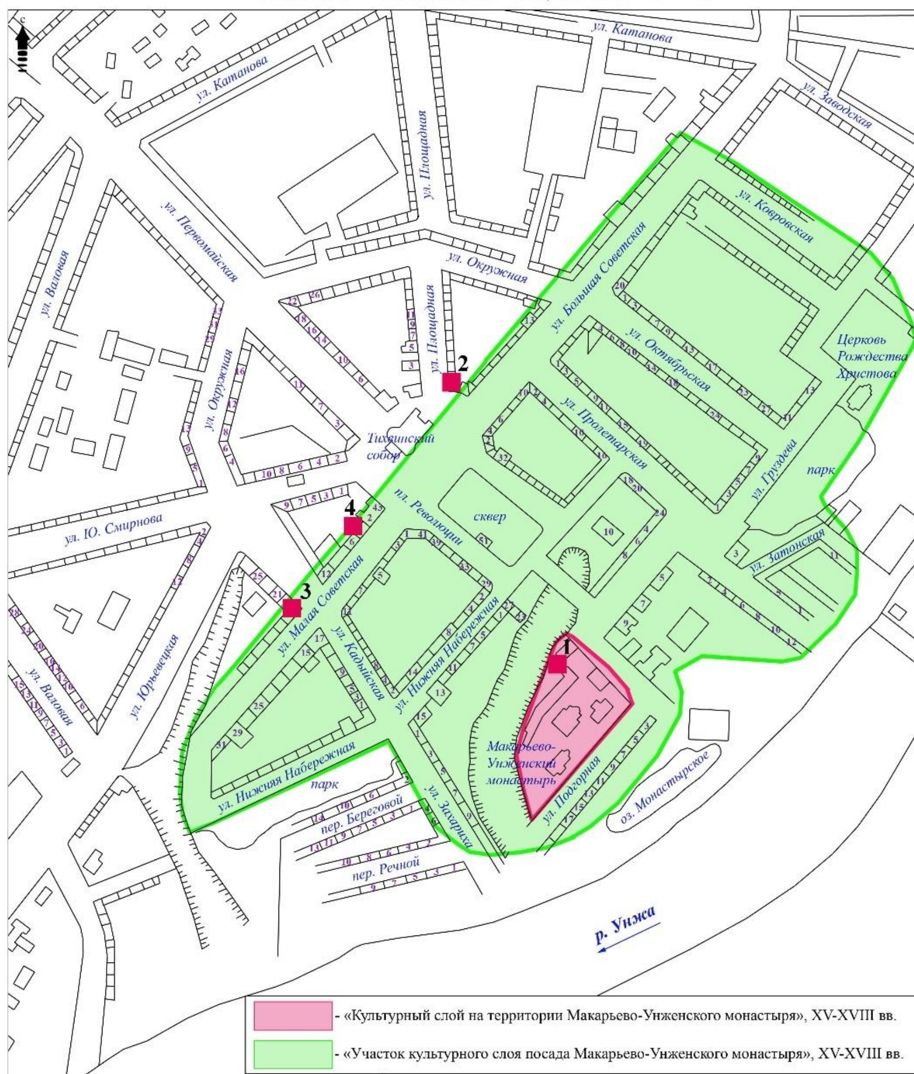

Рис. 1. Схема центральной части г. Макарьев с обозначением границ памятников археологии и мест исследований 1994-2016 гг. (1 – траншея 1994 г., 2 – шурф 2012 г., 3 – раскоп 2012 г., 4 – раскоп 2016 г.).

рубеже XIX–XX веков и хозяйственных объектов в последующее время, включает он и отдельные предметы более раннего времени, попавшие в него с выбросами грунта из многочисленных ям.

Вещевой инвентарь в слое серой супеси несколько различается на разных объектах. Если керамика и монеты, датируемые в пределах XVIII-XIX веков, содержатся на всех трех участках, то в раскопе на ул. Малая Советская, 4 практически полностью отсутствуют формы венчиков сосудов, верхнюю хронологическую границу бытования которых возможно ограничить второй половиной XVII – первой половиной XVIII вв. Наиболее ранняя монета здесь относится к екатерининскому времени, формы посуды датируются временем не ранее XVIII века. Можно констатировать, что между участками посада к востоку и западу от центральной в планировке екатерининского времени площади Революции (бывш. Торговая) вплоть до середины XVIII в. наличествовал неосвоенный участок. Судя по всему, северо-западная (более отдаленная от берега Унжи) часть посада Макарьевского монастыря, сложившегося к концу XVIII века, начинает осваиваться не ранее второй половины XVII века, характерно, что в это же время идет активное каменное строительство в монастыре. По всей видимости, разрастание посада связано с возросшей необходимостью в рабочих руках и притоком рабочей силы со стороны. Определенным свидетельством периферийности участка во второй половине XVII-XVIII вв. можно считать единичное количество столбовых и хозяйственных ям, датированных этим временем, в раскопе на ул. Малая Советская, 14, и полное их отсутствие в раскопе на ул. Малая Советская, 4. В то же время количество объектов XIX–XX веков насчитывается в каждом раскопе десятками, что в целом согласуется с временем перепланировки города на регулярной основе на рубеже XVIII–XIX вв. и размещением здесь вновь образованного городского центра.

Наиболее массовая категория находок в раскопах – фрагменты керамической посуды столового, кухонного и тарного назначения (рис. 2, 3), представленные следующими группами:

1. Сероглиняная гладкая керамика. Поверхность ровная, хорошо заглажена. Обжиг восстановительный. Тесто хорошо промешано, без грубых примесей (в большинстве случаев примесь песка фиксируется визуально), обжиг качественный; черепок плотный, звонкий. Изнутри,

снаружи и в изломе фрагменты ровного, серого, черного или коричневатого цвета. Поверхность сосудов часто покрыта нагаром.

2. Красноглиняная гладкая керамика. Поверхность ровная, хорошо заглажена. Обжиг окислительный. Тесто хорошо промешано, без грубых примесей, обжиг качественный; черепок плотный, звонкий. Изнутри, снаружи и в изломе фрагменты ровного, кирпично-красного или коричневатого цвета.

3. Красноглиняная глазурованная посуда. Тесто без грубых примесей. Обжиг изделий качественный. Полива глухая или прозрачная, с типичной цветовой гаммой кирпично-красного, коричневого, желтого или зеленого цвета.

Наиболее распространенная форма сосудов – горшковидная. Подавляющая часть керамики - из красножгущихся (ожелезненных) глин. Характерной чертой является отсутствие в материалах всех раскопов на территории посада групп чернолощеной посуды, являющихся типичными для Костромы и вообще русских памятников XVI–XIX вв. Свидетельством определенной самобытности (в сравнении с материалами западных районов Костромской губернии) керамического производства может являться также фрагмент верхней части сосуда с раздутым туловом, массивной, с уплощениями, отогнутой шейкой, а также с двойным валиком (рис. 2, 55).

Близкие формы встречены в процессе разведки 2011 г. в шурфе, заложенном юго-восточнее селища Унжа I (в 21 км от Макарьева выше по течению реки Унжи). Любопытно, что в материалах раскопа 2016 года, где культурный слой датирован временем не ранее второй половины XVIII века, подобные венчики уже отсутствуют. В Костроме полные аналоги таким сосудам нами не встречены. Можно предположить, что нивелировка местных особенностей в XIX в. связана с включением Макарьева с систему общероссийской торговли посредством проводимых здесь крупных ярмарок. С XIX века широко распространяется фарфоровая и фаянсовая посуда, составляющая более 10 % всей посуды из культурного слоя в раскопах 2012 и 2016 гг. Отмечено наличие клейм ряда известных фабрик Московской, Нижегородской губерний, отчасти демонстрирующих географию привозной посуды в Макарьеве во второй половине XIX – рубежа XIX-XX веков (рис 4, 1-3). В ходе наблюдений по ул. Площадная, 2 найден фрагмент помадной баночки XVIII века (тип А по А. А. Полюлях).

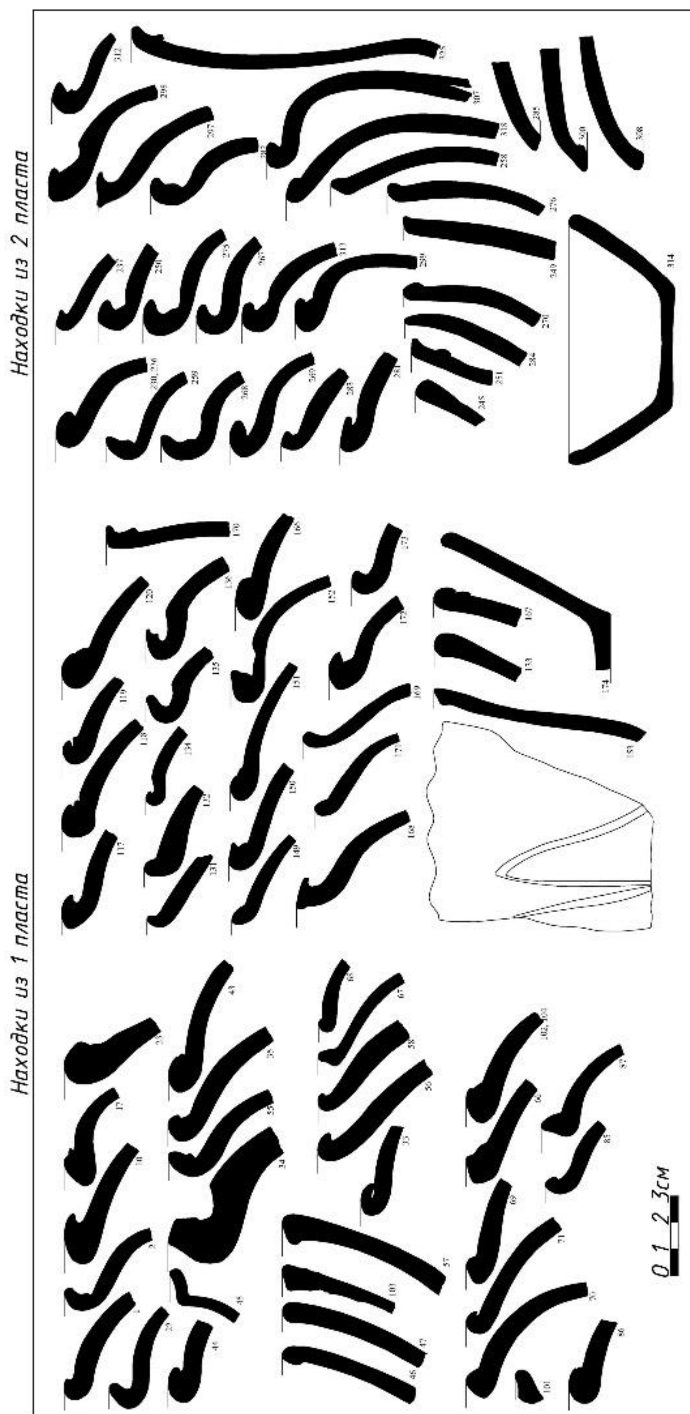

Рис. 2. Керамическая посуда из раскопа на Малой Советской, 14 (2012 г.).

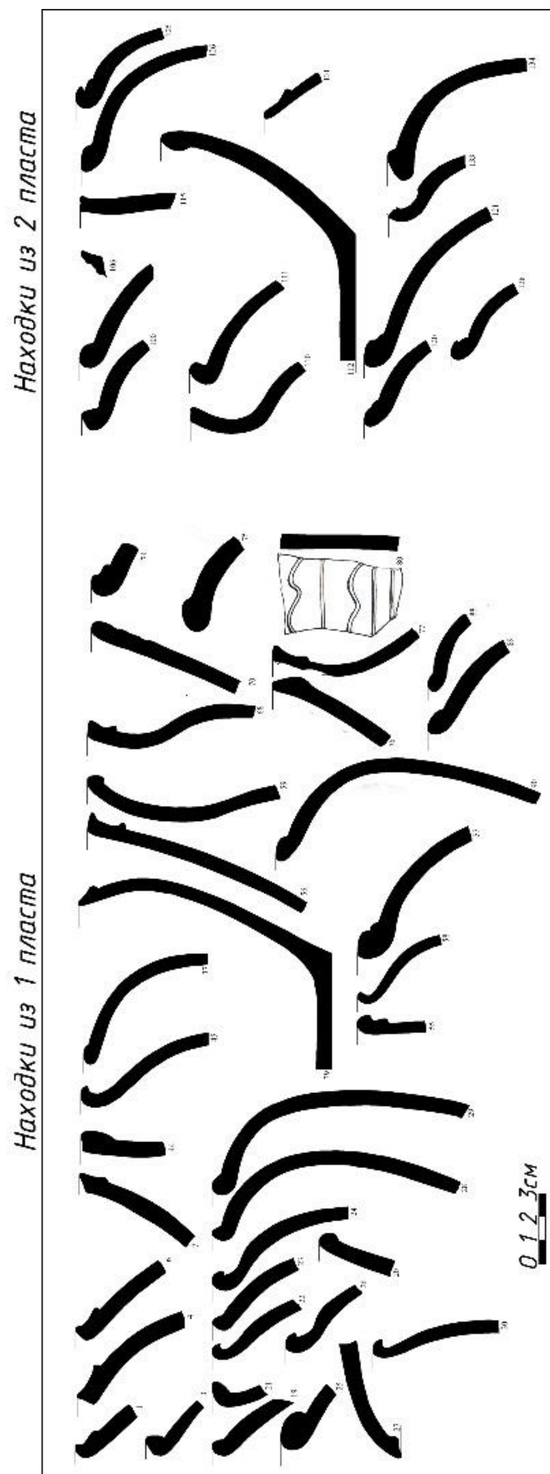

Рис. 3. Керамическая посуда из раскопа на Малой Советской, 4 (2016 г.).

Датирующим материалом в раскопах 2012 и 2016 гг. являются монеты. В раскопе по ул. Малая Советская, 4 несколько монет XIX-XX вв. встречены в техногенном горизонте. Интерес представляет находка монеты сильно коррозированной, но по весу и размерам уверенно сопоставимой с двухкопеечными монетами Екатерины II, монета найдена при разборке культурного слоя во 2 пласте и подтверждает датировку освоения участка во второй половине XVIII века. Здесь же обнаружена конская подкова в форме трехчетвертного овала с шипами на концах и желобком с отверстиями для крепления (рис. 5–3), соотносимая с московскими подковами второго типа, распространенными в XVI–XIX вв., по пропорциям размеров подкова тяготеет к более позднему времени – XVIII-XIX вв. (по: *Двуреченский*, 2004. С. 239–240).

Рис. 4. Клейма XIX – начала XX вв. на фаянсовой посуде из культурного слоя Макарьева

Примечательны находки в раскопе на ул. Малая Советская, 14 двух кованых светцов с тремя и четырьмя держателями (рис. 5–1,2), последний был найден в яме с материалами XIX-XX вв. В то же время многие находки в массе своей имеют либо очень позднее

происхождение, либо слишком широкий период бытования, и зачастую обладают невысокой информативностью (например, кованые гвозди).

Археологические исследования в Макарьеве, к сожалению, носят отрывочный и нерегулярный характер. Тем не менее, на основе весьма скромных по объёму рекогносцировочных работ 1994 года были получены сведения об исторической топографии на территории монастыря, интереснейший набор изразцов, всё ещё нуждающихся в окончательной идентификации и атрибуции. Любопытен вывод П. Г. Инягина и Д. Г. Свечникова о наличии в XIII-XV веках селища на месте будущего монастыря – предтечи села Макарово, хотя правомерность его вызывает сомнения. Основано данное предположение на наличии единственного развала сосуда с клеймом на дне и трех небольших фрагментов красноглиняных сосудов, сопоставленных с позднебулгарской посудой. Собственно, и сами исследователи ссылались на исследования, указывавшие, что бытование клейм на гончарной посуде длится и в XVI столетии. Схожая красноглиняная керамика также бытовала в относительно позднее время и в Костроме, и в Нижнем Новгороде.

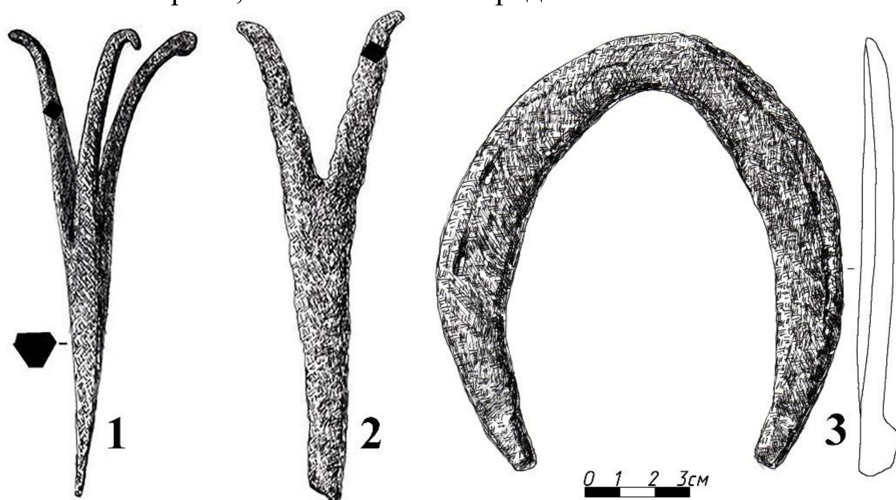

Рис. 5. Светцы и подкова из культурного слоя Макарьева

В рамках спасательных работ 2012, 2016 гг. впервые удалось получить, пусть и фрагментарные, археологические подтверждения сведений о формировании посадских территорий Макарьева, их структуре, развитии начиная с конца XVII в. и заканчивая временем появления регулярной застройки в XIX в. В ходе исследований получены материалы, характеризующие материальную культуру

населения города в Новое время, стратиграфию напластований на значительной части культурного слоя посада (в границах памятника археологии «Участок культурного слоя посада Макарьево-Унженского монастыря», XV-XVIII вв.).

Выполненные работы свидетельствуют о высокой перспективности археологических работ на территории как непосредственно монастыря, так и подмонастырской слободы, сложившейся в результате слияния ряда населенных пунктов, упоминающихся в письменных источниках с XVI в. На ближайшие будущее остаются крайне актуальными археологические исследования для уточнения исторической топографии, времени формирования населенных пунктов, на основе слияния которых возникает собственно город, характеристики различных аспектов духовной и материальной культуры, необходимо продолжить сбор материалов для получения данных естественнонаучными методами.

Литература

Белоруков Д. Ф., 2000. Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. Кострома: Костромской общественный фонд культуры, Эврика-М. 536 с: ил.

Беляев В. В., 1907. История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Фёдоровича. Санкт-Петербург: Издание И. М. Чумакова. 326 с.

Двуреченский О. В., 2004. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 238–245.

Житие Макария... 2005. Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 13: XVI век. / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука. С. 261–276.

Инягин П. Г., Свечников Д. Г., 1994. Отчет об археологических исследованиях культурного слоя г. Макарьева в 1994 г. Кострома.

Новикова О. В. Научный отчёт о выполненных археологических раскопках в городах Макарьев, Нерехта, Кострома Костромской области в 2016 г. // Архив ИА РАН.

Памятники Костромской области… 2006. Рудченко В. М., Смирнов Г. К., Шармин П. Н., Щеболева Е. Г. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск VIII. Кадыйский район. Макарьевский район. Кострома: Департамент культурного наследия культуры и туризма Костромской области. 296 с.

Н. В. Рослякова, Д. О. Гимранов

Археозоологические материалы из раскопок средневекового селища Першино I в Нижегородском Заволжье

При изучении экономики Древней Руси особое значение имеют археозоологические материалы средневековых селищ, которые, в отличии от городов и крупных городищ, дают информацию не только о потреблении, но и о производстве сельскохозяйственной продукции. Однако публикации, посвященные результатам естественнонаучных исследований материалов средневековых селищ все еще немногочисленны (*Антипин*а, 2009; *Яворская*, *Макаров*, *Шполянский*, 2016; *Яворска*я, 2017). В настоящей статье представлены результаты изучения археозоологических материалов селища Першино I, одного из наиболее полно изученных в округе г. Городец. По результатам раскопок время его существования датируется концом XII – серединой XIII вв. Общая площадь памятника составляет около 7 тыс. кв. м., из которых вскрыто 1100 кв. м. Почти на всех участках селища культурные напластования оказались уничтоженными до материка длительной распашкой. Культурный слой частично сохранился только в его северной части. На отдельных участках под пашней прослеживались следы пожара, который был достаточно сильный, но, тем не менее, не прекратил существование поселения (*Антонов*, 2016). Больше всего костей происходит из 9 и 10 раскопов, при этом, это не связано с их большей площадью.

При раскопках селища для сбора артефактов из перепаханного слоя применялась методика ручной переборки грунта. Дополнительная промывка грунта была произведена для заполнения ям и культурного слоя под современной пашней в раскопах №№ 6-15. В результате проведенных работ, на территории селища Першино I собрана археозоологическая коллекция, насчитывающая свыше 40 тыс. фрагментов костей, большая часть которой была получена при промывках грунта и представляет собой мелкие, как правило, кальцинированные кости, размеры которых варьируют от 1,0х1,0 до 0,5х10,0 мм. В результате ручной переборки грунта собрано лишь 987 фрагментов костей. Материалы, полученные разными способами, имеют свою специфику и поэтому изучались отдельно друг от друга. Исследование коллекции проводилось по современной

методической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (*Антипина,* 2004 а; *Антипина*, 2004 б).

Кости животных были обнаружены в перепаханном слое, в сохранившемся культурном слое селища и заполнении ям различного хозяйственного назначения: припечных и / или подпечных, подпольных (или самостоятельных погребов), столбовых, ремесленных. Фрагменты имеют очень плохую естественную сохранность, которая оценивается в 1-2 балла по пятибалльной шкале. Такая сохранность связана с качеством грунта, который является настолько «агрессивным», что большая часть костей, по-видимому, просто не сохранилась.

Среди костей, собранных методом ручной переборки слоя до видового уровня определено 386 фрагментов – около 40 % всех костных остатков млекопитающих, что обусловлено их значительной раздробленностью. Степень раздробленности оценивалась по количеству костей в 1 куб. дм. Для материалов селища Першино I это показатель составил от 144 до 842 экземпляров. Такая высокая степень раздробленности связана с их плохой сохранностью. Как правило, при хорошей и удовлетворительной естественной сохранности «кухонные остатки», которыми являются подавляющее большинство костей животных на бытовых памятниках, имеют коэффициент раздробленности от 10 до 60-70 фрагментов в 1 куб. дм (*Антипина*, 2004 б. С. 183).

Плохой сохранностью обусловлено и небольшое количество фрагментов со следами искусственного воздействия. Такие кости составляют только 14 % (131 фрагмент) от общего количества. При этом 80 % из них несут на себе следы огня и высокой температуры (свыше 800ºC). Помимо этого, встречаются следы кухонной разделки: дробления – 6,9 %, надрубы и разрубы – 2,3 %, порезы острым лезвием – 0,8 %, а также погрызы грызунами – 0,8 % и собаками – 8,4 %. Последние маркируют присутствие на селище собак, кости которых не встречены в коллекции.

Подобные следы искусственного воздействия характерны для кухонных остатков, что, несмотря на высокий коэффициент раздробленности, позволяет отнести всю коллекцию к этой категории.

В остеологической коллекции 95 % костей принадлежит домашним копытным, около 3 % - мелким млекопитающим (мелким грызунам), меньше, чем по 2 % - птицам и рыбам. Видовые определения были сделаны по костям крупных и средних млекопитающих, а также рыб. Обработка костей птиц и мелких млекопитающих еще не закончена. Среди остатков домашних копытных наиболее многочисленными оказались кости свиньи *(Sus scrofa domestica)*, которые составляют половину всей коллекции – 190 экземпляров (49,2 %). Еще треть костей принадлежит КРС – 108 экземпляров (28 %). Менее четверти костных остатков приходится на долю мелкого рогатого скота – 79 экземпляров (20,5 %) – далее МРС. Среди МРС определены кости козы *(Capra hircus)* и овцы *(Ovis aries)*. Лошадь (*Equus caballus)* представлена единичными фрагментами – 9 экземпляров (2,3 %).

Среди элементов скелета домашних копытных наиболее многочисленными являются зубы (от 83 % до 96 % у разных видов), что связано с их особой прочностью. Несмотря на это большинство из них дошли до нас во фрагментарном состоянии, что делает невозможным установление возраста забоя скота по зубам. Остальные кости происходят из разных частей скелета, без каких-либо исключений, из чего можно сделать вывод о том, что забой животных и утилизация их туш происходили на территории селища.

Для оценки роли домашних копытных в обеспечении населения мясом необходимо рассчитать относительные объемы мясной продукции, получаемые от них. С этой целью для каждого вида были введены коэффициенты, кратные весу туши МРС, на которые умножалось количество костей. При этом учитывались размеры забитых на мясо животных и их возраст. Единичные промеры, взятые на костях, и визуальная оценка их относительных размеров показали, что скот, съеденный жителями селища, был мелким. Так промеры пястной кости козы соответствуют животному высотой в холке около 58 см. Дополнительным ориентиром послужили опубликованные данные по размерам средневекового скота из древнерусских памятников (*Антипина*, 2009. С. 205; *Яворская*, 2017. С. 257–258). Визуальная оценка состояния компакты костей и их размеров показала, что большинство костей происходит от полувзрослых и взрослых особей. В результате произведенных расчетов выяснилось, что $^{2}/_{3}$ всего съедаемого на селище мяса составляла говядина (64 %),

почти в 3 раза меньше в рационе присутствовала свинина (22,4 %) и еще реже мясо овец и коз (9,3 %). Лошадь в пищу употреблялась эпизодически (4,8 %), возможно, как вынужденная мера.

В материалах Першино I практически не представлены дикие животные. Среди подъемного материала определена одна кость кабана *(Sus scrofa)*. По одной кости зайца *(Lepus sp.)* происходит из ямы 1 и из промывки культурного слоя в раскопе 9.

В результате промывок сохранившегося культурного слоя в раскопе 10, заполнения канавки 1 (остатков частокольной ограды) и заполнения ям были получены мелкие фрагменты, от 1х1 мм до 0,5х1,5 мм, большая часть которых оказались кальцинированными. Их общее количество превышает 40 тыс. экз. При их разборе попадались единичные зерна растений, мелкие фрагменты зубов домашних копытных (чаще всего свиньи), мелкие кости и чешуя рыб, кости птиц и мелких грызунов. Последние могли жить на поселении или рядом с ним как во время его существования, так и в более позднее время. Наличие большого количества кальцинированных костей позволяет предположить, что существовала практика сжигания костных остатков до того, как они попадали в слой.

Материалы из промывок пополнили данные о значении рыбы и птицы в питании жителей селища и коллекцию костей мелких млекопитающих. Видовой спектр костей из промывок немного отличается от такового из выборки, собранной «вручную». Наиболее многочисленными находками в них являются фрагменты зубов домашних копытных: свиньи (82,7 %), МРС (10,2 %), КРС (3,8 %) и лошади (3,2 %). При этом их количество искусственно завышено из-за значительной раздробленности. Количество определимых костей в промывках в целом небольшое, что также не позволяет считать полученный видовой спектр домашних копытных достоверно отражающим реальное соотношение костей разных видов животных на памятнике.

Видовой состав домашних животных на селище Першино I обычен для средневековых селищ Древней Руси. В остеологическом спектре традиционно преобладают остатки свиньи, однако основу мясного рациона составляет говядина. При этом доля съеденной конины на селище Першино I оказалось меньше, чем на других памятниках, где ее ели больше, чем баранину и козлятину (*Антипина*, 2009. С. 205; *Яворская*, 2017. С. 258). Возможно, для

мелкого рогатого скота и лошади приоритетной формой эксплуатации было получение прижизненных продуктов: мускульной силы лошади, шерсти и пуха от овец и коз. Обращает на себя внимание и практически полное отсутствие костей диких животных, которые составляют обычно от 2,5 до 10 % костей на средневековых селищах и характеризуются видовым разнообразием.

В материалах селища Першино I определено 138 кости, принадлежащие рыбам. Из них 85 (62 %) костных остатков не удалось определить до вида и рода. Наибольшее количество костных остатков рыб (57 %) зафиксировано в раскопе 9, яма 5. Удалось установить, что среди костей рыб доминирует окунь (24 кости, 17 %), в два раза реже встречаются кости рыб из отряда карповые (12 костей, 9 %), ближе не определимые. Диагностировано 7 костей осетровых рыб, 5 костей принадлежат щуке и 3 кости происходят от сома. По одной кости удалось определить плотву, одна кость принадлежит сиговым рыбам. Из всех изученных костей рыб 44 % составляют позвонки, также встречаются кости черепа, плавников и чешуя.

Проведена реконструкция размеров тела рыб до хвостового плавника. Определены размеры 53 особей. Отметим, что большая часть остатков принадлежит мелкой рыбе до 20 см (70 %). Реконструированные размеры тела окуня составляют 10-20 см. Большая часть (8 из 11 особей) карповых рыб имела размеры 20-30 см. Размеры тела осетровых рыб, установленные по трем костям, составляют 40-60 см. Три особи щуки имели размеры 20-30, 30-40 и 40-50 см. Самыми крупными рыбами, вылавливаемыми на территории округи селища, являлись сомы. Одна особь сома имела размеры 50-60 см. Размеры тела двух других особей находятся в пределах 110-140 см.

Нужно отметить, что костный материал достаточно фрагментарен, о чем говорит большое количество позвонков, которые лучше других костей сохраняются в ископаемом состоянии. Кости черепа, плавников и ребра встречаются редко. 22 кости несут следы пребывания в огне. Закономерность между обожженными костями и таксономической или размерной принадлежностью рыб не обнаружена.

В заключении отметим, что большую часть улова древнего населения составляли рыбы не крупных размеров. Окунь, плотва и другие карповые рыбы широко распространены в Европе и населяют

разнообразные водоемы. Кроме мелкой рыбы население, оставившее данный памятник, добывало и крупных особей. Несомненно, что у людей имелись приспособления и навыки для добычи крупной придонной рыбы (сом и осетр) и щуки, которая имеет широкую биотопическую приуроченность.

Таким образом, несмотря на немногочисленность костных остатков, пригодных для определения на селище Першино I и их плохую сохранность, удалось получить общие сведения о разводимых здесь животных и о структуре мясного рациона местных жителей. На поселении содержалось четыре вида домашних копытных. Основным животным в хозяйстве был крупный рогатый скот, мясо которого чаще всего попадало на стол. Вторым по важности «мясным» видом была свинья. Мелкий рогатый скот и лошадь не играли большого значения в питании. Дополнительным источником пищи были продукты рыболовства. При этом ловили не только мелкую и среднюю, но и крупную рыбу. Что же касается охотничьей деятельности, то ей жители Першино I практически не занимались.

Литература

Антипина Е. Е., 2004 а. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России / Отв. ред. Е. Е. Антипина и Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7–33.

Антипина Е. Е., 2004 б. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Составитель и научный редактор Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. Гл. 7. С. 182-239.

Антипина Е. Е., 2009. Археозоологическая информация к изучению хозяйства жителей средневекового села Ближнее Константиново - 1 под Нижним Новгородом // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / Отв. ред. Е. Н. Черных. Вып. 1. М.: Ин-т археологии РАН. С. 172–208.

Антонов Д. А., 2016. Раскопки русского средневекового селища XIII в. Городецкой округи // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: Ин-т археологии РАН. С. 216–226.

Яворская Л. В., 2017. Средневековое поселение Кибол – V: основные результаты археозоологического исследования коллекции костных остатков животных из раскопок 2013 г // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов / отв. ред. и сост. В. И. Завьялов, С. В. Кузьминых. Вып. 4. М.: Ин-т археологии РАН. С. 251–262.

Яворская Л. В., Макаров Н. А., Шполянский С. В., 2016. Археозоологические материалы Суздальских селищ в контексте изучения хозяйства Северо-Восточной Руси: первое обобщение // КСИА. Вып. 245. Ч. II. М.: Ин-т археологии РАН. С. 206–225.

И. В. Стасюк, Д. А. Антонов

Круглая финская фибула из Городца на Волге

Летом 1953 года в историческом центре Городца, вдоль ул. Александра Невского в районе ее перекрестка с пер. Рублева, был проложен телефонный кабель. При рытье траншеи на глубине 40-50 см рабочие обнаружили 12 человеческих черепов и множество костей, залегавших «почти сплошной кучей». Место находки обследовал директор краеведческого музея И. А. Кирьянов. По соседству с костями на глубине 20–30 см им были обнаружены копье, топор с обломанным лезвием, часть костяного гребня и еще один предмет, определенный исследователем как «бляха от конского оголовья со штампованным орнаментом, рисунок которого напоминает свастику». Все предметы были переданы в Городецкий краеведческий музей. На следующий год И. А. Кирьянов произвел спасательные раскопки, в ходе которых были исследованы 7 грунтовых захоронений по обряду трупоположения, датированных домонгольсим временем (*Кирьянов*, 1954). Последующие исследования подтвердили наличие на этом участке слоя XII–XIII вв.

Предметы из сборов 1953 г. относятся к различным периодам развитого и позднего средневековья и в целом типичны для региона, за исключением одного – это «бляха от оголовья», которая на самом представляет собой массивную кругло-выпуклую фибулу со змееподобным декором (рис. 1). Находка была извлечена рабочими при рытье траншеи, что не позволяет проследить ее связь с каким-либо археологическим комплексом. Находка может происходить как из одного из разрушенных погребений, так и из культурного слоя поселения.

Фибула из Городца сохранилась почти полностью, утрачены лишь игла и часть петли для ее крепления на оборотной стороне. Массивное изделие диаметром около 6 см декорировано рельефными переплетающимися линиями, сгруппированными в свастичный орнамент, и восемью выступами – бугорками, 4 из которых сгруппированы в центре и еще 4 расположены по краям в концах четырех радиальных лучей.

Родиной данного типа является Финляндия, где число подобных находок измеряется сотнями. Форма этих украшений восходит к скандинавским изделиям Вендельского времени, которые, в свою очередь, происходят от континентальных германских прототипов эпохи

Великого переселения народов. Прототип рассматриваемой группы фибул (рис. 2) датируется второй половиной VI – началом VII вв. В эпоху викингов этот мотив получает самостоятельное развитие в Скандинавии, где распространяются коробчатые фибулы, и на территории Финляндии, где эволюционирует в непосредственно интересующий нас тип массивных круглых выпукло-вогнутых фибул и становится важным этнографическим элементом женского костюма эпохи викингов.

Рис. 1. Круглая фибула со змееподобным декором из Городца. Находка 1953 г.

Рис. 2. Круглая фибула из Ляэнеранна, Эстония. Сер. VI – нач. VII вв.

Круглые выпуклые фибулы с переплетающимся змееподобным орнаментом привлекли внимание финских исследователей еще во второй половине XIX в. Несколько находок с территории Финляндии и Аландских островов в 1880 г. опубликовал Йохан Рейнгольд Аспелин (*Aspelin*, 1880. S. 267: 1327; 281: 1419-1420; 289: 1510; 292: 1536; 297: 1582; 299: 1596–1597; 316: 1723), а в 1897 г. Хъяльмар Аппельгрен-Кивало предложил систему их классификации, которая с некоторыми изменениями используется до настоящего времени. Исследователь выделил 6 типов застежек (*A* – *F*), отличающихся характером декора и относящихся к разным хронологическим периодам (рис. 3). Наиболее ранние типы (*A* и *B*) он датировал VIII–IX вв., а наиболее поздние (*E* и *F*) – XI в. Бытование типов *C* и *D* было отнесено к X в. Формирование данной категории предметов, по мнению исследователя, происходило под воздействием скандинавских, балтийских и франкских культурных импульсов (*Appelgren*, 1897. S. 3–5). Интересующий нас экземпляр из Городца по данной схеме относится к типу *E*.

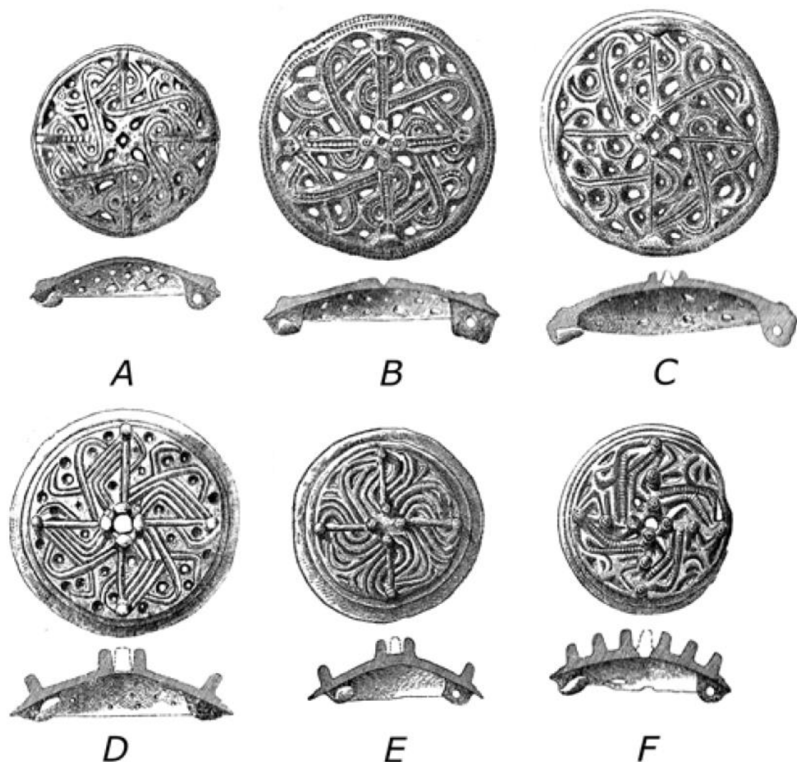

Рис. 3. Классификация круглых финских фибул со змееподобным декором (по Appelgren, 1897).

К началу 1970-х гг., по подсчетам Э. Кивикоски, на территории Финляндии было известно более 320 находок фибул этой группы, датируемых эпохой викингов. С началом многолетних исследований в общине Эура на юго-западе Финляндии общее число известных находок превысило 350, что позволило исследовательнице обозначить их как национальные (*Kivikoski*, 1973. P. 90).

За пределами Финляндии наибольшее количество находок зафиксировано в соседней Швеции – 19 экземпляров, из них 10 происходит с о. Готланд. По наблюдениям Эрика Флодеруса, на территории Швеции не обнаружено ни одной фибулы древнейших типов *A* и *B*, в то время как остальные представлены в относительно равных пропорциях. Единичные находки отмечены в Дании и на о. Рюген (*Торопов,* 2013. С. 224).

К югу от Балтики число находок резко сокращается. Единичные находки типа D известны в Латвии (*Tõnisson*, 1974. Taf. XXXVIII: 12; Lettlands..., 2009. S. 173. Abb. 53.2), как минимум одна фибула типа D недавно обнаружена в северной Эстонии. На территории Северной Руси известны шесть находок, включая одну из пограничной с Финляндией Карелии. Это круглая фибула типа *B,* обнаруженная в составе погребального комплекса из Лопотти в Карелии (*Сакса*, 2010. С. 64. Рис. 12: 6). Фибула, относящаяся к типу, промежуточному между *C* и *D*, до Второй мировой войны хранилась в Новгородском музее, куда поступила в 1887 г. с коллекцией находок из размытого паводком могильника у д. Кривой Наволок в верхнем течении р. Паши в Юго-Восточном Приладожье. К сожалению, во время войны она была утрачена. Две фибулы типа *F*, поступившие несколько лет назад в Староладожский музей, происходят из разграбленного кургана у д. Галично, также расположенного в Юго-Восточном Приладожье. Фрагмент фибулы типа D происходит из разрушенного погребения по обряду кремации Деревяницкого могильника в Верхнем Поволховье (*Торопов*, 2013. С. 225–229). Еще одна фибула типа *D* была найдена К. Д. Трофимовым в 1908 г. при раскопках кургана Т-37 в могильнике Залахтовье (*Хвощинская*, 2004. Табл. CXXXI).

По мере накопления материала система классификации и хронологии, предложенная Х. Аппельгреном-Кивало, претерпевала определенные изменения (рис. 4). Так, Э. Флодерус, анализируя имеющиеся в его распоряжении находки, охарактеризовал форму одной из фибул как переходную между типами *C* и, а появление

застежек типа *E*, следуя за Аппельгреном, рассматривал как «вырождение» более ранних декоративных форм. Для найденных в Швеции фибул типа *C* исследователь определил хронологические рамки как вторую половину X – начало XI в., типа *D* – XI в., типа *E* – конец XI – начало XII в. Фибулы же группы *F*, по его мнению, должны относиться к более раннему периоду, чем тип *E*, т. к. для последних характерна сильная деградация формы (*Floderus*, 1931. S. 16-19).

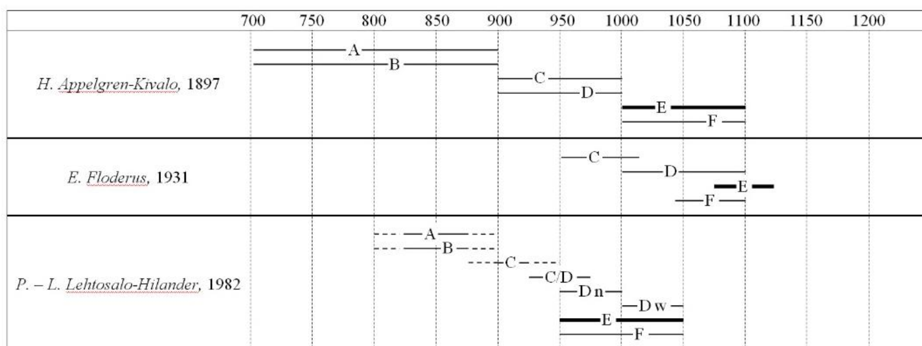

Рис. 4. Варианты хронологии круглых фибул

Репрезентативная коллекция круглых фибул, полученная в результате раскопок могильника Луистари и других памятников в общине Эура на юго-западе Финляндии, позволила П.-Л. Лехтосало-Хиландер провести детальный анализ этой категории находок и выявить особенности их типологической и хронологической эволюции в данном регионе. Обилие вариантов она объясняет тем, украшения изготавливались в течение 200 лет в различных местах, в том числе и таких, где не прослеживается прямое влияние скандинавских звериных стилей. По материалам Луистари фиксируется значительный хронологический разрыв (более 100 лет) между временем бытования фибул типов *C* и *D*, что отчасти может объясняться неполной изученностью некрополя. В то же время выделяются переходные варианты между этими группами фибул. Наиболее многочисленным, распространенным и бытовавшим наиболее долгий период времени является тип *D*, к которому относится большинство находок за пределами Финляндии. В их составе выделяются две хронологические группы, внешне отличающиеся размером и формой поля по краю фибулы – это типы *D* с широким краем и с узким краем. В целом,

предложенная П.-Л. Лехтосало-Хиландер хронология всех основных типов круглых фибул со змееподобным орнаментом, базирующаяся на материалах из региона Эура, выглядит следующим образом: типы *A* и *B* – IX в., возможно только 825–875 гг.; тип *C* – 875 (900) – 925 (950) гг.; тип, переходный между *C* и *D* – 925–975? гг.; тип *D* (с узким краем) – 950–1000 гг.; тип *D* (с широким краем) – 1000–1050 гг. Фибулы типов *E* и *F*, как считает исследовательница, могли возникнуть и развиваться параллельно застежкам типа *D* (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. P. 93-100).

За пределами Финляндии отмечено более длительное бытование фибул типа *D*. Находку из Деревяниц С. Е. Торопов датирует второй половиной X в. (*Торопов*, 2013. С. 229). Захоронение в кургане Т-37 могильника Залахтовье, согласно Н. В. Хвощинской, никак не может быть отнесено к XI в., однако само по себе наличие подобной фибулы в погребении свидетельствует о его древности в сравнении с другими захоронениями этой группы. По мнению исследовательницы, курган № Т-37 может быть датирован не позднее середины XII в. (*Хвощинская*, 2004. С. 141).

Рассматривая время и обстоятельства появления круглой финской фибулы типа *E* в Городце на Волге, необходимо отметить следующее. Связи восточной Балтии и Финляндии с Верхневолжским бассейном фиксируются, начиная с эпохи камня. Отмечены они и в эпоху палеометалла, и в железном веке, и в средневековье. В частности, находки поволжского облика известны в средневековых могильниках Финляндии, а финского – в костромских курганах. Так, курган у д. Пепелино содержал женское захоронение с нетипичной для региона южной ориентировкой, сопровождавшееся парой скорлупообразных фибул. Пояс был скреплен круглой пряжкой с колечками, предположительно, для крепления шумящих привесок. В погребении два ромбощитковых височных кольца, две подковообразные фибулы, пластинчатый браслет и нагрудная цепочка из 8-образных звеньев с Ф-образным цепедержателем (*Рябинин*, 1986. С. 69).

Е. А. Рябинин отметил сходство этого комплекса с погребением XII в. в Теува Лаутамяки (*Южная Остроботния, юго-запад исторической области Похьянмаа).* В нем также обнаружены пара скорлупообразных фибул, поясная пряжка вышеописанного типа и такие характерные формы костромских украшений как каркасная треугольная подвеска и двуглавый пластинчатый конек. Надо отметить, что находки украшений верхневолжского облика в

Финляндии хорошо известны и распространены преимущественно на юго-западе, а также в районе Миккели (*Tomanterä*, 1991). Попадали они туда, вероятно, через территорию Новгородской земли, при посредничестве пограничного финоязычного населения Юго-Восточного Приладожья и Карельского перешейка. Таким образом, для эпохи развитого средневековья фиксируется двусторонняя направленность связей Верхневолжья и Финляндии.

В кургане 3 у д. Пьянково в Костромском Поволжье найдена скорлупообразная фибула типа С 2/3 по классификации Ю. Айлио (*Рябинин*, 1986. С. 96). Ареал этих фибул охватывает преимущественно Карельский перешеек в России и Саво и Хяме в Финляндии; в литературе данные украшения часто называют карельскими. Хронология овальных фибул типа *С*, на наш взгляд, иллюстрирует особенности бытования финских по происхождению фибул в разных регионах. Э. Линтури в 1980 г. предложила подробную хронологическую схему для различных групп и вариантов этого типа, восходящего к скандинавским овальным фибулам в стиле Борре типа 48 по Яну Петерсену. Наиболее ранним, согласно ее разработкам, является вариант 1 а типа С 1, который типологически наиболее близок скандинавскому оригиналу. Хронологически значимыми признаками исследовательница называет овальную форму, зубчатую нарезку диагональных линий, выраженные пальцы, сжимающие центральный щиток. Возникновение этого варианта датируется первой четвертью XI века (*Линтури*, 1980. С. 150).

Однако в 2010 г. при раскопках могильника Ратчино 1 нами было исследовано женское погребение с парой фибул данного типа, датируемое первой половиной XII века. В 2012 г. при раскопках ижорского могильника у д. Кирсино П. Е. Сорокиным и В. В. Андреевой аналогичные фибулы были найдены в захоронении XIII в.[1] Это дает основания усомниться в абсолютных датировках, предложенных для данной группы изделий. Представляется справедливым замечание о длительном бытовании финских овальных и круглых фибул, особенно в регионах, отдаленных от центров их производства.

---

[1] Авторы выражают благодарность П. Е. Сорокину за возможность ознакомиться с неопубликованной находкой.

С учетом этого замечания рассматриваемая фибула все же может быть названа в числе древнейших находок Городца, связанных с периодом его основания. Датировка этого события дискуссионная, встречающаяся в литературе дата 1152 г. не является общепринятой (*Кирьянов,* 1992. С. 4), однако исследователи сходятся, что Городец был основан в период княжения Юрия Долгорукого или его сына Андрея Юрьевича Боголюбского. Время возникновения древнерусского Городецкого могильника следует датировать серединой – третьей четвертью XII в., и к этому же периоду, вероятно, относится круглая финская фибула.

Литература

Кирьянов И. А., 1954. Отчет о раскопках в Городце в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 932.

Кирьянов И. А., 1992. О древнем Городце // Городецкая старина. Вып. 1. Городец: Социально-культурное управление Городецкого района.

Линтури Э., 1980. Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и приладожской Карелии эпохи крестовых походов // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука.

Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л.: Наука.

Торопов С. Е., 2013. Находка круглой финской фибулы эпохи викингов в Верхнем Поволховье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 28 (58). С. 221–230.

Хвощинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин.

Сакса И. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. СПб.: Нестор-История.

Appelgren H., 1897. De runda djurspännena i Finland. I: Ormspännen // Finskt Museum. Helsingfors. IV.

Aspelin J. R., 1880. Muinaisjaannoksia Suomen suvun asumus-aloilta. Antiquites du Nord Finno-ougrien. Helsinki. IV.

Floderus E., 1931. Finländska runda «ormspännen» funna i Sverige // Finskt museum. Helsingfors. XXXVII (1930).

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. (Neuausgabe) Helsinki.

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982. Luistari II: The artefacts // Suomen muinaismuistoyhdistys. Helsinki. 2.

Lettlands viele Völker: Archäologie der Eisenzeit von Christi Geburt bis zum Jahr 1200 / Radinš A. Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege und Archäologisches Landesmuseum OT Wünsdorf, 2009.

Tomanterä L., 1991. Wachsfiligran // Fennoscandia archaeologica VIII. P. 35-49.

Tõnisson E., 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallinn: Eesti raamat.

В. Л. Щербаков

Стратиграфия и хронология культурного слоя посада летописной Унжи (по результатам работ 2015-2016 гг.)

История летописного города Унжи, остатки которого находятся вблизи одноименного села на востоке современной Костромской области (Рис. 1), неразрывно связана с историей находящихся ниже г. Костромы по р. Волге Городца и Нижнего Новгорода. Впервые Унжа упоминается в 1219 г. в связи с походом волжских болгар (ПСРЛ. Т. VII, 1856. С. 126). Однако В. А. Кучкин считал, что Унжа и несколько других городов «несомненно возникли при Всеволоде, т. е. до 1212 г.» (*Кучкин*, 1984. С. 94).

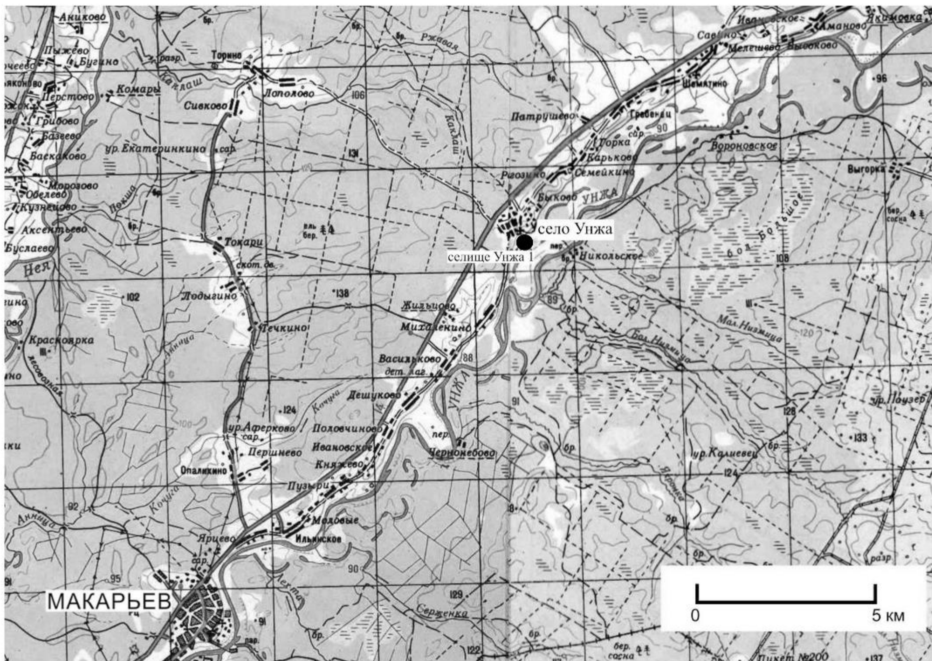

Рис. 1. Расположение села Унжа

Земли по р. Унже к 1236 г. входят в состав Владимирского Великого княжества (*Кучкин*, 1984. С. 102, Рис. 3), но уже во второй половине XIII в. Унжа оказалась в составе Городецкого княжества (после 1311 г. – нижегородского) (*Кучкин*, 1984. С. 119, 217). На протяжении XIV в. Унжа переходила то к Владимирскому княжеству, то к Суздальскому, но всегда вместе с Городцом и

Н. Новгородом (*Кучкин*, 1984. С. 139, 142). К началу XV в. ситуация остается прежней – город Унжа и земли по одноименной реке в нижнем ее течении по-прежнему тяготеют к Городцу (ДДГ, 1950. С. 43).

В археологическом отношении до недавнего времени Унжа практически не привлекала внимания специалистов: в 1981, 1982 гг. Ю. Н. Урбаном обследованы и паспортизованы селища Унжа 1 и 2 и городище Унжа (*Урбан*, 1981; Паспорт селища Унжа 1, 1982). В 1994 г. городище Унжа обследовано М. Е. Ильиным, тогда же снят его топографический план (*Ильин*, 1994). В последующие 20 лет на востоке Костромской области неоднократно проводились археологические разведки, но они не затронули остатков летописной Унжи. В 2014 г. здесь начала работу археологическая экспедиция Костромского музея-заповедника. На протяжении 2014-2016 гг. обследованы городище Унжа и селище Унжа 1, выявлены восемь участков распространения культурного слоя города Унжи, хронология которых укладывается в рамки XV-XIX вв. (общая площадь около 18,2 га) (*Щербаков*, 2014, 2016 а) и селище Вознесенское XVI - начала XX в. (*Сатурин*, 2017). Однако обследование «поздней» части Унжи не завершено. Кроме того, на посаде летописной Унжи (селище Унжа 1) в 2015–2016 гг. проведены раскопки (*Щербаков*, 2016 б, 2017), материалы которых и стали основой для данного исследования.

Селище Унжа 1 занимает I–II надпойменные террасы правого берега р. Унжи (по нумерации Ю. Н. Урбана, выявившего селище в 1981 г.). На участке расположения памятника, у подножия террас, прослеживается пересохшая старица р. Унжи, до мелиоративных работ советского периода подпитывавшаяся рекой Ключевкой. Пересохшая старица переходит в старичное озеро, имеющее местное название «Обшивая заводь». Высота занимаемых селищем площадок над уровнем воды в озере достигает 20 м. Культурный слой вытянут вдоль берега старицы примерно на 350 м. Территория памятника в настоящее время находится вне зон хозяйственного использования; культурный слой селища прорезан сильно оплывшей дренажной канавой (*Урбан*, 1981. С. 30). Памятник датирован Ю. Н. Урбаном XI, XIV–XVII вв. (Паспорт селища Унжа 1, 1982). Сложный рельеф берегов и конфигурация террас обусловлены постоянно протекающими оползневыми процессами, связанными с геологическим строением берега (*Урбан*, 1981. С. 29).

Раскоп I (2015 г.) площадью 48 кв. м заложен в 110 м к юго-востоку от Вознесенской церкви села Унжа (Рис. 2) на площадке у подножия первой надпойменной террасы правого берега р. Унжа (по нумерации Ю. Н. Урбана). Высота площадки над поймой составляет 1,5–3 м, у подножия площадки прослеживается сильно заплывшая старица р. Унжи.

Раскоп II (2016 г.) площадью 40 кв. м располагается в 333 м к ЮЮВ от Вознесенской церкви села Унжа (Рис. 2) на площадке первой надпойменной террасы правого берега р. Унжа, на берегу заболоченной и частично пересохшей старицы. Высота площадки над заболоченной старицей в районе проведения работ составляет 7-18 м.

Несмотря на значительное расстояние между раскопами (около 150 м) и разницу в их расположении по высоте, в обоих раскопах зафиксирована чрезвычайно схожая стратиграфическая колонка, что позволило нам предварительно охарактеризовать стратиграфию памятника.

Описание слоев считаем необходимым предварить характеристикой гранулометрического состава почвы и условий формирования культурного слоя. В пределах селища Унжа 1 культурный слой сформирован легким суглинком. Определение проводилось в полевых условиях[1].

Культурный слой сформировался на наклонных площадках надпойменных террас, сложенных водоупорными глинами. Дождевая вода, вешние воды стекают в толще гумусированного слоя, материковая порода влагу не впитывает. Соответственно, чем ниже по склону, тем больший объем воды проходит через толщу гумусированного слоя. Во-вторых, в районе расположения древнерусского посада Унжи почвы характеризуются повышенной кислотностью, что губительно сказывается на сохранности археологических предметов из металла, кости, не говоря о древесине и коже. Культурный слой в таких условиях имеет небольшую мощность (не более 50 см вне ям) и характеризуется невысокой для

[1] Интерпретация основы культурного слоя в 2015 г. как «плотной, тяжелой» супеси, отраженная в полевом отчете, представляется сейчас ошибочной, поскольку определение проводилось с пересохшим от аномальной жары грунтом. Сравнение грунта раскопа 2016 г. и грунта из засыпки раскопа 2015 г. показало их идентичность с точки зрения гранулометрического состава – легкий суглинок.

города насыщенностью индивидуальными находками (2,3 ед. на 1 кв. м исследованной площади). Выше насыщенность керамикой – за 2015–2016 гг. на площади 88 кв. м выявлено 4876 фрагментов посуды, пригодных для статистической обработки[2].

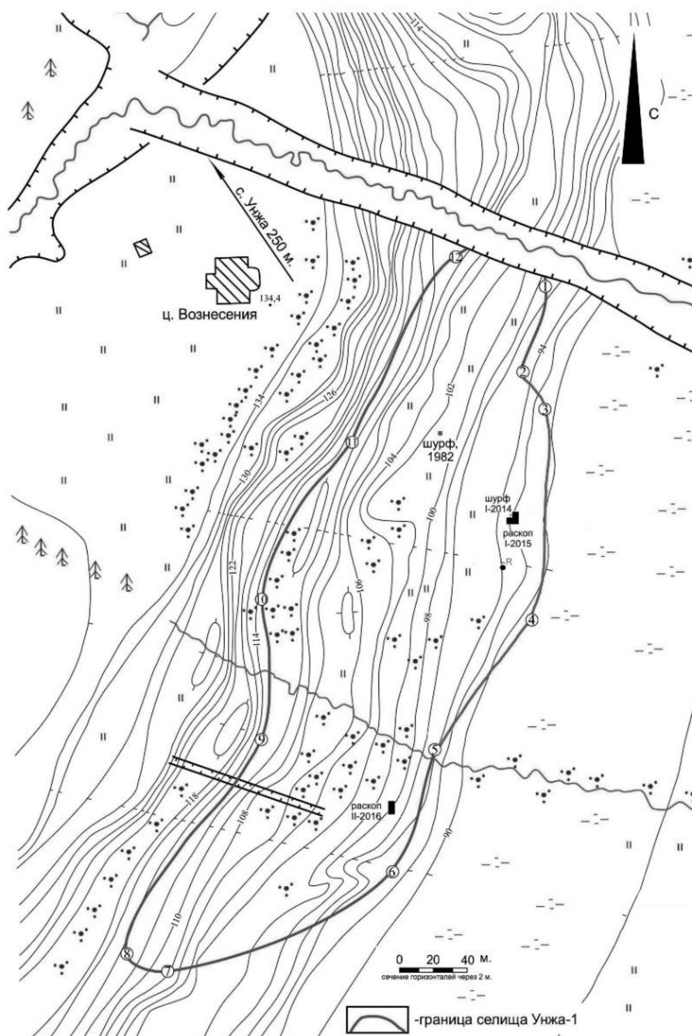

Рис. 2. План древнерусского посада летописной Унжи с указанием мест проведения археологических работ

[2] Измельченная керамика в данной статье не рассматривается.

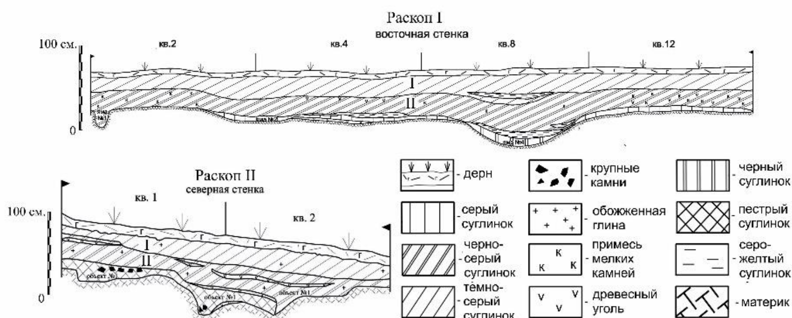

Рис. 3. Стратиграфия культурного слоя древнерусского посада летописной Унжи

Стратиграфическая колонка включает два горизонта (Рис. 3), отчетливо выделяемых визуально (цветовой переход между слоями достаточно резкий):

I. Темно-серый легкий суглинок;

II. Черно-серый легкий суглинок;

В раскопе I (2015) зафиксирован также фрагментарно сохранившийся слой серого легкого суглинка, прослеженный в профилях стенок раскопа и в заполнении отдельных ям и сооружений.

Определение узких хронологических рамок выявленных слоев вызывает затруднения, поскольку в условиях повышенной кислотности почвы предметы из металла в коллекции Унжи (как из раскопа 2015 г., так и 2016 г.) характеризуются исключительно плохой сохранностью: например, из найденных в 2015-2016 гг. восьми фрагментов корпусов навесных замков и ключей ни один не сохранился в достаточной для атрибуции степени, из 16 ножей ни у одного не представляется возможным определить технологию изготовления. Ненамного лучше обстоит дело с предметами из цветного металла. Приходится констатировать, что сохранность металла является эпизодической и часто обусловлена попаданием вещей в локальные пятна и прослойки с повышенным содержанием угля и золы. При этом следов большого пожарища на посаде нет. Поскольку расстояние между раскопами составляет около 150 м, ситуация с сохранностью археологического

металла, видимо, является общей для всего памятника. В таких условиях наибольшую ценность для датировки представляют многочисленные фрагменты глиняной посуды и индивидуальные предметы их камня, стекла, глины, а также редкие датирующие вещи из цветного металла, среди которых наилучшую сохранность демонстрируют артефакты из свинца.

Слой темно-серого суглинка в обоих раскопах снят первым пластом. К числу датирующих этот горизонт индивидуальных находок относятся (Рис. 4): 13 фрагментов стеклянных браслетов (почти половина – оттенки зеленого цвета; семь – крученые, пять – гладкие, один оплавлен) XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 164-199; *Щапова*, 1969. С. 102–107); три бусины (округлой формы, навитая, из голубого прозрачного стекла, XI–XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 169, Рис. 6; Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2, 2008. С. 186–189, Табл. 86, 87); из горного хрусталя, шарообразная, X–XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 156–157, Рис. 2; *Рыбина*, 1978. С. 52); навитая, из тёмно-зелёного непрозрачного стекла, бочонковидная, XI - нач. XIII в. (*Фехнер*, 1959. С. 169–171, Рис. 6); два фрагмента поливной керамики (из бирюзового полуфаянса с чёрной подглазурной росписью XIII–XIV вв. (*Коваль*, 2010. С. 90–91) и из полуфаянса с бихромной чёрно-синей росписью XIII–XIV вв.[3]; фрагмент амфоры с ребристой поверхностью (предварительно датируется временем не позднее XIII в. (*Коваль*, 2010. С. 172); каменный нательный крест конца XIII-XV в. (*Кабаев, Гальчук*, 2007. С. 72, 73, Рис. 6; *Колчин*, 1982. Рис. 7); три фрагмента днищ сосудов с клеймами в виде двух соприкасающихся линий, не позднее XIV в. (*Кадиева*, 2007. С. 187); два экземпляра с клеймом в виде окружности первой половины XI - середины XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 175); рыболовное грузило с Т-образным оттиском-клеймом в углублении, середина XII - первая половина XIII в. (?)[4]; прямоугольное кресало, не ранее XIII в.

---

[3] В виду малого размера фрагмента его атрибуция не может считаться однозначной — фрагмент можно отнести как к типу 2, так и к типу 8, для которых характерна чёрно-сине-бирюзовая и чёрно-синяя росписи соответственно (*Коваль*, 2010. С. 72-74, 82).

[4] В сводке геральдических клейм центра Северо-Восточной Руси, подготовленной Е. К. Кадиевой, есть данные о двух т-образных клеймах на днищах сосудов из Ярополча-Залесского, датирующихся серединой XII — первой половиной XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 185). Говорить о полном сходстве клейма на грузиле и клейм на сосудах из Ярополча-Залесского не приходится, однако, считаем возможным в качестве предположительной даты указать те же временные рамки.

(*Колчин*, 1959. С. 103, Рис. 85); фрагмент стеклянного перстня XII-XIV вв.; фрагмент звездчатого шестилучевого колта начала XIV в. (?) (*Седова*, 1981. С. 19, 20, Рис. 5: 9); свинцовая пломба XIV-XV вв. (?) (*Зайцев*, 2004. С. 350; *Коваль*, 2013. С. 22); деталь конской упряжи в виде шестилепестковой розетки, XIV - первая половина XV в. (*Блохина*, 2010. С. 186, Рис. 7), либо вторая половина XIV - начало XV в. (*Лапшин*, 2009. С. 92, 327, Рис. 77); медная конусовидная клёпка X - первой половины XIII в. (Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2, 2008. С. 74); ключ от навесного замка XII - второй половины XV в.[5]; фрагмент щиткового перстня конца XII - середины XV в. (*Седова*, 1981. С. 135); широко датируются в пределах XII–XV вв. две дужки и корпус от навесных замков (*Колчин*, 1959. С. 78–84). Уникальной для Костромской области стала находка фрагмента вислой актовой печати, на лицевой стороне которой сохранилась часть изображения воина со щитом, а на оборотной – часть надписи (строка 1 – «ТО», сторока 2 – «ЛѦ», строка 3 – «ТЬ»), полная аналогия данной печати найдена в Новгороде на берегу р. Волхов и приводится В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым среди печатей X-XII вв. (*Янин*, *Гайдуков*, 1998. С. 159, № 349 а). В полном варианте надпись читается: «Святославля печать»[6].

Из слоя темно-серого суглинка происходит 1640 фрагментов керамики, пригодных для статистической обработки. Практически вся посуда, за редким исключением, изготовлена из ожелезненной глины с примесью дресвы разной зернистости и концентрации. В раскопе I орнамент зафиксирован на 5,13 % определимых фрагментов посуды, в раскопе II – на 7,5 % фрагментов. В обоих случаях преобладает линейный орнамент. Волнистый, линейно-волнистый, а также орнамент, нанесенный зубчатым колесиком, и разного вида вдавления и насечки представлены на единичных фрагментах керамики. В выборке керамики выделяется серия определимых венчиков сосудов, насчитывающая 318 экз. Процент лепной и раннегончарной керамики, предварительно

---

[5] Конфигурация ключа указывает на его соответствие ключам от замков типов Б, В, Г, более детально атрибутировать находку не представляется возможным ввиду того, что конец ключа обломан (*Колчин*, 1959. С. 80–82, 87, Рис. 70).

[6] Подробная характеристика археологического контекста печати содержится в докладе, сделанном автором на семинаре «Археология Владимиро-Суздальской земли» в 2017 г., уже после подготовки данной статьи. Противоречащий датировке печати X–XII вв. археологический контекст бал опубликован в сборнике материалов названного семинара. (*Щербаков*, 2018)

датированной X–XI вв., в общей массе венчиков одинаков для обоих раскопов и составляет около 2 %. Преобладают в количественном отношении формы XIII–XIV в.[7] (Рис. 4). Доля профилированных частей круговых сосудов домонгольского времени составляет около $^{1}/_{4}$ от общего количества венчиков из слоя темно-серого суглинка (в раскопе I чуть менее $^{1}/_{4}$; в раскопе II немногим более этой величины).

Рис. 4. Находки из слоя темно-серого суглинка: 1 – пломба; 2 – креста ф-т; 3 – кресало; 4, 5 – дужки замков; 6 – накладка на упряжь; 7 – днище с клеймом, ф-т; 8 – корпус цилиндрического замка; 9 – образцы венчиков сосудов; Материал: 1 – свинец; 2 – камень; 3, 4, 5, 8 – железо; 6 – белый металл; 7, 9 – глина

Слой черно-серого суглинка соотносится с пластом 2 в обоих раскопах[8]. К числу датирующих этот слой индивидуальных находок относятся (Рис. 5): восемь фрагментов стеклянных браслетов (половина – зеленые и голубые; пять – гладкие, три – крученые) XII–XIV вв.

[7] Здесь и далее использована предложенная В.Ю. Ковалем типология венчиков (сокращенная схема) (*Коваль*, 2014. С. 489-571).

[8] В раскопе I вторым пластом снят не только слой черно-серого суглинка, но и фрагментарно сохранившийся тонкий слой серого суглинка.

(*Полубояринова*, 1963. С. 164–199; *Щапова*, 1969. С. 102–107); пять бусин (навитая, из желтого полупрозрачного стекла, округлая, середины XII–XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 169, Рис. 6; Археология северорусской деревни X–XIII вв. Т. 2, 2008. С. 186–189, Табл. 86, 87); навитая, из коричневого непрозрачного стекла, перевитая белой нитью, бочонковидная, первой половины XII в. (?) (Археология северорусской деревни X–XIII вв. Т. 2, 2008. С. 186-188, Табл. 86); навитая, из голубого прозрачного стекла XI–XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 169, Рис. 6; Археология северорусской деревни X–XIII вв. Т. 2, 2008. С. 186–189, Табл. 86, 87); гранёная, сердоликовая, X–XIII вв. (*Фехнер*, 1959. С. 152); из глухого красно-коричневого стекла, с реснитчатыми глазками, X–XI вв. (Археология северорусской деревни X–XIII вв. Т. 2, 2008. С. 196, Табл. 86); три фрагмента днищ сосудов с клеймами (в виде окружности, первой половины XI - середины XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 175); два фрагмента с геральдическими клеймами конца XI - конца XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 185); наконечник стрелы т. н. «новгородского типа» X–XI вв. (первой разновидности) (*Медведев*, 1959. С. 165); фрагмент бронзового плетеного браслета XI–XIV вв. (*Седова*, 1981. С. 249); пряслице XI - конца XIII в. (*Рыбина*, 1978. С. 26) из розового пирофиллитового сланца; два фрагмента импортного (Волжская Болгария) лощёного керамического сосуда XII — начала XIII в. (*Хлебникова*, 1984. С. 175); шаровидная пуговица XI–XIII вв. (Пуговицы XI-XVIII веков..., 2015. С. 5); фрагмент привозного (иранского) сосуда из полуфаянса с бихромной чёрно-синей росписью XIII-XIV вв.[9]; грузик из свинца (аналогичные изделия встречены в материалах раскопок Новгорода Великого X-XV вв., в домонгольских слоях Суздаля и в материалах осовецкого археологического комплекса конца XII - первой половины XIII в. (*Седова*, 1981. С. 156; *Седова, Беленькая*, 1981. С. 112; *Шполянский*, 2015. С. 169). Явно диссонирует с контекстом в хронологическом отношении бусина с реснитчатыми глазками.

[9] В виду малого размера фрагмента его атрибуция не может считаться однозначной — фрагмент можно отнести как к типу 2, так и к типу 8, для которых характерна чёрно-сине-бирюзовая и чёрно-синяя росписи соответственно (*Коваль*, 2010. С. 72-74, 82).

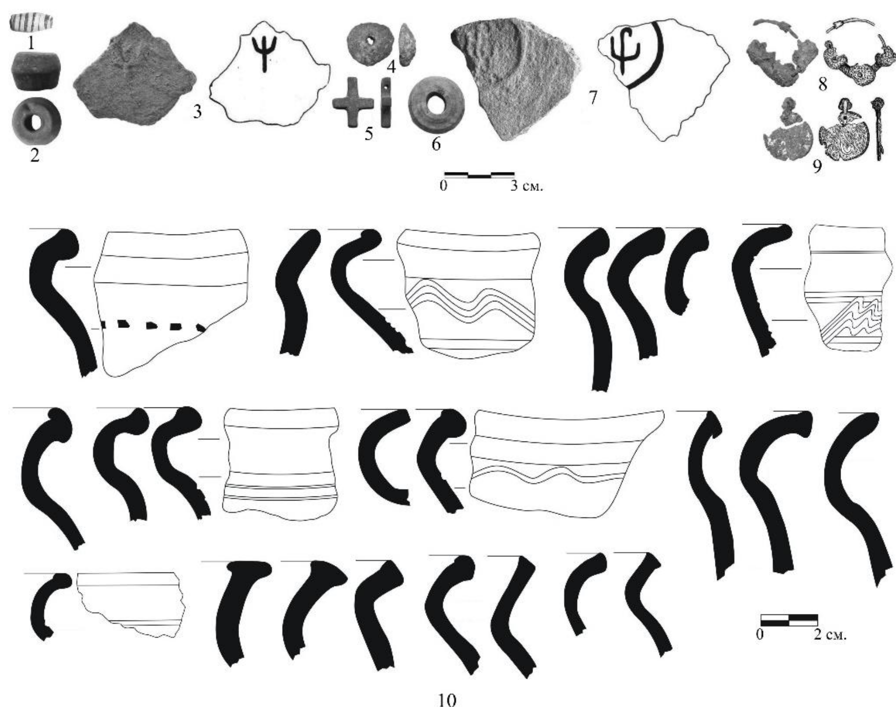

Рис. 5. Находки из слоя черно-серого суглинка: 1 – бусина; 2 – пряслице; 3, 7 – днище с клеймом, ф-т; 4 – грузик/пуговица; 5 – крест; 6 – пуговица; 8 – височное кольцо; 9 – монетовидная подвеска; 10 – образцы венчиков сосудов; Материал: 1 – стекло; 2 – пирофиллитовый сланец; 3, 7, 10 – глина; 4 – свинец; 5 – сланец; 6 – кость; 8, 9 – белый металл.

Для датирования слоя черно-серого суглинка интерес представляют и находки из связанного с этим слоем заполнения объектов. В черно-сером суглинке в пределах объекта № 1 в раскопе I (2015 г.) найдены полое трехбусинное височное кольцо XII–XIII в. (*Седова*, 1981. С. 14; группа 3); фрагмент монетовидной подвески (наибольшее распространение подвески близких типов получили в XI–XIII вв., встречены они также в костромских курганах (*Успенская*, 1967. С. 111; *Рябинин*, 1986. С. 73); фрагмент стеклянного браслета XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 164–199; *Щапова*, 1969. С. 102–107); свинцовый грузик-пуговица X–XV вв. или XII - первой половины XIII в. (*Седова*, 1981. С. 156; *Седова, Беленькая*, 1981. С. 112; *Шполянский*, 2015. С. 169); фрагмент бочонковидной бусины прозрачного стекла, похожие бусы (Группа III-12-92) встречены в материалах XII-XIII вв. могильника Минино II

и селища Минино VI (Археология севернорусской деревни X-XIII вв. Т. 2, 2008. С. 186–189, Табл. 86, 87) и развал сосуда второй половины XIII в., по профилировке сходный с сосудами группы 8/1 расширеной системы классификации венчиков горшков по В. Ю. Ковалю (*Коваль*, 2014. С. 519, 541, Рис. 34); две части днищ керамических сосудов с фрагментами клейм, основными элементами которых, являются окружности, – подобные оттиски были широко распространены на территории центра Северо-Восточной Руси в XII — конце XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 187).

В пределах раскопа II (2016 г.) интерес в этой связи представляет заполнение объектов №№ 1-3[10], где найдены: крестельник конца XIII–XV в. (*Кабаев, Гальчук*, 2007. С. 72, 73, Рис. 6; *Колчин*, 1982. Рис. 7) из тёмно-серого сланца; два фрагмента стеклянных браслетов XII–XIV вв. (*Полубояринова*, 1963. С. 164-199; *Щапова*, 1969. С. 102–107); фрагмент металлической шаровидной пуговицы XI–XIII вв. (Пуговицы XI–XVIII веков..., 2015. С. 5); фрагмент корпуса цилиндрического железного замка XII–XV вв., соответствующий новгородским замкам типа Б, В, Г или Д по Б. А. Колчину (*Колчин*, 1959. С. 78–84); круглая костяная пуговица XI–XIII вв. (Пуговицы XI–XVIII веков..., 2015. С. 73–78). При промывке массового материала собрано несколько крупных фрагментов лепного сосуда, который предварительно можно датировать в пределах X–XI вв.

Из слоя черно-серого суглинка происходит 2050 фрагментов керамики, пригодных для статистической обработки. Посуда, за редким исключением, изготовлена из ожелезненной глины с примесью дресвы разной зернистости и концентрации. В раскопе I орнамент зафиксирован на 19,53 % определимых фрагментов посуды, в раскопе II – на 7,4 % фрагментов. В обоих случаях преобладает линейный орнамент. Волнистый, линейно-волнистый, а также орнамент, нанесенный зубчатым колесиком и разного вида вдавления и насечки представлены на единичных фрагментах керамики. В выборке керамики выделяется серия определимых венчиков сосудов, насчитывающая 428 экз. (Рис. 5). Процент лепной

---

[10] Описание будет даваться суммарно, поскольку объекты №№1-3 раскопа II представляют собой части одного сооружения, результатам изучения которого будет посвящено специальное исследование.

и раннегончарной керамики, предварительно датированной X–XI вв., в выборке венчиков для раскопа I составляет немногим более 3 %, для раскопа II – 7 %. Преобладают в количественном отношении формы XIII–XIV в. Доля профилированных частей круговых сосудов домонгольского времени составляет около $^1/_4$ от общего количества венчиков из слоя черно-серого суглинка.

Отложение слоя черно-серого суглинка в пределах объекта № 1 раскопа I отнесено к XIII в. (менее вероятно, до начала XIV в.), в пределах объектов №№ 1-3 раскопа II – к XIII в. Доля лепной и раннегончарной керамики X-XI вв. в объектах раскопа II варьирует в пределах 10-15 %, гончарных венчиков домонгольского времени – около $^1/_4$, в объекте первого раскопа доля лепных и раннегончарных венчиков составляет 3 %, гончарных домонгольского времени – около $^1/_3$.

Упомянутый выше слой серого суглинка в раскопе I прослежен фрагментарно. Для датирования представляют интерес материалы объекта № 2 (раскоп I). Датирующие индивидуальные находки в объекте: днище керамического сосуда с клеймом в виде вращающейся по часовой стрелке окружности с шестью лучами XII - первой половины XIII в. (*Кадиева,* 2007. С. 176); фрагмент рыбовидной бусины синего прозрачного стекла XI — начала XIII в. (Археология севернорусской деревни X-XIII вв. Т. 2, 2008. С. 186-188, Табл. 86).

Керамика из указанного объекта немногочисленна (всего 44 определимых фрагмента), орнаментирована примерно половина фрагментов, в равной степени представлены линейный, волнистый, линейно-волнистый орнаменты и орнамент, нанесенный штампом. Объект отнесен к первой половине XII в.

Анализ вещевого комплекса и стратиграфии позволяет обратиться к вопросу хронологии культурного слоя посада летописной Унжи. Возникновение поселения на месте посада относится к периоду не позднее XI в., в пользу чего свидетельствуют такие предметы, как наконечник стрелы «новгородского типа», стеклянная бусина с реснитчатыми глазками, фрагменты лепной и раннегончарной керамики из культурного слоя. Предметов, дата которых не выходила бы за пределы X в. в коллекции нет. Культурный слой, относящийся к периоду XI — первой половины XII в. (серый суглинок), видимо, сильно нарушен, а местами полностью переотложен. Следующий период –

вторая половина XII–XIII в., - представлен горизонтом черно-серого суглинка. Данный слой характеризуется наилучшей по сравнению с другими сохранностью археологических материалов: меньше количество сильно фрагментированной керамики, лучше состояние объектов. Период конца XIII–XIV в. представлен слоем темно-серого суглинка. Предметы, дата которых охватывала бы только XV в. или это и последующие столетия в коллекции нет, то есть к XV в. жизнь на селище Унжа 1, видимо, прекратилась. Немногочисленные переотложенные предметы более позднего времени (фрагменты керамики, монета XIX в., пуговица) указывают на то, что рассматриваемая территория вошла в зону хозяйственного использования города Унжи и небольшого села Вознесенского уже с XVI–XVIII вв.

Литература

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология / ред. С. Д. Захаров, 2008. М.: «Наука». 365 с.

Блохина О. А., 2010. Исследования на селище Старбеево близ города Химки // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 180–195.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / сост. Л. В. Черепнин, 1950. М. - Л.: Изд-во АН СССР. 597 с.

Зайцев В. В., 2004. Находки «великокняжеских» пломб XIV–XV веков в Москве // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2004. С. 350–352.

Ильин М. Е., 1994. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Национального музея Республики Марий Эл в Макарьевском районе Костромской области в 1994 г. // Департамент культуры Костромской области.

Кабаев Д. А., Гальчук Л. Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории «Нового города» в 2005 г. (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 1 / сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 68–74.

Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.

Коваль М. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. Конце IX–XVII века. М.: «Наука». 348 с.

Коваль В. Ю., 2013. Торговый инвентарь из раскопок базара XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 9–33.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и

раннего железного века Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: Институт археологии РАН. С. 489–571.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Том II / под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: Издательство академии наук СССР. С. 7–120.

Колчин Б. А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: «Наука». С. 156–177.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: «Наука». 353 с.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993-1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 588 с.

Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Том II / под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: «Наука». С. 121–191.

Паспорт селища Унжа 1 / Сост. Ю. Н. Урбан, 1982. // Департамент культуры Костромской области.

Полное собрание русских летописей. Т. VII, 1856. Спб.: Типография Эдуарда Плаца. 346 с.

Полубояринова М. Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. Вып. 117. М.: Издательство академии наук СССР. С. 164–199.

Пуговицы XI-XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, 2015. Владимир. 88 с.

Рыбина Е. А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Издательство Московского университета. 168 с.

Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: «Наука». 160 с.

Сатурин А. А., 2017. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Костромской музей-заповедник.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: «Наука». 320 с.

Седова М. В., Беленькая Д. А., 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М.: «Наука». С. 95–115.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Труды ГИМ. Выпуск 43. М.: «Советская Россия». С. 88–132.

Урбан Ю. Н, 1981. Отчет об археологической разведке в Костромской области. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 9806.

Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 33 / под ред. академика Б. А. Рыбакова. М.: «Советская Россия». С. 149–224.

Хлебникова Т. А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: «Наука». 240 с.

Шполянский С. В., 2015. Древнерусский Осовец на Клязьме: археологический комментарий к истории крепости // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 11. М.: ИА РАН. С. 164–177.

Щапова Ю. Л., 1969. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя // Советская археология. № 4. С. 102–107.

Щербаков В. Л., 2014. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 г. (в 2-х томах). Том 1, 2. // Костромской музей-заповедник.

Щербаков В. Л., 2016 а. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Костромской музей-заповедник.

Щербаков В. Л., 2016 б. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV–XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Костромской музей-заповедник.

Щербаков В. Л., 2017. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV–XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Костромской музей-заповедник.

Щербаков В. Л., 2018. «Печать Святослава» из Унжи: археологический контекст // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 8. М. С. 184–192.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. Т. III. М.: ИНТРАДА. 500 с.

Принятые в материалах сокращения

IA НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.

АП – Археология Подмосковья

АСВЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ДДГ - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.

ИА РАН – Институт археологии РАН. М.

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. М.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПСТГУ- Православный Свято - Тихоновский гуманитарный университет

РА – Российская археология. М.

САИ - Свод археологических источников

Коллектив авторов

Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий

Материалы научного семинара

Выпуск 1

ISBN 978-5-6047013-6-2

Подписано к печати 20.11.2021. Формат 70х100/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,85. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ЮНИКОПИ
Тел.: +7(831)283-12-34
E-mail: print@unicopy.pro